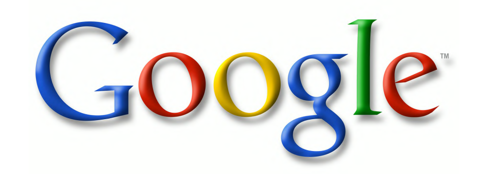
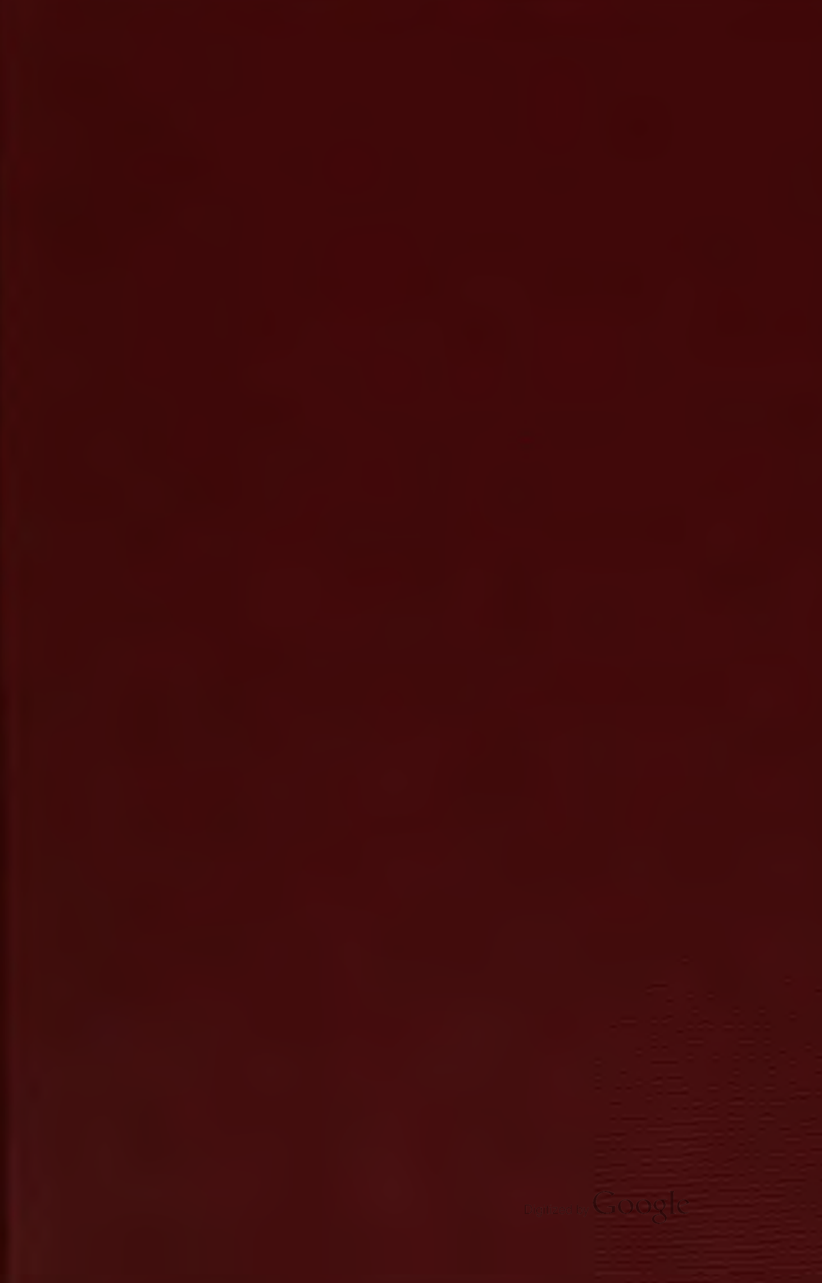
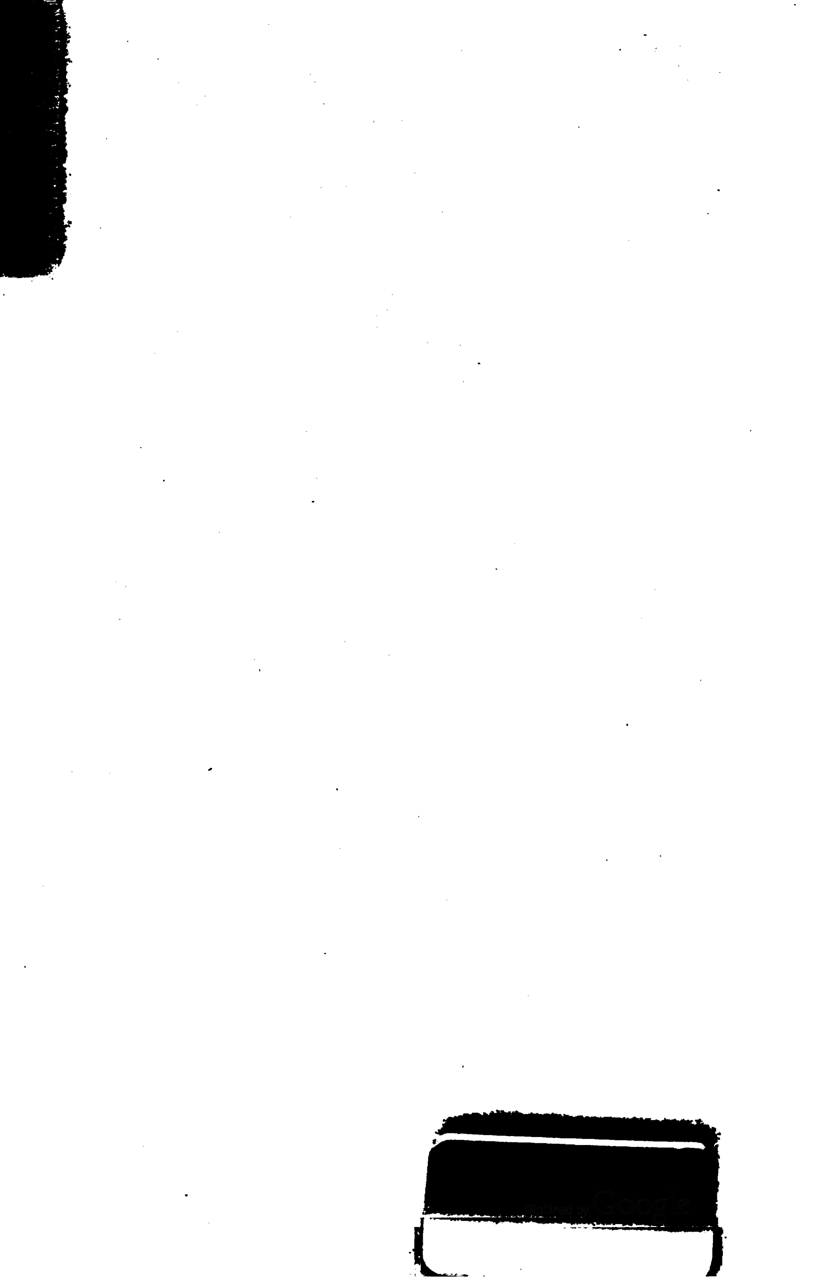

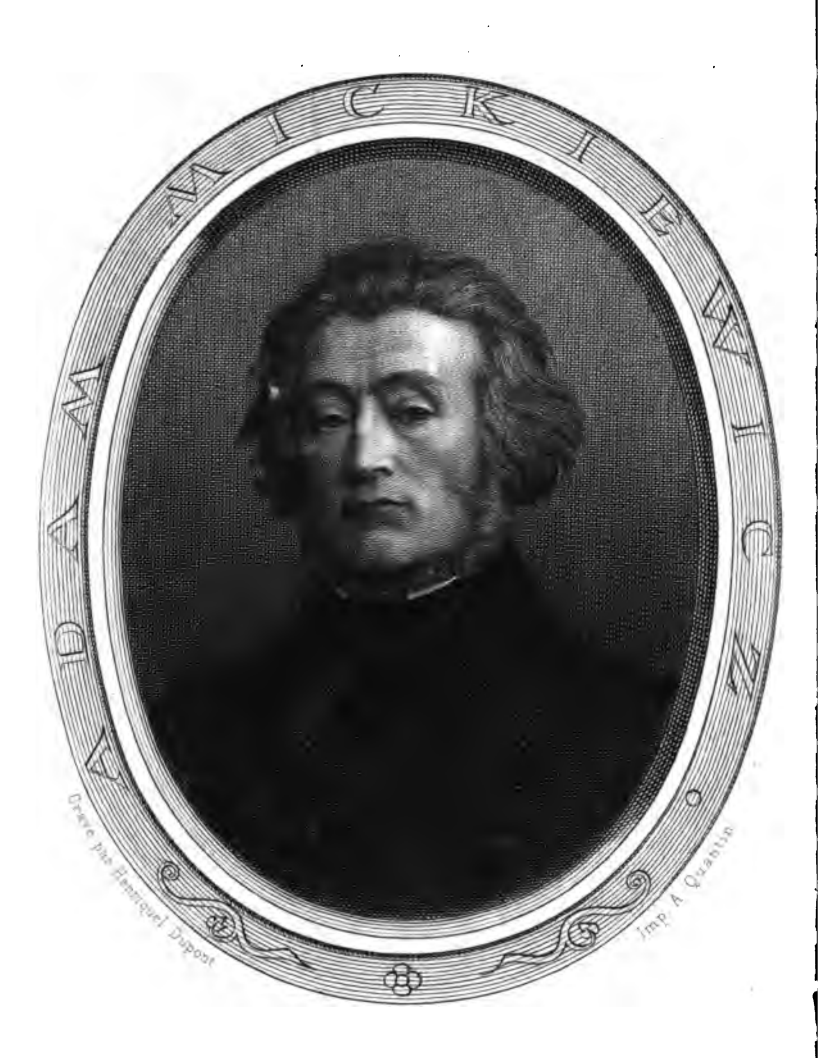

СОЧИНЕНІЯ

А. МИЦКЕВИЧА.

Томъ I.

ADAM MICKIEWICZ
Gravé par Henriquel Dupont
Imp. A. Quantin

СОЧИНЕНІЯ
А. МИЦКЕВИЧА.

РУССКІЙ ПЕРЕВОДЪ

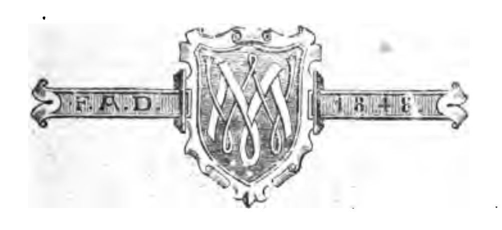
В. БЕНЕДИКТОВА, Н. СЕМЕНОВА

И ДРУГИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ П. Н. ПОЛЕВОГО.

ТОМЪ I.

Біографія. — Мелкія Стихотворенія.

ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА-ТИПОГРАФА М. О. ВОЛЬФА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ,
Гостиный дворъ, №№ 17 и 18.

МОСКВА,
Кузнецкій мостъ, д. Михалкова.

1882.

Типографія М. О. Вольфа (Спб., Вас. Остр., 16 л., д. № 5).

БІОГРАФІЯ

МИЦКЕВИЧА,

составленная

П. Н. ПОЛЕВЫМЪ.

Въ польской литературѣ, несмотря на большое изобиліе біографическаго матеріала, касающагося личности и характера Мицкевича, описывающаго подробно различныя эпохи его жизни — до сихъ поръ все же нѣтъ ни одной полной и серьезной біографіи великаго поэта. Чрезвычайно любопытенъ и поучителенъ, между прочимъ, и тотъ фактъ, что менѣе Мицкевича замѣчательные современные ему поэты уже удостоены учеными изслѣдователями біографическихъ трудовъ, которые могутъ быть названы классическими; а между тѣмъ, по отношенію къ біографіи Мицкевича не сдѣлано до сихъ поръ даже систематическаго свода фактовъ (въ родѣ трудовъ Анненкова и Бартенева для біографіи Пушкина)—свода, который бы давалъ возможность разобраться въ разнородномъ біографическомъ матеріалѣ и указалъ бы путеводную нить къ наиболѣе правильной и безпристрастной оцѣнкѣ поэта. А между тѣмъ современники Мицкевича, близкіе и дорогіе ему люди, свято хранящіе въ памяти преданія о его частной жизни и поэтической дѣятельности, одинъ за другимъ сходятъ въ могилу, унося съ собою память о быломъ. Даже семья Мицкевича, принятая подъ покровительство польской эмиграціей, бездѣйствуетъ; издаваемое Владиславомъ Мицкевичемъ вообще очень слабо и недостаточно освѣщено критикой... Чѣмъ объяснить

такое странное явленіе, такое равнодушіе къ памяти великаго поэта? Неужели тѣмъ, что интересъ къ изученію его произведеній слабѣетъ въ средѣ польской интеллигенціи?... Или, можетъ быть, тѣмъ, что, въ настоящее время, идеалы ея слишкомъ далеки отъ идеаловъ Мицкевича, и насущные вопросы дѣйствительности не даютъ ей возможности вполнѣ безпристрастно отнестись къ той жизни, которая окружала великаго поэта, особенно въ послѣдній періодъ его жизни.

Если наше предположеніе хоть сколько нибудь справедливо по отношенію къ польской интеллигенціи, то, конечно, каждому должно быть понятно, что безпристрастная оцѣнка различныхъ сторонъ поэтической и общественной дѣятельности Мицкевича еще не скоро наступитъ для насъ, русскихъ, и многія стороны біографіи Мицкевича останутся для насъ навсегда темными и не вполнѣ понятными. Вотъ почему мы не считаемъ возможнымъ помѣщеніе полной и подробной біографіи Мицкевича во главѣ печатаемаго нами полнаго собранія сочиненій поэта, и удовольствуемся самымъ краткимъ перечнемъ важнѣйшихъ біографическихъ фактовъ, ради уясненія внутренней и внѣшней связи между поэтическими произведеніями Мицкевича.

Адамъ Мицкевичъ родился въ селѣ Заосьѣ (близъ Новогрудка, Минской губерніи), въ самый Рождественскій сочельникъ, 24 декабря 1798 года; онъ происходилъ изъ стараго литовскаго рода, давно уже захудалаго и обѣднѣвшаго. Отецъ Мицкевича, Николай, былъ мелкимъ безпомѣстнымъ шляхтичемъ, владѣлъ въ Новогрудкѣ только небольшимъ домикомъ и вы-

нужденъ былъ содержать свою многочисленную семью адвокатствомъ. На десятомъ году Адамъ отданъ былъ въ училище къ доминиканамъ, въ Новогрудкѣ. Отсюда, въ 1815 году, Адамъ Мицкевичъ, учившійся очень хорошо, направленъ былъ въ виленскій университетъ, среди профессоровъ котораго одинъ изъ родственниковъ Мицкевича былъ деканомъ факультета. Здѣсь Адаму удалось попасть на казенную стипендію, и четыре года своего пребыванія въ виленскомъ университетѣ онъ всегда считалъ лучшими годами своей жизни. Виленскій университетъ былъ въ то время на верху своей славы, и между профессорами было много людей весьма почтенныхъ и замѣчательныхъ. Одни были представителями строгаго, въ то время уже отживавшаго свой вѣкъ классицизма, другіе проводниками болѣе новаго, болѣе реальнаго, романтическаго направленія. Мицкевичъ съ особенною любовью изучалъ здѣсь старыхъ польскихъ поэтовъ, занимался древними литературами и знакомился съ новыми въ то время взглядами Лелевеля на всеобщую исторію. Первые поэтическіе опыты Мицкевича сильно отзывались классицизмомъ и дидактикой, и только совершенно случайное обстоятельство заставило поэта перейти къ другому, болѣе благодарному роду. Сынъ профессора русской словесности (Чернявскаго), маленькій мальчикъ, любимецъ Мицкевича, прочиталъ ему однажды заученную наизусть Людмиллу Жуковскаго... Мицкевичъ пришелъ въ восторгъ отъ баллады и самъ обратился къ этому роду произведеній. Первою балладою его была Лилія, а за нею послѣдовали и другія, заимствованныя изъ народныхъ литовскихъ преданій. Особенно изобильно сталъ бить ключъ поэтическаго вдохно-

венія тогда, когда Мицкевичъ, окончивъ университетъ, покинулъ Вильно и получилъ въ Ковнѣ мѣсто учителя латинскаго языка. Связи его съ Вильной и виленскими друзьями не порывались; онъ чувствовалъ, что творитъ новое и прекрасное; они сознавали, что между ними явился великій поэтъ.

Въ этотъ богатый поэтическимъ вдохновеніемъ періодъ пребыванія въ Ковнѣ (1820—1823), когда написаны были между прочими, и Ода къ молодости, и Гражина—Мицкевичу пришлось пережить такую сильную страсть, которая чуть чуть не свела его въ могилу и оставила глубокій слѣдъ на послѣдующемъ періодѣ его жизни. Героинею романа, вскружившею голову Мицкевичу, была Марія Верещакъ, дочь богатаго помѣщика Новогрудскаго уѣзда, владѣвшаго поэтическою усадьбою на берегу озера Свитези, впослѣдствіи прославленнаго поэтомъ. Эта Марія, подъ именемъ Мариллы, явилась во многихъ произведеніяхъ Мицкевича. Даже и 7 — 8 лѣтъ спустя, при переѣздѣ черезъ Альпы въ 1829 году, Мицкевичъ еще обращался къ своему идеалу съ сокрушеніемъ и тоскою:

«И такъ, я не могу разстаться съ тобою, никогда, никогда!
Ты и моремъ плывешь за мною, и по сушѣ идешь,
На горныхъ ледникахъ чудятся мнѣ твои блестящіе слѣды,
И голосъ твой слышу среди шума альпійскихъ водопадовъ».

Отголоскомъ этой страстной любви явились нѣкоторыя, наиболѣе фантастическія части его поэмы «Дзяды или Поминки», впервые напечатанныя уже въ 1823 году.

Чрезвычайно любопытно то, что первыя произведенія Мицкевича закончившіяся Гражиной (изд. 1822—23 гг.), были также неблагопріятно, также враждебно встрѣчены критикой со стороны классиковъ, какъ «Русланъ и Людмилла» Пушкина. Но отзывы критики не запугали Мицкевича; онъ пошелъ далѣе своею дорогою.

Въ 1823 году виленскій университетскій кружокъ подвергся нѣкоторымъ преслѣдованіямъ. Кружки филаретовъ и филоматовъ, въ которые такъ тѣсно сплотилась виленская университетская молодежь, также пострадали. Дѣло кончилось безъ суда, однако же многіе изъ числа молодежи были сосланы. Мицкевичъ и его закадычный другъ, Францъ Малевскій, получили также предложеніе отправиться на службу во внутреннія губерніи, и избрали своимъ мѣстопребываніемъ Одессу. Тамъ Мицкевичъ надѣялся получить мѣсто при Ришельевскомъ Лицеѣ.

Мѣста Мицкевичъ не получилъ, но воспользовался своимъ пребываніемъ на югѣ Россіи въ самомъ лучшемъ смыслѣ слова. Здѣсь онъ посѣтилъ, осенью 1825 года, южный берегъ Крыма, сопровождая графа Генриха Ржевусскаго, превосходно знавшаго «старую Польшу». Впечатлѣніе, произведенное Крымомъ, было до такой степени сильно, что Мицкевичъ увлекся Востокомъ, сталъ даже въ подлинникахъ изучать восточныхъ поэтовъ и написалъ тотъ рядъ Крымскихъ Сонетовъ, которые такъ много разъ были пересажены на русскую почву нашими поэтами.

Съ юга Россіи Мицкевичъ попалъ въ Москву, въ самый разгаръ споровъ между классиками и романтиками, и здѣсь, въ Москвѣ, написалъ (въ 1827 году) свою

поэму *Валленродъ*, окончательно опредѣлившую его значеніе, какъ поэта романтическаго, сильнаго и духомъ, и словомъ.

Въ Москвѣ Мицкевичъ былъ восторженно принятъ не только польскимъ, но и русскимъ обществомъ, которое его на рукахъ носило. Его всѣ баловали; всѣ наперерывъ старались ему угодить и заискивали въ его расположеніи. Сближаясь съ нашими молодыми литературными кружками, Мицкевичъ не могъ не сойтись и съ кружкомъ «Московскаго Телеграфа», такъ какъ онъ былъ друженъ съ княземъ П. А. Вяземскимъ, а черезъ него познакомился и съ редакторомъ «Московскаго Телеграфа» Н. А. Полевымъ. Братъ и сотрудникъ Н. А. Полевого, Ксенофонтъ Полевой, оставилъ намъ весьма любопытное описаніе личности и характера Мицкевича за это время. Считаемъ неизлишнимъ указать на это описаніе тѣмъ болѣе, что оно вообще мало извѣстно *).

По поводу созданія Мицкевичемъ *Валленрода* одинъ изъ біографовъ поэта замѣчаетъ между прочимъ: «Никогда *Валленродъ* не былъ, по понятіямъ автора, политическою программою; онъ даже и не предлагалъ его, какъ идеалъ, но онъ облюбовалъ созданное имъ лицо, носился долго съ идеями Валленрода, а въ этихъ идеяхъ есть доля яду, опасная, вредоносная, вселяющая полное недовѣріе съ одной стороны и дающая возможность съ другой, — всякимъ ренегатамъ прикрываться, корчить изъ себя *валленродствующихъ*». Любопытно, для характеристики

*) Оно помѣщено въ „Запискахъ о жизни и сочиненіяхъ Н. А. Полевого", соч. Ксенофонта Полевого, Спб. 1855. Стр. 71—76.

эпохи, то, что ни русское общество, въ періодъ появленія Валленрода, ни польская интеллигенція — не проникали въ самую суть поэмы, не видали идеи, положенной въ ея основу, и не предвидѣли, какъ страшны будутъ сѣмена, посѣянныя поэтическимъ творчествомъ Мицкевича!

Въ концѣ 1827 года Мицкевичу разрѣшено было пріѣхать въ С.-Петербургъ, а потомъ и совсѣмъ въ немъ поселиться. Московскіе пріятели, провожая Мицкевича, поднесли ему на прощанье серебряный кубокъ, съ вырѣзанными на немъ стихами И. Кирѣевскаго *).

Въ С.-Петербургѣ Мицкевичъ постоянно вращался въ лучшемъ обществѣ столицы. Особенно важно, въ біографическомъ смыслѣ, его сближеніе съ домомъ знаменитой, европейской піанистки Маріи Шимановской, на дочери которой онъ впослѣдствіи женился. Обласканный Жуковскимъ, Мицкевичъ, здѣсь же, въ Петербургѣ, ближе сошелся съ Пушкинымъ, съ которымъ первое знакомство свелъ гораздо ранѣе (еще въ Одессѣ). До какой степени силенъ былъ въ это время поэтическій даръ Мицкевича, можно судить потому, что способность къ импровизаціи стихами, которою всегда отличался Мицкевичъ, въ это время проявлялась изумительными фактами: — въ сочельникъ Рождества 1827 года, на предложенный Н. Малиновскимъ сюжетъ онъ импровизировалъ, въ два часа, стихами, цѣлую историческую драму: «Самуилъ Зборовскій» **).

*) Мнѣ удалось видѣть этотъ кубокъ, хранящійся донынѣ у Владислава Мицкевича. Никакихъ стиховъ на немъ не вырѣзано, и только внутри его вырѣзаны имена братьевъ Кирѣевскихъ, Баратынскаго, Н. Полевого, Шевырева и С. Соболевскаго.

**) Любопытно, при этомъ, однако же, что въ теченіи пятилѣтняго пребыванія въ Россіи былъ написанъ только «Фарисъ».

Въ 1829 г. сбылась любимая мечта поэта, давно задумавшаго совершить артистическое путешествіе въ классическую страну искусства,—Италію. «При помощи вліятельныхъ друзей и покровителей, Мицкевичу удалось, хотя не безъ труда, получить заграничный паспортъ, съ которымъ онъ и отплылъ 13 мая 1829 г. изъ Кронштадта, давъ слово виленскому пріятелю, чистокровному романтику, А. Э. Одынцу, съѣхаться съ нимъ въ Дрезденѣ». Одынецъ (извѣстный польскій поэтъ) благоговѣлъ передъ Мицкевичемъ и записывалъ изо-дня въ день всѣ похожденія, всѣ бесѣды свои съ знаменитымъ поэтомъ въ теченіе двухълѣтняго ихъ путешествія (1829—1830). Должно предполагать, что средства къ странствованіямъ Мицкевича доставлены были также его покровителями и друзьями.

Съѣхавшись съ Одынцомъ въ Дрезденѣ, Мицкевичъ отправился въ Веймаръ на поклоненіе великому германскому поэту — старцу Гёте, къ которому онъ имѣлъ рекомендательныя письма. Оказалось, что Гёте, глубоко и многосторонне-образованный, зорко слѣдившій за всѣми новыми явленіями въ области поэзіи, уже знакомъ былъ съ произведеніями Мицкевича (между прочимъ и съ его Конрадомъ Валленродомъ) по нѣмецкимъ переводамъ. Любезно принятые старцемъ-поэтомъ, оба пріятеля провели въ его обществѣ двѣ недѣли; но, кажется, впечатлѣнія, вынесенныя ими, далеко несоотвѣтствовали ихъ пламеннымъ ожиданіямъ *).

---

*) Академикъ П. Дубровскій, въ своей біорафіи Мицкевича (Спб. 1859) сообщаетъ между прочимъ,, будто Гёте подарилъ Мицкевичу золотое перо и сказалъ: «Вы те-

Изъ Веймара странники направились по Рейну, спустились въ Италію черезъ Сплюгенъ, были въ Миланѣ, Флоренціи, Венеціи, и когда пріѣхали въ Римъ, то увидѣли себя въ кругу старыхъ знакомыхъ, среди которыхъ имъ приходилось жить въ Литвѣ и въ Россіи. Тутъ были и польскіе магнаты, и знаменитые европейскіе художники, и русскіе аристократы, и ученые... Среди этого въ высшей степени пріятнаго общества, жизнь Мицкевича и Одынца потекла незамѣтно, день за днемъ. Рауты, литературные вечера, прогулки по римскимъ развалинамъ въ обществѣ археологовъ и глубокихъ знатоковъ искусства—все увлекало молодыхъ поэтовъ и заставило ихъ забывать о дѣйствительности. Здѣсь же пришлось пережить Мицкевичу и еще одинъ романъ, длившійся почти два года. Дочь графа Анквича-Скорбека, Генріетта-Эва, напомнила поэту первую мечту его юности, и онъ влюбился въ нее не на шутку. Эва отвѣчала Адаму полною взаимностью чувства; но гордость графа поставила непреодолимую преграду между влюбленными:—о бракѣ съ бѣднымъ литовскимъ шляхтичемъ графъ не хотѣлъ и слышать. Видя это, Мицкевичъ не рѣшался настаивать, не дѣлалъ предложенія и находилъ, что съ его стороны всякій рѣшительный шагъ могъ бы уронить его достоинство. Какъ разъ въ это время разразилось осенью 1830 года извѣстное повстанье въ Царствѣ Польскомъ, столь сильно измѣнившее положеніе Польши... Отчасти подъ вліяніемъ грозныхъ историческихъ событій, происходившихъ на родинѣ, отчасти

перъ величайшій изъ живущихъ европейскихъ поэтовъ: Гёте ужъ сходитъ въ могилу.» Не можетъ подлежать никакому сомнѣнію то, что этого никогда не было и быть не могло.

подъ вліяніемъ того чувства, которое не находило себѣ исхода, — Мицкевичъ сталъ въ Римѣ впервые отставать отъ того философскаго вольнодумства, которое было моднымъ направленіемъ между виленскою молодежью 1820-хъ годовъ, и вдаваться въ противоположную крайность — въ религіозный мистицизмъ, который и привелъ его въ послѣдствіи на край гибели.

Этотъ поворотъ былъ роковымъ для Мицкевича во многихъ отношеніяхъ. Вѣроятно подъ вліяніемъ его, и, во всякомъ случаѣ, безъ малѣйшей причины со стороны предмета своей страсти, Мицкевичъ вдругъ рѣшился покинуть тотъ кружокъ, среди котораго такъ незамѣтно провелъ два года—и внезапно уѣхалъ изъ Рима (19 апрѣля 1831 года), даже не простившись съ Анквичами, которыхъ ему уже никогда болѣе не пришлось видѣть въ послѣдствіи. Друзья поэта утверждаютъ, что этотъ отъѣздъ произошелъ именно въ то время, когда его менѣе всего можно было ожидать, потому что графъ былъ уже почти согласенъ на бракъ своей дочери съ Мицкевичемъ и только ожидалъ того, чтобы гордый юноша «хорошенько попросилъ» у него руки дочки.

Повидимому, Мицкевичъ, не чувствовавшій въ себѣ ни способностей воина, ни способностей государственнаго человѣка, все же проникся желаніемъ участвовать въ движеніи и раздѣлить жребій съ тѣми, которые, съ оружіемъ въ рукахъ, погибали въ это время подъ Варшавой. Но, въ то время, какъ Мицкевичъ ѣхалъ на родину, повстанье было подавлено, Варшава сдана Паскевичу, и Мицкевичу пришлось уже раздѣлить только «страданія польской эмиграціи»...

Скитаясь по Европѣ, Мицкевичъ жилъ нѣкоторое

время въ Дрезденѣ, и здѣсь читалъ и писалъ очень много, какъ бы очнувшись отъ того чада блаженства, который былъ на него навѣянъ изящными и художественными впечатлѣніями его жизни въ Римѣ, среди избраннаго кружка друзей и аристократовъ. Взявшись, по совѣту Одынца, за переводъ Байронова «Гяура», онъ вдругъ оставилъ его въ сторонѣ и, поддавшись возникшей въ немъ идеѣ національности, подъ вліяніемъ разсказовъ, слышанныхъ отъ очевидцевъ, написалъ нѣсколько превосходныхъ вещей, проникнутыхъ глубокимъ патріотизмомъ. Между ними первое мѣсто принадлежитъ извѣстному поэтическому разсказу о взятіи редута Ордона. Здѣсь же, въ Дрезденѣ, подъ вліяніемъ очень смутныхъ и смѣшанныхъ настроеній, написана 3-ья часть Дзядовъ, въ которой, не щадя красокъ, Мицкевичъ набрасываетъ очень яркую картину того состоянія, въ которомъ очутилось польское общество послѣ повстанія.

Но здравый поэтическій смыслъ, истинное пониманіе національности и то чувство мѣры, которое постоянно составляло отличительную черту всѣхъ произведеній Мицкевича въ лучшую пору его дѣятельности,— еще разъ взяли верхъ надъ отвлеченною, фантастическою стихіею, охватившею Мицкевича послѣ 1831 года. Онъ вдругъ вырывается (послѣ 3-ей части Дзядовъ) изъ объятій байронизма и бросается въ совершенно противоположную сторону. Изъ-за этихъ воспоминаній и впечатлѣній, еще ярче выступавшихъ на скудной и скучной чужбинѣ, въ душѣ поэта возникло цѣльное и прекрасное произведеніе, которое, безспорно, должно было обезсмертить имя Мицкевича. Это произведеніе—«шляхетскій эпосъ въ 12 пѣс-

няхъ» — извѣстная поэма: «Панъ Тадеушъ». Написанная спокойно, задуманная широко и связанная съ тою многознаменательною эпохою Наполеонова нашествія на Россію, отъ которой поляки ожидали «возрожденія старой Польши», — панъ Тадеушъ уподобляется новѣйшими польскими критиками безсмертнымъ эпопеямъ Гомера, и въ этомъ случаѣ ихъ нельзя упрекнуть въ слишкомъ большомъ преувеличеніи.

*Поэма писалась среди самыхъ неблагопріятныхъ условій внѣшнихъ, среди большой нужды матеріальной, отчасти у изголовья умиравшаго въ чахоткѣ друга, но писалась горячо, выливалась цѣлымъ, непрерываемымъ потокомъ поэтическаго вдохновенія, высоко-настроеннаго любовью къ далекой родинѣ. Казалось, что вдохновеніе спѣшило воспользоваться удобнымъ временемъ, спѣшило излиться въ тѣ немногія, и увы, очень краткія минуты просвѣтлѣнія, которыя еще оставались въ распоряженіи великаго поэта! Мицкевичъ жилъ (при началѣ поэмы) въ Дрезденѣ, а потомъ, въ 1832 году, въ Парижѣ, гдѣ между прочимъ былъ серьезно озабоченъ хлопотами о продажѣ авторскаго права на изданіе всѣхъ своихъ сочиненій за пенсію въ 1000 злотыхъ (150 ф. сер.), которую бы онъ могъ получать пожизненно *).*

Первое извѣстіе о поэмѣ встрѣчается въ письмѣ Мицкевича отъ 8 декабря 1832 г.: «пишу сельскую поэму въ родѣ Германа и Доротеи, и накропалъ уже съ тысячу стиховъ»... Онъ писалъ «Тадеуша», бросалъ его, и опять къ нему возвращался, увлекаемый неудержимою силою воспоминаній о родномъ краѣ. Въ фев-

*) *Къ этой отчаянной мѣрѣ отчасти побуждало его то, что его сочиненія подвергались контрафакціи въ Германіи.*

фалѣ 1834 г., онъ уже писалъ Одынцу: «Вчера кончилъ Тадеуша—огромныя двѣнадцать пѣсень; много пустаго, но много и хорошаго»... «...Лучшее, что тамъ есть—картины съ натуры нашего края и нашихъ домашнихъ обычаевъ»... И въ томъ же письмѣ мы видимъ по нѣкоторымъ, весьма прозрачнымъ намекамъ, что вдохновеніе поэта видимо изсякло, что ясное сознаніе его уже вновь начинали заволакивать туманные мистическіе образы, потому что къ своему упоминанію о Тадеушѣ онъ находитъ нужнымъ добавить: ...«Конечно, я уже никогда болѣе не обращу пера на пустяки. Можетъ быть я и Тадеуша бросилъ бы, но онъ уже былъ близокъ къ концу. Кончилъ съ трудомъ, потому что духъ порывалъ меня въ другую сторону, къ продолженію Дзядовъ, изъ которыхъ я намѣренъ сдѣлать единственное мое произведеніе, достойное чтенія». Поэту, видимо, и въ голову не приходило, чтобы Панъ Тадеушъ могъ пережить всѣ его произведенія!...

Несмотря на восторгъ самый неподдѣльный, самый искренній и общій, вызванный появленіемъ поэмы, Мицкевичъ относился и къ своему произведенію, и къ его успѣху совершенно безучастно... «Духъ увлекалъ его въ другую сторону»— и велъ прямо къ погибели...

Уже въ декабрѣ 1834 года онъ участвуетъ, въ Парижѣ, въ основаніи особаго польскаго религіознаго общества Соединенныхъ Братьевъ, и около того же времени пишетъ Одынцу: «Вижу, что я слишкомъ много жилъ и работалъ для міра сего, для пустыхъ похвалъ и мелкихъ цѣлей. Только то писаніе чего-нибудь стоитъ, посредствомъ котораго человѣкъ можетъ исправиться и научиться мудрости».

Около того же времени въ жизни поэта произошла важная перемѣна, вызванная, повидимому, также его новымъ, страннымъ настроеніемъ: Мицкевичъ женился на дочери піанистки Шимановской, въ домѣ которой онъ бывалъ такъ часто въ Петербургѣ. Невѣсту свою, Селину Шимановскую, Мицкевичъ зналъ только понаслышкѣ, черезъ друзей своихъ. Слыша похвалы Селинѣ, Мицкевичъ сказалъ друзьямъ, что онъ не прочь бы жениться на ней... Друзья выписали Селину въ Парижъ, и «устроили дѣло» *).

Заботы о нарождавшейся семьѣ и о хлѣбѣ насущномъ на время отрезвили Мицкевича, и заставили его подумать о дѣйствительности. Заботы о хлѣбѣ насущномъ вынуждали поэта даже помышлять о постановкѣ эффектной драмы (Барскіе конфедераты) на сценѣ театра «Porte-Saint-Martin, а затѣмъ въ 1832 году заставили его рѣшиться принять каѳедру латинской словесности въ Лозаннскомъ Университетѣ. Между тѣмъ его парижскіе друзья успѣли приготовить ему иное, болѣе подходящее положеніе. Въ 1840 году Мицкевичу была предложена каѳедра Славянскихъ литературъ, въ Collège de France, съ очень приличнымъ содержаніемъ. Положеніе это, въ высшей степени почетное, должно было сильно польстить самолюбію поэта и, повидимому, способно было бы оживить угасавшія его творческія силы. Его друзья и почитатели его таланта

*) Эта женитьба не принесла счастья Мицкевичу: жена его, въ сущности прекрасная и достойная женщина, была постоянно больна и до смерти своей (1855) сходила три раза съ ума.

вправѣ были ожидать отъ него очень многаго. И дѣйствительно, около этого времени его еще разъ (послѣдній) осѣнило давно небывалое поэтическое вдохновеніе: въ день Рождества 1840 года, когда друзья давали Мицкевичу обѣдъ, Мицкевичъ, вызванный на импровизацію Словацкимъ, отвѣчалъ ему съ давно-забытымъ жаромъ!... Но трудъ профессорскій, кропотливый и постоянный, оказался не по душѣ Мицкевичу: онъ не могъ удержаться на высотѣ спокойнаго, безпристрастнаго отношенія къ предмету своего преподаванія и больше говорилъ своей публикѣ о Польшѣ, чѣмъ о славянствѣ, съ которымъ онъ былъ вообще мало знакомъ, да въ сущности даже и не могъ быть знакомъ, потому что эпоха «Славянскаго Возрожденія» была тогда еще въ самомъ началѣ, и самое изученіе славянства еще только зачиналось на каѳедрахъ. Но болѣе всего сбивало съ пути Мицкевича его несчастное пристрастіе къ мистическому мышленію, которому, подъ вліяніемъ извѣстнаго мистика и теозофа Товянскаго, Мицкевичъ окончательно подпалъ уже въ 1841 году. Товянскій образовалъ въ католической церкви положительный расколъ; ересь, въ которую онъ увлекъ за собою массу послѣдователей, получила впослѣдствіи названіе *товянизма*. Не входя въ объясненіе ея сущности, замѣтимъ только, что она во многомъ имѣла сходство съ современнымъ спиритизмомъ, и что вліяніе товянизма отразилось не только на частной жизни Мицкевича, но и на его лекціяхъ по славянскимъ литературамъ. Лекціи, мало-по-малу, подъ вліяніемъ восторженнаго мистицизма, перешли въ идеализацію всѣхъ, даже и весьма непривлекательныхъ, сторонъ древне-польской старины и ея историческаго быта;

«племя славянское изображено, какъ нѣчто единое, въ которомъ дѣйствуютъ, развиваясь, двѣ діаметрально противуположныя и взаимно-исключающія себя идеи: русская и польская. Идеѣ польской предрекаема была побѣда при ополченіи противъ сѣвернаго колосса того европейскаго запада (т. е. собственно Франціи), который дѣйствуетъ въ Христово-наполеоновскомъ тонѣ и духѣ»). Рядомъ съ этими странными идеями Мицкевичъ сталъ все громче и громче проповѣдывать противъ бездушія и холодности польской эмиграціи и даже на каѳедру перенесъ свои упреки противъ ея равнодушія къ общему дѣлу. Слѣдствіемъ такого страннаго отношенія Мицкевича къ полякамъ было то, что онъ долженъ былъ сначала сложить съ себя званіе предсѣдателя польскаго историко-литературнаго общества въ Парижѣ, а вскорѣ послѣ того потерялъ и каѳедру въ Collège de France, вслѣдствіе своего крайне-небрежнаго отношенія къ профессорскимъ обязанностямъ. На послѣднихъ лекціяхъ своихъ онъ сталъ, подъ вліяніемъ своего тягостнаго душевнаго омраченія, обращаться къ публикѣ, спрашивая слушателей, «видѣли-ли они воплощенное откровеніе» и дѣлать воззваніе къ духу Наполеона для духовнаго общенія съ нимъ.

Послѣ этихъ, пережитыхъ Мицкевичемъ, невзгодъ и треволненій наступилъ временно опять нѣкоторый періодъ просвѣтленія нравственнаго. Около 1847 года онъ даже прекратилъ сношенія съ Товянскимъ и наконецъ высвободился изъ-подъ его удручающаго вліянія. Въ самомъ началѣ февральской революціи Мицкевичъ отправился въ Италію, съ цѣлью образованія польскаго легіона, и вернулся въ Парижъ полный надеждъ

на возрождавшуюся власть потомковъ Бонапарта. Временно, въ теченіи года, Мицкевичъ здѣсь былъ редакторомъ газеты «Tribune des Peuples», закрытой въ 1849 году. Вскорѣ послѣ того онъ получилъ скромное мѣсто библіотекаря при арсенальной библіотекѣ въ Парижѣ, и, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе увлекался бонапартизмомъ, въ развитіи котораго, при полномъ непониманіи Россіи и русскаго народа, поэтъ-мечтатель видѣлъ возможность возрожденія Польши. Даже кровавые ужасы декабрьскихъ дней 1852 года не отрезвили Мицкевича и не поколебали его вѣры въ Наполеона III, отъ котораго съ ужасомъ отвернулись и отступили всѣ друзья Мицкевича, и котораго такъ яростно осыпалъ проклятіями другой вдохновенный поэтъ-изгнанникъ изъ своего Джерсейскаго уединенія. Увлеченный бонапартизмомъ и мечтами о мнимой пользѣ родины, о которой менѣе всего способенъ былъ заботиться Наполеонъ III, Мицкевичъ, въ началѣ крымской кампаніи, рѣшился на совершенно безумный шагъ. Вскорѣ послѣ смерти жены, онъ вдругъ покинулъ свою скромную должность библіотекаря и отправился въ Константинополь, съ порученіемъ отъ французскаго правительства — содѣйствовать образованію польскихъ легіоновъ въ Турціи!! Лихорадка, захваченная въ Бургасѣ, быстро свела поэта въ могилу.... Онъ умеръ 28 ноября 1855 года, въ Константинополѣ. Прахъ Мицкевича былъ перевезенъ въ Монморанси, близъ Парижа.

Послѣ смерти поэта, польское общество, по особой подпискѣ, достигнувшей довольно крупной цифры, обезпечила семью Мицкевича и оградила авторскія права на изданіе его сочиненій отъ всякихъ попытокъ

контрафакціи. Одинъ изъ его сыновей (старшій). Владиславъ, основалъ въ Парижѣ, около люксенбургскаго дворца, польскую книжную торговлю, занимался и журналистикой, и отчасти пропагандой польскихъ идей среди французскаго общества. Имъ были изданы нѣкоторыя брошюры по польскому вопросу, напечатаны кое-какіе мемуары, и наконецъ начато въ концѣ 1860-хъ годовъ изданіе полнаго собранія сочиненій отца, далеко неоправдавшее общихъ ожиданій своимъ внутреннимъ содержаніемъ. Лучшимъ изданіемъ сочиненій поэта и до сихъ поръ все еще остается парижское изданіе сочиненій Мицкевича, подъ редакціею. И. Клачко и Е. Япушкевича напечатанное въ Парижѣ М. О. Вольфомъ (въ типографіи Мартинэ, въ 1860 — 61 гг.); къ этому изданію приложенъ и тотъ превосходно гравированный Дангеномъ и Дюпономъ портретъ Мицкевича, который мы прилагаемъ и къ настоящему изданію сочиненій его на русскомъ языкѣ.

П. Полевой.

30 декабря 1881.
Спб.

БАЛЛАДЫ И РОМАНСЫ.

Первоцвѣтъ

(Primula veris).

Чуть первый жаворонка привѣтъ
Раздался съ неба чистъ и звонокъ,
Ужь самый ранній первоцвѣтъ
Изъ золотыхъ блеснулъ пеленокъ.

Я.

Цвѣточекъ, рано изъ земли!
Еще мгла полночи сурова,
Съ горъ пятна снѣга не сошли,
Еще не высохла дуброва.

Зажмурь златистый твой глазокъ,
Укройся, цвѣтикъ перворoдной,
Вѣдь сгубитъ инея зубокъ,
Жемчужинка росы холодной.

Цвѣтокъ.

Дни мотылька намъ далъ Творецъ;
Съ восходомъ жизнь, въ полдня конецъ;
Но мигъ въ апрѣлѣ драгоцѣннѣй
Всѣхъ декабрей поры осенней.

Ты ищешь дара для боговъ,
Друзей иль милой? — На вѣночекъ
Возьми для нихъ ты мой цвѣточекъ,
Вѣнокъ то будетъ изъ вѣнковъ.

Я.

Въ травѣ ничтожной въ перелѣскѣ
Ты дикимъ выросъ, милый цвѣтъ!
При маломъ ростѣ, маломъ блескѣ,
Чѣмъ удивить ты можешь свѣтъ?

Не красками зари румяной,
Не строемъ лилій, не чалмой
Очаровательной тюльпана,
Не персей розы красотой.

Я изъ тебя вѣнокъ сплетаю;
Но слишкомъ вѣришь ты въ себя!
Друзья и милая, не знаю,
Привѣтно ль примутъ въ даръ тебя?

Цвѣтокъ.

Мнѣ, ангелу весны чудесной,
Привѣтъ найдется у друзей;
Вѣдь дружба съ блескомъ несовмѣстна,
И тѣнь, какъ мнѣ, отрадна ей.

Ужелъ я милыхъ рукъ нисколько
Не стою, Лила? — дай отвѣтъ!
За первый юности букетъ
Слеза мнѣ первая — и только!

Романтизмъ.

«Что съ тобою, красота унылая?»—
Но какъ-будто не слышитъ она.
— «Въ небесахъ бѣлый день, моя милая;
Вкругъ тебя ни души, тишина...
Такъ кого же ты ищешь и кликаешь?
Или горе тяжелое мыкаешь?» —
Но какъ-будто не слышитъ она.

То стоитъ словно окаменѣлая,
То, движенія быстрыя дѣлая,
Вкругъ себя она быстро глядитъ;
То слезами она заливается,
За кого-то какъ-будто хватается,
То смѣется, то плачетъ навзрыдъ.

«Ты ли, Ваня? Ужь ночь приближается...
Ахъ, и мертвый онъ любитъ меня!
Только тише! нето догадается
Ночью мачиха злая моя.

«Впрочемъ, пусть! Вѣдь тебя схоронила я,
И скучна стала жизнь мнѣ постылая.
Ты мертвецъ,—страшно мнѣ... Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!
Я ль тебя испугаюсь, несчастная?
Вотъ лице, вотъ глаза твои ясные...
Въ бѣлый саванъ ты, Ваня, одѣтъ.

«Самъ ты бѣлъ, и все тѣло холодное,
Холодны твои руки, какъ ледъ...
Ляжемъ здѣсь — вотъ мѣстечко свободное —
Пусть меня Ваня къ сердцу прижметъ.

«Я одна! ты пойми мои жалобы...
Ужь два года ты умеръ... Да, да!
Ахъ, съ тобой умереть я желала бы:
Бѣлый свѣтъ мнѣ постылъ навсегда.

«Лучше жизнь отъ меня пусть отвяжется...
Плачу — слышу насмѣшки одни,
Говорю — людямъ странно все кажется,
А что вижу — не видятъ они.

«Приходи ко мнѣ днемъ... Ты — видѣніе?
Нѣтъ, тебя я руками держу...
Не спѣши, подожди хоть мгновеніе:
Я словечко одно лишь скажу...

«Но — поютъ пѣтухи... Съ грустью слушаю...
Загорѣлась на небѣ заря...
Онъ исчезъ... Я разсталась съ Ванюшею!
Всѣхъ на свѣтѣ несчастнѣе я.»

Такъ ласкалась, въ слезахъ причитала
Эта дѣвушка, — вопли неслись...
Вотъ бѣдняжка на землю упала,
И на крикъ ея люди сошлись.

«Сотворите молитву! — кричали
Добряки: — духъ Ванюши здѣсь былъ:
Онъ при жизни — мы всѣ это знали —
Эту дѣвушку сильно любилъ.»

Съ добряками я самъ согласился,
Полный вѣры, и тоже молился.
— «Эхъ, ты, дѣвочка!—старецъ сказалъ,
И заставилъ умолкнуть всѣхъ сразу:
— Вы очкамъ моимъ вѣрьте и глазу:
Никакихъ я здѣсь душъ не видалъ.

«Всякихъ сказокъ наслушавшись древнихъ,
О духахъ лишь болтаютъ въ харчевняхъ.
Эта дѣвочка бредила вслухъ,
А народъ къ бабьимъ бреднямъ неглухъ.»

— Въ этой дѣвочкѣ чувство глубоко,—
Отвѣчалъ я, — ей вѣритъ народъ
И не видитъ того твое око,
Что изъ насъ каждый сердцемъ пойметъ.

«Правду мертвую зная, но худо
Съ правдой внутренней жизни знакомъ,
Никогда не увидишь ты чуда:
Чудеса скрыты въ сердцѣ людскомъ.»

Свитезь.

Въ странѣ Новогрудской, кто бъ ни былъ ты, стань,
Достигнувъ Плужинскаго бора,
На мѣстѣ и на̀ воды озера глянь:
Достойно глубокое взора.

То *Свитезь*. Огромнѣйшимъ кругомъ лежитъ
Его голубая равнина;
Лѣсовъ она въ черной оправѣ блеститъ,
Какъ чистая, гладкая льдина.

И если ночной подъѣзжаешь порой
Лицомъ къ этимъ воднымъ алмазамъ—
Хоръ звѣздъ надъ тобой, и хоръ звѣздъ подъ тобой,
И видишь два мѣсяца разомъ.

Не знаешь, хрустальная ль къ небу стѣна
Идетъ, изъ-подъ ногъ возвышаясь,
Хрустальныхъ ли синихъ небесъ вышина
Нисходитъ, къ ногамъ нагибаясь.

Тотъ берегъ невидимъ; что верхъ, и что низъ—
Не скажешь; средь области звѣздной
Сдается, что самъ ты въ пространствѣ повисъ,
Объятый лазурною бездной.

Такъ ночью, при тихой погодѣ, глазамъ
Пріятно тѣхъ мѣстъ обольщенье;
Но въ ночь подъѣзжать къ этимъ страшнымъ мѣстамъ
Потребно имѣть дерзновенье—

Затѣмъ, что тамъ черти пируютъ подчасъ
Иль бьются они рукопашно.
Дрожу я, какъ слушаю старцевъ разсказъ,
А на ночь и вспомнить-то страшно.

Порой подъ водой словно вихри шумятъ;
Тутъ съ дымомъ и пламенемъ взрывы,
Громъ битвы, стонъ женскій, тревога, набатъ,
Стукъ, грохотъ и разныя дивы.

Вдругъ дымъ тотъ разсѣется, шумъ весь пройдетъ,
Исчезнутъ всѣ ужасы битвы;
Чуть листъ надъ водой шелеститъ, а изъ водъ
Исходитъ стонъ женской молитвы.

Что жь это?—Тутъ всякій свое говоритъ;
На дно заглянуть невозможно;
Есть много разсказовъ, но кто жь отличитъ,
Что вѣрно въ разсказахъ, что ложно?

Владѣлецъ, которому озеро то
Въ наслѣдье оставили предки,
Старался развѣдать — и какъ тутъ, и что?
Но были безплодны развѣдки.

И вотъ въ глубину на двѣ сотни локтей
Заказанъ былъ неводъ. Работы
Тутъ было немало. Вотъ съ возомъ сѣтей
Готовы и лодки, и боты.

Когда жь я сказалъ, что при дѣлѣ такомъ
Не худо, чтобъ панъ помолился,—
Онъ жертвы въ костелы послалъ, а потомъ
И ксендзъ изъ Цырына явился,—

И съ берега онъ въ облаченьяхъ своихъ
Кропилъ, совершалъ свое дѣло.
Вотъ поданъ сигналъ: лодки двинулись вмигъ,
И неводъ пошелъ... зашумѣло...

Сѣть тонетъ, грузятся совсѣмъ поплавки,—
Богъ вѣсть, глубина тутъ какая!
Веревки натянуты, сѣть изъ руки
Чуть лѣзетъ: надежда плохая!

Вотъ на́ берегъ тащатъ съ обѣихъ сторонъ
Тотъ неводъ... Конецъ ужь... Поймали!
Сказать ли, какой тутъ былъ змѣй извлеченъ?
Скажу—такъ повѣрятъ едва ли.

Однако скажу. Оказалось: не змѣй,
А женщина это живая!
Уста; что кораллъ; съ свѣтлорусыхъ кудрей
Сбѣгаетъ струя водяная.

Вотъ на́ берегъ всходитъ. Однихъ тутъ испугъ
Въ дрожь кинулъ, вздымается волосъ;
Другіе бѣжать приготовились... Вдругъ
Та съ рѣчью... Плѣнительный голосъ!

«Послушайте вы, молодежь! Этихъ волнъ
Донынѣ никто не касался
Безъ каръ: дробился тутъ дерзостный челнъ,
И въ бездну пловецъ погружался.

Тебя...—такъ владѣльцу вѣщала она,—
И слугъ твоихъ эта же чаша
Ждала... Но твоихъ это предковъ страна,
И кровь въ тебѣ движется наша.

«Самъ Богъ, любопытство твое извиня,
Хоть должно бъ взыскать съ тебя строго,
Открыть вамъ всѣ тайны готовъ чрезъ меня—
Затѣмъ, что вы начали съ Бога.

«На мѣстѣ, закиданномъ нынѣ пескомъ,
Обросшемъ густою осокой,
Что гнется порою подъ вашимъ весломъ,
Стоялъ прежде городъ высокой.

«Онъ Свитеземъ звался: тутъ храбрыхъ людей
И дѣвъ было красныхъ немало.
То было владѣнье Тугановъ-князей
И долго оно процвѣтало.

«Вы видите: озера блескъ тутъ закрытъ
Лѣсами по цѣлой границѣ;
Лѣсóвъ этихъ не было: прямо былъ видъ
Къ тогдашней литовской столицѣ.

«Однажды могучая русская рать
Пришла, осадила Мендога.
Мендогъ устоитъ ли? чего ему ждать?
Пошла по Литвѣ всей тревога.

«Къ отцу моему онъ писалъ: «Помоги!
Жду войско я съ дальней границы.
Туганъ, отъ тебя — это знаютъ враги —
Зависитъ спасенье столицы.»—

«Туганъ, прочитавши письмо, далъ приказъ
По войску въ кругу приближенныхъ,
И быстро въ пять тысячъ дружина сошлась
Изъ всадниковъ вооруженныхъ.

«Звукъ трубный. Ликуетъ воинственный станъ,
Къ походу все войско готово;
Но, руки ломая, смущенный Туганъ
Домой возвращается снова.

«Пойми,— онъ сказалъ мнѣ,— за что погибать
Должны мои ратные люди?
Нашъ Свитезь — не крѣпость: ее защищать
Лишь могутъ булатъ нашъ да груди.

«Когда я дружину свою раздѣлю,
То тѣмъ не спасу я Мендога,
А если все войско въ сраженье пошлю,
Кто женъ охранять будетъ строго!»

— «Не бойся, отецъ!— я сказала:— пора!
Спѣши, жди побѣды блестящей.
Богъ насъ защититъ. Мнѣ приснился вчера
Надъ городомъ ангелъ парящій:

«Обвелъ, словно молніей, городъ весь онъ
Мечемъ: «Не должны вы крушиться:
Возьму подъ защиту,—сказалъ онъ,—всѣхъ женъ,
Пока ихъ мужья будутъ биться.»—

«Туганъ двинулъ войско и скрылся въ пыли,
А ночь едва только настала,
Какъ топотъ раздался, гамъ, крики вдали
И грозно ура! прозвучало.

«Гремѣли тараны, твердыни воротъ,
Разбитыя въ щепы, упали;
Въ паническомъ страхѣ сбѣгался народъ,
И жены, и дѣти дрожали.

«Гвалтъ общій: «Врагъ близко, не справиться съ нимъ,
Ворвутся къ намъ русскіе скоро...
Ахъ, лучше мы сами себя умертвимъ:
Избавитъ насъ смерть отъ позора.» —

«И бѣшенство тутъ пересилило страхъ!
Свое достояніе сами
Спѣшили несчастные жечь на кострахъ,
И воздухъ гудѣлъ голосами:

«Проклятье тому, кто себя не убьетъ!»
И тщетны слова мои были:
Спѣшили устроить одни эшафотъ,
Другіе жь топоръ приносили.

«Преступное дѣло грозило... Какъ быть?
Иль съ гнетомъ цѣпей помириться,
Иль рѣзать другъ друга, кровь ближнихъ пролить?
«О, Боже!—я стала молиться:

«Когда мы не можемъ бороться съ врагомъ,
Съ мольбою одно Тебѣ скажемъ:
Пусть лучше убьетъ насъ небесный твой громъ,
Иль въ землю живые мы ляжемъ.»

«Тогда что-то бѣлое разомъ вокругъ
Сверкнуло — ночь утромъ смѣнилась;
Съ испугомъ я внизъ посмотрѣла, и вдругъ
Земля изъ-подъ ногъ моихъ скрылась.

«Такъ мы отъ позора спаслись, отъ рѣзни...
Ты видишь — здѣсь травы явились:
То Свитезя жены и дѣти — они
Въ растенья теперь превратились.

«Какъ бѣлыя бабочки, бѣлымъ цвѣткомъ
Они надъ водою бѣлѣютъ;
Какъ елка зимою подъ первымъ снѣжкомъ,
Ихъ листья въ водѣ зеленѣютъ.

«По смерти, подъ видомъ такого цвѣтка,
Живутъ непорочныя души;
На смѣетъ коснуться ихъ смертныхъ рука. —
Подобныхъ цвѣтовъ нѣтъ на сушѣ.

«Когда же царь русскій и русская рать
О чудныхъ цвѣтахъ тѣхъ узнали,
То ими спѣшили шеломъ украшать
Вѣнки для себя заплетали.

«Но кто прикасался къ нимъ только рукой, —
Такая въ цвѣтахъ была сила, —
Тотъ разомъ здоровье терялъ и покой,
Того ожидала могила.

«Давно это было, въ иной періодъ,
Осталось о немъ лишь преданье,
Да въ сказкахъ его поминаетъ народъ,
Царей тѣмъ цвѣтамъ давъ названье.»

И дѣва умолкла. Всѣ лодки тогда
И сѣти тонуть стали съ трескомъ,
Запрыгали волны туда и сюда
И кинулись на берегъ съ плескомъ.

Все озера вдругъ раздвоились до дна,
А дѣва на дно опускалась,
Пучиною снова закрылась она
И людямъ съ тѣхъ поръ не являлась.

Свитезянка.

Кто тотъ мо́лодецъ статный, красивый,
Что за дѣвица съ нимъ, краснымъ,
Вдоль по прибрежью Свитѐзи бурливой
Идутъ при мѣсяцѣ ясномъ?

Оба малины набрали въ кошницы,
Вьютъ по вѣнку себѣ оба:
Знать онъ — мило́й другъ красотки-дѣвицы,
Знать она — парня зазноба.

Каждою ночью въ тѣни осокори
Онъ ее здѣсь поджидаетъ:
Мо́лодецъ — ловчій въ сосѣдственномъ борѣ,
Дѣвица... кто ее знаетъ!

Богъ вѣсть, когда и откуда приходитъ,
Богъ вѣсть, куда исчезаетъ...
Мокрой былинкой надъ озеромъ всходитъ,
Искрой ночной пропадаетъ.

«Полно таиться со мной, дорогая!
Вымолви слово, для Бога:
Гдѣ твоя хата и се́мья родная,
Какъ къ тебѣ путь и дорога?

«Минуло лѣто, листочки валятся;
Холодно въ полѣ просторномъ...
Али всегда мнѣ тебя дожидаться
Здѣсь, на прибрежьѣ озерномъ?

«Али всегда ты, какъ стѣнь гробовая,
Бродишь полночной порою?
Лучше ко мнѣ приходи, дорогая,
Лучше останься со мною!

«Вотъ и избёнка моя не далечко,
Видишь — гдѣ въ чащѣ лощина...
Будетъ у насъ съ тобой лавка и печка;
Будетъ и хлѣбъ, и дичина.»

—«Парнямъ не вѣрю я, чтобы ни пѣли;
Знаю я всѣ ихъ уловки:
Въ голосѣ ихъ соловьиныя трели,
Въ сердцѣ ихъ — лисьи сноровки.

— «Ты насмѣешься потомъ надо мною,
Кинешь меня и загубишь!
Я тебѣ тайну, пожалуй, открою,
Только... ты вправду ли любишь?» —

Молодецъ клялся у ногъ своей милой,
Бралъ горсть сырой земли въ руку,
Бралъ, заклинаяся темною силой,
На душу бралъ вѣчную муку.

«Будь» же ты вѣренъ въ священномъ обѣтѣ:
Если кто клятву забудетъ,
Горе ему и на нынѣшнемъ свѣтѣ,
Горе тамъ ему будетъ!

Молвила строгое слово дѣвица,
Молвивъ, вѣнокъ надѣваетъ,
Парню махнула рукой и, какъ птица,
Въ темныхъ кустахъ исчезаетъ.

Слѣдомъ за ней, по кустамъ и по кочкамъ
Гонится ловчій — задаромъ!
Сгибла, умчалась изъ глазъ вѣтерочкомъ,
Тонкимъ разсѣялась паромъ.

Вотъ онъ остался одинъ надъ водою...
Нѣтъ ни слѣда, ни тропинки;
Тихо кругомъ него, лишь подъ ногою
Кой-гдѣ хрустятъ хворостинки.

Онъ надъ стремниной идетъ торопливо,
Робко поводитъ очами...
Вдругъ вихорь взвылъ по дубровѣ сонливой,
Озеро вздулось волнами.

Вздулось, вскипѣло до дна котловины...
Въявь али греза ночная?
Тамъ, надъ Свитéзью, изъ темной пучины,
Всплыла краса молодая...

Личико чище лилеи прибрежной,
Вспрыснутой свѣжей росою;
Легкою тканію станъ бѣлоснѣжный
Обвитъ, какъ легкою мглою.

«Парень пригожій мой, парень красивый,—
Молвила дѣвица страстно:
—Кто ты? Зачѣмъ надъ Свитéзью бурливой
Бродишь порою ненастной?

«Полно жалѣть тебѣ пташки отлётной,
Глупой и вѣтреной дѣвки:
Ты по ней сохнешь, а ей, переметной,
Только смѣшки да издѣвки.

«Полно вздыхать тебѣ, полно томиться,
Няньчиться съ думой печальной:
Бросься къ намъ въ волны и будемъ кружиться
Вмѣстѣ по зыби хрустальной.

«Хочешь, мой милый, и ласточкой шибкой
Будешь надъ озеромъ мчаться,
Али здоровой, веселою рыбкой
Цѣлый день въ струйкахъ плескаться.

«На ночь, на ложе волны серебристой
Ландышей мы набросаемъ,
Сладко задремлемъ подъ сѣнью струистой,
Дивныя грезы узнаемъ.»

Смолкнула. Вѣтеръ покровъ ей колышитъ,
Млечную грудь открывая...
Парень, хоть смотритъ не смотритъ, а слышитъ—
Близко краса молодая:

То надъ водою въ кругахъ прихотливыхъ
Мчится, воды не касаясь,
То заиграетъ въ волнахъ говорливыхъ,
Жемчугомъ брызгъ осыпаясь.

Ловчій смутился душой, подбѣгаетъ
Къ самому краю стремнины,
Хочетъ спрыгнуть — и назадъ отступаетъ:
Милы, но страшны пучины.

Вдругъ къ нему въ ноги волна покатилась,
Плещетъ, ласкается, манитъ...
Сердце въ немъ замерло, кровь расходилась...
Память и мысли туманитъ.

И позабылъ онъ про прежнюю любу,
Клятвою презрѣлъ святою;
Кинулся въ волны на вѣрную сгубу
Слѣдомъ за новой красою.

Вотъ надъ волнами несется онъ смѣло,
Смѣло очами поводитъ;
Берегъ изъ глазъ у него то и дѣло
Дальше и дальше уходитъ.

Ловчій къ дѣвицѣ плыветъ что есть мочи,
Доплылъ и обвилъ руками:
Смотрится ей въ ненаглядныя очи
Льнетъ къ ея губкамъ устами.

Въ этотъ мигъ мѣсяцъ надъ тучею черной
Вспыхнулъ сквозь темнеть ночную;
Ловчій взглянулъ и въ красоткѣ озёрной
Призналъ подругу милую.

«Такъ-то ты вѣренъ въ священномъ обѣтѣ?
Если кто клятву забудетъ,
Горе ему и на нынѣшнемъ свѣтѣ,
Горе и тамъ ему будетъ!

«Нѣтъ, не тебѣ надъ холодной струею
Рыбкой веселой плескаться:
Тѣло твое распадется землею,
Очи пескомъ засорятся.

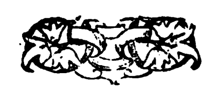
«А за измѣну душа проклятая
Вѣчно при той осокори
Будетъ томиться, въ тоскѣ изнывая...
Горе измѣннику, горе!»

Слушаетъ ловчій, плыветъ торопливо,
Робко поводитъ очами...
А вихорь воетъ въ дубровѣ сонливой;
Озеро вздулось волнами.

Вздулось, вскипѣло до дна котловины;
Пѣнится, плещетъ и стонетъ...
Разомъ раскрылись сѣдыя пучины:
Дѣвица съ мо́лодцемъ тонетъ.

Волны доселѣ вздымаются въ пѣнѣ;
Ночью, при мѣсяцѣ ясномъ,
Бродятъ доселѣ двѣ блѣдныя тѣни —
Дѣвица съ молодцемъ краснымъ.

Мо́лодецъ стонетъ въ тѣни осокори,
Дѣвица въ плёсѣ играетъ...
Мо́лодецъ ловчимъ когда-то былъ въ борѣ,
Дѣвица... кто ее знаетъ!

Рыбка.

Изъ родной подъ лѣсомъ хатки
Вышла Зося: вздохи рвутся,
Волосъ въ дикомъ безпорядкѣ,
Слезы, слезы — такъ и льются.

Вотъ знакомое озёрко!
Вотъ и рѣчка! Съ воплемъ муки
Зося стала у пригорка
И ломаетъ бѣлы руки

«Эй! Подводныя жилицы! —
Зося кличетъ:—Свитезянки!
Не отвергните, сестрицы,
Обольщенной поселянки!

«Панъ*, любимый страстно мною,
Мнѣ въ любви взаимной клялся,
А сосватался съ княжною:
Онъ надъ Зосей посмѣялся.

«Пусть же злой обманщикъ съ нею
Раздѣляетъ счастья долю,
Но надъ горестью моею
Я ругаться не позволю.

«Жизнь на свѣтѣ — ножъ мнѣ вострый.
Что мнѣ жить? Позоръ — не шутка!
Нимфы! Къ вамъ иду я въ сестры...
Ахъ, прости, мой сынъ-малютка!»

И слезами захлебнулась,
И зажавъ глаза руками,
Зося съ берега рванулась
И исчезла подъ волнами.

Тамъ, за лѣсомъ, домъ свѣтлѣетъ;
Подъѣзжаютъ гости къ дому.
Тамъ пируютъ; дворъ людкѣетъ;
Много блеска, шума, грому.

Въ лѣсъ малютку безъ пеленокъ
На рукахъ слуга выноситъ;
Рвется, мечется ребенокъ,
И визжитъ, и груди проситъ.

Хлопецъ къ рѣчкѣ съ нимъ подходитъ,
Гдѣ, раскинувшись бесѣдкой,
Надъ водою зелень сводитъ
И сплетаетъ вѣтку съ вѣткой.

«Бѣдный птенчикъ! Ужь испытанъ
Имъ и голодъ! Злые люди!
Гдѣ ты, Зося? — говоритъ онъ: —
Зося! Дай ребенку груди!» —

Здѣсь я, — слышанъ въ тьмѣ подводной
Чей-то шопотъ, полный ласки: —
Я дрожу въ водѣ холодной;
Мнѣ песокъ набился въ глазки;

«Между камешковъ надонныхъ
Бьюсь, мечусь я, какъ песчинка;
Я глотаю мушекъ сонныхъ,
А питье мое — росинка.»

На рукахъ дитя качая,
Хлопецъ снова произноситъ:
«Гдѣ ты, Зося? Гдѣ, родная?
Твой ребенокъ груди проситъ.»

Вдругъ, какъ будто что плеснуло,
Гладь воды вздохнула зыбко,
И надъ влагою блеснула
Встрепенувшаяся рыбка —

И скользитъ надъ легкой струйкой,
Легкой змѣйкой извиваясь
И серебряной чешуйкой
До воды едва касаясь.

Позолотой блещетъ спинка,
Острый носикъ, въ видѣ стрѣлки,
Съ боку красная щетинка,
Глазки словно бисеръ мелки.

Вдругъ чешуйка разступилась...
Диво! — Слышенъ женскій голосъ;
Грудь красавицы открылась,
Голова и длинный волосъ.

Въ тросникахъ стыдливо кроясь,
Подплыла она съ улыбкой;
Женскій видъ по самый поясъ,
А къ хвосту осталась рыбкой, —

И беретъ она ребенка,
Къ бѣлой груди прижимаетъ,
Кормитъ бѣднаго и звонко
«Люли, люли» припѣваетъ.

Крошка смолкъ, вкусивъ роднаго
Молока живую струйку,
И — къ слугѣ, а Зося снова
Въ рыбью прячется чешуйку,

И — буль-буль — и рыбка снова
Скрыта влаги тайниками;
Только воздухъ съ дна рѣчнаго
Вверхъ пробился пузырьками.

Вечеркомъ и спозаранка
Хлопецъ тутъ, — и, въ ту жь минутку
Выплывая, Свитезянка
Кормитъ сираго малютку.

Но однажды вечеръ длился,
А урочною порою
Вѣрный хлопецъ не явился
Къ рѣчкѣ съ ношей дорогою.

Знать пройти той стороною
Хлопцу случай не позволилъ:
Той порою панъ съ женою
Вдоль рѣки гулять изволилъ.

Панъ домой не воротился...
За кустомъ, во мглѣ тумана,
Хлопецъ робко притаился,
Ждетъ-пождетъ: не видно пана!

Кисть руки свернувъ надъ глазомъ,
Смотритъ... ждетъ... ужь ждать нѣтъ мочи!
Вновь глядитъ, а съ каждымъ разомъ
Гуще сумракъ — дѣло къ ночи.

Вотъ ужь звѣзды! — И украдкой
Добрый хлопецъ, сжавъ сердечко,
Тихо выступилъ съ оглядкой —
Къ рѣчкѣ... къ рѣчкѣ... Гдѣ же рѣчка?

Чудеса! Гдѣ извивался
Свѣтлой рѣчки токъ стекляный —
Лишь оврагъ сухой остался,
Ровъ безводный, грунтъ песчаный.

Панъ съ женой и рѣчки влага —
Сгибло все, навѣки скрыто;
А у самаго оврага
Лишь остались платья чьи-то.

Надо рвомъ скала крутая
Встала глыбой посѣдѣлой,
Раздвоясь и представляя
Видъ четы окаменѣлой.

Хлопецъ, точно околдованъ,
Часъ, другой стоялъ безмолвный;
Словно тутъ онъ былъ прикованъ,
Неподвижный, страха полный.

«Зося! Зося!» Вдругъ онъ крикнулъ:
«Зося!» — эхо отвѣчало.
Смертный хладъ въ него проникнулъ:
Зоси словно не бывало.

На скалу, на ровъ безводный
Посмотрѣлъ онъ: чья бъ работа?
И со лба стеръ потъ холодный
И смекнулъ, казалось, что-то,

И дитя, собравшись съ силой,
Взялъ онъ, дико усмѣхнулся,
Молвилъ: «Господи, помилуй!»
И домой стремглавъ вернулся.

Возвращеніе тяти.

Дѣтки! Ступайте къ часовнѣ нагорной!
Дѣтки! Скорѣй! Торопитесь!
Тамъ, предъ иконою ставъ чудотворной,
Долго, усердно молитесь!

«Тятя не ѣдетъ... До страшной потери
Долго ль?—Хранимъ ли онъ Богомъ?
Есть по лѣсамъ кровожадные звѣри;
Есть и разбой по дорогамъ.»

За городъ дѣти къ часовнѣ нагорной
Кинулись мигомъ въ дорогу.
Тамъ предъ иконой они чудотворной
Стали и молятся Богу;

Ставъ на колѣни, головки склоняютъ
Низко—до праха земнаго,
Вѣчное имя Отца призываютъ,
Сына и Духа Святаго.

«Вѣрую», «Отче» прочли, да и снова,
И «Богородицу» тоже,
Все наизусть до послѣдняго слова,
Все — и «Помилуй мя, Боже».

И литанію божественной Дѣвѣ
Старшій запѣлъ, и всей силой
Прочіе вторятъ, и въ дѣтскомъ напѣвѣ
Слышится: «тятю помилуй!»

Ѣдутъ... Колеса стучатъ по дорогѣ;
Грохотъ возовъ на раскатѣ.
Кинулись дѣти въ веселой тревогѣ:
«Тятя пріѣхалъ нашъ, тятя!»

«Стой!»—и купецъ вылетаетъ изъ брички;
Дѣти ласкать его стали.
«Что, мои дѣтушки? Что, мои птички?
Что вы безъ тяти: скучали?

«Мама здорова? Тетя здорова?
Лакомки! Вотъ вамъ изюму!»—
Дѣти кричатъ—не разслышишь ни слова:
Столько на радостяхъ шуму!

Поѣздъ съ товаромъ купецъ отсылаетъ
(Съ радостью рядомъ—отвага!),
Самъ же съ дѣтьми онъ свой путь продолжаетъ..
Вдругъ изъ за лѣса — ватага!

Вышли злодѣи: лохмотья покрыты
Свѣжими пятнами крови;
Страшныя рожи не мыты, не бриты;
Ножъ и кистень наготовѣ.

Вскрикнули дѣти, къ отцу въ перепугѣ
Лѣзутъ подъ полы шинели;
Нѣту лица на дрожащей прислугѣ —
Въ ужасѣ всѣ помертвѣли

«Все забирайте!» Всплеснувши руками,
Никнетъ купецъ головою:
«Лишь не творите дѣтей сиротами,
Милую женку вдовою!»

Грабятъ злодѣи: одинъ отпрягаетъ
Добрую лошадь; тотъ съ крикомъ
Требуетъ денегъ, ножомъ угрожаетъ
Звѣрства въ неистовствѣ дикомъ.

«Стойте!»—раздался вдругъ крикъ атамана.
«Прочь!»—и отхлынула шайка.
«Добрый купецъ! Умирать тебѣ рано.
Съ Богомъ домой поѣзжай-ка!»

Тотъ атаману поклонъ, а разбойникъ:
«Нѣтъ,—говоритъ,—ты на свѣтѣ
Жить не остался бъ, ты былъ бы покойникъ,
Если бъ не добрыя дѣти!

«Имъ поклонись! Я бъ аршинною бритвой
Самъ искрошилъ твое тѣло,
Если бъ не дѣтки съ своею молитвой!...
Слушай, купчина, въ чемъ дѣло:

«Слышали мы, что ты ѣдешь, заранѣ;
Мы ужь давно сосчитали
Нашу поживу въ твоемъ караванѣ:
Вотъ мы засѣли—и ждали.

«Вижу—тутъ дѣти... Глядь! Молятся Богу...
Я и смотрѣлъ, какъ на шалость,
Даже смѣялся, а тамъ понемногу
Въ сердце закралась и жалость.

«Вдругъ я припомнилъ родную сторонку,
Хаты родительской крышку...
Ножъ уронилъ я, какъ добрую женку
Вспомнилъ да сына-мальчишку.

«Дѣти! Вотъ тятя вашъ! Съ Богомъ идите!
Да у домашней божницы
Въ дѣтской молитвѣ порой помяните
Грѣшную душу убійцы!»

Курганъ Мариси.

(Мотивъ изъ литовской пѣсни.)

Чужеземецъ.

Тамъ, гдѣ Нѣманъ въ берегъ плещетъ,
Тамъ, гдѣ лугъ прибрежный блещетъ
Подъ росой, — курганъ зеленый
Вижу, снизу окруженный,
Какъ вѣнкомъ, густою кущей
Розъ, малиною цвѣтущей,
И увѣчанный цвѣтами
Да черемухи кустами.
Три дорожки отъ кургана
Разбѣжались, безпрестанно,
Какъ три змѣйки, извиваясь
То налѣво, то направо;
Третья,—къ хатѣ направляясь.
И хотѣлось бы мнѣ, право,
Знать, красавица, что это
За курганъ? Я жду отвѣта.
На вопросъ мой отзовися.

Дѣвушка.

Вся деревня не забыла:
Въ хатѣ той жила Марися

Этотъ холмъ — ея могила.
По одной тропинкѣ милый
Ходитъ плакать надъ могилой,
По другой же — мать сѣдая,
А подруга молодая
По дорожкѣ третьей бродитъ...
Вотъ и солнышко восходитъ:
Всѣ они сберутся вскорѣ,
Ихъ привычка неизмѣнна.
Спрячься въ кустъ, и непремѣнно
Самъ ты ихъ увидишь горе.
Вотъ, смотри, идетъ и милый,
Неутѣшный и унылый.
И старушка,
И подружка —
Всѣ несутъ цвѣты и плачутъ.

Ясь.

Что такое это значитъ!
Въ голубой небесной выси
Уже солнце заблистало,
А все нѣтъ моей Мариси.
Иль она еще не встала?
О, Марися дорогая,
Жду тебя! Иль разсердилась
Ты за что и, избѣгая
Съ милымъ встрѣчи, быстро скрылась?
Нѣтъ не то. Ты не забыла
Про меня и не сердилась,
Нѣтъ, взяла тебя могила;
Ты со мною распростилась,

И изъ насъ одинъ другаго
Не увидитъ въ мірѣ снова.
Спать ложился я бывало и былъ веселъ безконечно,
Зная, что опять съ Марисей завтра встрѣчусь я конечно,
И тогда спалось мнѣ сладко. А теперь здѣсь спать я стану,
Головой склонясь къ кургану,
И ее во снѣ увижу, можетъ быть, закрывши вѣки;
Можетъ статься, здѣсь придется мнѣ глаза закрыть навѣки.

Прежде много я трудился:
Всюду Яся поспѣваетъ! —
Мною мой отецъ гордился,
А теперь онъ голодаетъ;
Я же... Эхъ, мнѣ до того ли!..
Пусть хлѣбà погибнутъ въ полѣ,
Пусть въ стогахъ сгниваетъ сѣно,
Пусть нѣтъ въ хатѣ дровъ полѣна,
Перегрызли волки стадо —
Безъ Мариси мнѣ не надо
Ничего! Напрасно сваты
У моей толкутся хаты,
Нѣтъ! съ тоской моей глубокой
Я отправлюсь въ путь далекій,
И никто, хоть міръ обрыщетъ,
Въ немъ скитальца не отыщетъ.
За горами, за полями,
Буду биться съ москалями,
Чтобъ они меня убили.
Ты, Марися, спишь въ могилѣ!...

Мать.

Для чего я поздно встала?
Въ полѣ ужь людей немало...
Ты, Марися, какъ бывало,
Мать свою не будишь нынѣ...
Я всю ночку прорыдала,
Волю давъ своей кручинѣ,
И лишь утромъ задремала...
Мой Семенъ всталъ до разсвѣта
И ужь коситъ въ полѣ гдѣ-то,
А меня, знать, пожалѣлъ онъ
Разбудить,—не пилъ, не ѣлъ онъ
И ушелъ... Коси, работай,
Я-жь останусь здѣсь съ охотой,
Для меня нашъ домъ — постылый.
Кто къ обѣду все наладитъ?
Съ нами кто за столъ присядетъ?
Нѣтъ на свѣтѣ дочки милой!
При тебѣ, когда жила ты,
Не ушла бы я изъ хаты.
Были въ хатѣ вечеринки,
Собирались хлопцы, дѣвки,
Были веселы зажинки,
Веселѣй еще досѣвки...
Безъ тебя жь вкругъ нелюдимо,
Люди всѣ проходятъ мимо,
Лучше ихъ къ себѣ не кликай;
Дворъ заросъ травою дикой,
И о насъ всѣ позабыли...
Дочь моя лежитъ въ могилѣ.

Подруга.

Рано утромъ, какъ подруги,
Здѣсь бывало мы болтали,
И другъ другу повѣряли
Наши тайны надосугѣ.
Ранней утренней порою
Не придешь сюда ты снова.
Душу я предъ кѣмъ раскрою,
Горе высказать готова?
Мнѣ съ тобою, какъ съ сестрою,
Грустью, счастьемъ не придется
Въ мірѣ этомъ подѣлиться:
Грусть все грустью остается
Да и въ счастьѣ мнѣ сдается,
Не могу я веселиться.

*
* *

Чужеземецъ, эти рѣчи
Слыша, втайнѣ прослезился
И, вздохнувъ о грустной встрѣчѣ,
Въ лодку сѣлъ и удалился.

Къ друзьямъ.

(При посылкѣ имъ баллады: «Вотъ люблю!»).

Все глухо; ничто тишины не мутитъ.
Вотъ — полночь пробили часы.
У стѣнъ монастырскихъ лишь вѣтеръ шумитъ
Да лаютъ въ окрестностяхъ псы.

Почти догорѣвъ, опустилась свѣча
Въ подсвѣчникъ до самаго дна;
То гаснетъ, то, выбросивъ два-три луча,
Вдругъ съизнова вспыхнетъ она.

Мнѣ страшно... А этотъ нестрашенъ былъ часъ
Когда-то, въ златые года,
Напомнилъ онъ мнѣ, какъ, бывало, не разъ...
Но — прочь! То прошло навсегда.

Я счастья теперь ужь въ той книгѣ ищу...
Наскучило — съ ней разстаюсь:
«Дай къ лучшимъ предметамъ я мысль обращу!» —
И вотъ — то вздремну, то очнусь.

Случалось: порой примечтаются мнѣ
Ликъ милый и лица друзей...
Кидаюсь... гляжу... Только тѣнь по стѣнѣ
Мелькнетъ — и еще мнѣ грустнѣй.

«Дай лучше возьму-ка перо, и въ тиши,
Какъ мысли ужь съ мыслью не свесть,
Начну что-нибудь для друзей отъ души —
Начну... а ужь кончу ль, Богъ вѣсть.

Пособитъ, чай, память о прошлой веснѣ
Мнѣ зимній стишокъ улучшить,
А страшное что-нибудь хочется мнѣ
Сказать — и Марію включить.

Пусть пишетъ съ нея живописецъ портретъ,
Чтобъ имя прославить свое!
Пусть выставитъ разумъ и сердце поэтъ,
Избравъ идеаломъ ее!

Но — слава... въ ея не вторгаюсь я храмъ,
А такъ, для забавы пою,
И, если припомню, повѣдаю вамъ
Съ Маріей продѣлку свою.

Марія — на муку людей создана —
На нѣжность скупа была такъ,
Что, сколько въ любви ни клянись ей, она
«Люблю» не промолвитъ никакъ.

Въ отплату за это, бывало, когда
Полуночный часъ наступалъ,
Марію предъ самымъ я сномъ иногда
Такою балладой пугалъ:

Вотъ люблю! *)

Марія! Взгляни: гдѣ кончается боръ —
Лоза пошла справа въ заростъ,
Налѣво прелестной долины узоръ,
А спереди — рѣчка и мостъ.

Тамъ ветхая церковь, гдѣ совы живутъ;
Стоитъ колокольня гнильемъ;
Кусты позади колокольни растутъ,
Въ кустахъ же — могилы кругомъ.

Душа ли заклятая тутъ завелась
Иль чортъ, — но изъ жившихъ окрестъ
Никто безъ тревоги въ полуночный часъ
Не могъ миновать этихъ мѣстъ.

Лишь полночь настала — вдругъ храмъ потрясенъ,
И двери скрипятъ на петляхъ;
Дрожитъ колокольня и слышится звонъ,
И гикъ, и шипѣнье въ кустахъ;

Блуждаютъ огни, громъ за громомъ гудитъ,
И въ саванахъ тѣни встаютъ,
И бродятъ, пріемля чудовищный видъ,
Различные призраки тутъ.

---

*) Содержаніе этой баллады взято изъ народной пѣсни.

То трупъ по дорогѣ безглавый вдругъ — шастъ!
А то голова одна — страхъ:
Распялены очи, отверзтая пасть,
И въ пасти огонь, и въ очахъ.

То видится волкъ, какъ въ натурѣ онъ есть:
Глядь! — машетъ орлинымъ крыломъ!
И стóитъ лишь «сгинь-пропади» произнесть —
Нѣтъ волка: лишь хохотъ кругомъ.

Не разъ тотъ, кому здѣсь бывать довелось,
Путь этотъ порядкомъ ругнулъ:
То хрустнуло дышло, то нá бокъ весь возъ,
Не то, такъ конь ногу свихнулъ.

Хотя жь я и помнилъ, что старый Андрей
Меня предварялъ, заклиналъ —
Смѣясь я не вѣровалъ въ силу чертей
И все тѣмъ путемъ проѣзжалъ.

Однажды отправился въ Руту я. — Ночь.
Вотъ мостикъ! Вдругъ лошади тутъ
И стали. Возница бичомъ во всю мочь
Стегаетъ ихъ съ крикомъ — нейдутъ!...

Рванулись — и дышлу аминь моему:
Ккракъ... треснуло. Чѣмъ пособлю?
Вотъ въ полѣ пришлось ночевать одному!
«Люблю,» — говорю, — «вотъ люблю!»

Сказалъ лишь — покойница въ этотъ же мигъ
Всплываетъ, гляжу, надъ водой —
Вся въ бѣломъ, и бѣлъ же какъ снѣгъ ея ликъ,
Вѣнецъ вкругъ чела огневой.

Хотѣлъ я бѣжать, но отъ страха упалъ...
Всѣ силы собравъ наконецъ,
«Да славится имя Господне!» вскричалъ.
—«Аминь!» отозвался мертвецъ.

«Кто бъ ни былъ ты, слушай, честной человѣкъ!
Помогъ ты мнѣ въ тяжкой борьбѣ.
Дай Богъ тебѣ долгій и счастливый вѣкъ!
Большое спасибо тебѣ.

«Во мнѣ зришь ты грѣшную душу, но я,
Чай, скоро ужь въ небо вступлю.
Отъ муки чистилища спасъ ты меня
Словечкомъ единымъ: «люблю».

«Пока еще звѣзды глядятъ съ высоты
И первый пѣтухъ не пропѣлъ —
Я все разскажу тебѣ. Слушай! А ты
Другимъ возвѣстишь мой удѣлъ.

«На свѣтѣ, блистая своей красотой,
Жила я — лѣтъ много назадъ, —
Маріей звалась; былъ сановникъ большой
Отецъ мой, былъ знатенъ, богатъ.

«Хотѣлъ онъ, при жизни его, чтобы шла
Я замужъ; но кто жь мнѣ чета?
Искателей много нашлось: ихъ влекла
Съ приданымъ моя красота.

«Ихъ множество льстилось надеждой пустой;
Я жь, гордая, тѣшилась тѣмъ,
Что, ставъ предъ поклонниковъ этихъ толпой,
Могла имъ отказывать всѣмъ.

«Пріѣхалъ и Юзя... Вниманья вполнѣ
Достоинъ онъ былъ; но робѣлъ
И, юный, при страстномъ стремленьѣ ко мнѣ,
Любви выражать не умѣлъ.

«Напрасно несчастный себя онъ крушилъ
И плакалъ, любовью томимъ,
Всѣ ночи и дни онъ меня лишь смѣшилъ
Отчаяннымъ горемъ своимъ.

«Уѣду я,» — мнѣ онъ промолвилъ съ тоской.
—«Что-жь? Съ Богомъ!» — Отправился онъ
И дни свои кончилъ — и здѣсь, надъ рѣкой,
Въ зеленомъ гробу схороненъ.

«Мнѣ стала съ тѣхъ поръ моя жизнь немила,
Но поздно раскаялась я:
Минувшаго я воротить не могла,
И жгла меня совѣсть моя.

«Разъ въ полночь гуляли мы: слышимъ вдругъ громъ
И стоновъ со скрежетомъ смѣсь...
Глядь! Юзя явился; былъ страшенъ лицомъ
Утопленикъ — огненный весь.

«Онъ гущу вдыхаемыхъ дымныхъ клубовъ
Въ чистилищный токъ извергалъ; —
Ко мнѣ жь тутъ сквозь стоны и скрежетъ зубовъ
Пронзительный голосъ взывалъ:

«Ты знала, что женщину создалъ Господь
Для мужа; она изъ него
Взята, чтобъ ему его душу и плоть
Лелѣять — не мучить его.

«А ты, словно съ каменнымъ сердцемъ въ груди,
Была недоступна сердцамъ,
И каждому ты говорила: «уйди!»
Ни чьимъ не внимая мольбамъ.

«За эту жестокость чистилищный дымъ
Съ тобой я дотоль раздѣлю,
Пока надъ тобой изъ живущихъ однимъ
Не скажется слово: люблю.

«И Юзя того же словца у тебя
Просилъ съ горькимъ плачемъ своимъ;
Теперь же онъ проситъ, ты видишь, клубя
Устами и пламя, и дымъ.»

«Умолкъ онъ, — и бѣсы душею моей
Владѣли столѣтье: меня
Днемъ—въ цѣпи, въ огонь,—а потомъ, безъ цѣпей,
Я на ночь изъ бездны огня

«Къ могилѣ шла Юзи; противно землѣ
И небу, была я должна
Проѣзжихъ пугать здѣсь въ полуночной мглѣ,
Всѣмъ людямъ вредна и страшна.

«Я пѣшихъ блуждать заставляла; инымъ,
Кто ѣдетъ, коня загублю.
Сто лѣтъ я внимала проклятьямъ однимъ;
Ты первый сказалъ: вотъ люблю!

«Зато я грядущее нынѣ должна
Открыть тебѣ; вотъ твой удѣлъ:
Марію полюбишь и ты, — но она...»
Вдругъ — первый пѣтухъ тутъ запѣлъ.

Вѣщунья кивнула, съ отрадой въ очахъ
Взглядъ кинула мнѣ и потомъ
Пропала. Такъ облачный паръ въ небесахъ
Разносится вдругъ вѣтеркомъ.

Смотрю: на мосту колесница моя
Цѣлехонька; страхъ мой исчезъ.—
Усопшимъ въ поминъ помолитесь, друзья,
Маріи — Царицѣ небесъ!

Пани Твардовская.

Пьютъ, курятъ, ѣдятъ, веселятся:
Не пиръ — разливанное море!
Чуть стѣны корчмы не валятся...
«Ай жги да гуляй, мое горе!»

Пашой подбоченясь, Твардовской
Въ корчмѣ за столомъ засѣдаетъ,
Гарцуетъ и чарой бѣсовской
Тумана въ глаза напускаетъ.

Какъ саблею свистнетъ надъ ухомъ
Солдату, который храбрился
Да спорилъ со всѣми — такъ духомъ
Въ зайченка храбрецъ обратился.

Подсудку, что молча съ ѣдою
Возился въ кострюлѣ ль, на блюдѣ ль,
Слегка потрезвонилъ кисою —
Глядитъ — а подсудокъ ужь пудель.

Твардовской опять за продѣлки:
Сапожнику ко лбу приставилъ
Воронку — да чмокъ! — и горѣлки
Три полныя кварты доправилъ.

Пока кубокъ съ водкой онъ двигалъ
Поближе къ себѣ — что за чудо?
Запѣнился кубокъ, запрыгалъ...
Глядь на́ дно — «ты, братецъ, откуда?»

Самъ бѣсъ на днѣ кубка возился...
Весь нѣмцемъ — кургузою штучкой —
Учтиво гостямъ поклонился,
Снялъ шапку и сдѣлалъ имъ ручкой.

Изъ кубка на скатерть, какъ кошка,
Спрыгнулъ и подросъ на два локтя:
Носъ крюкомъ, куриная ножка,
На лапахъ совиные когти.

«Здорово, Твардовской! Сердечно
Я радъ повидаться здѣсь съ другомъ:
Хоть я Мефистофель, но вѣчно
Готовъ къ твоимъ панскимъ услугамъ.

«А помнишь ли, панъ, какъ условье
На Лысой горѣ мы съ тобою
Писали на шкурѣ воловьей,
И бѣсы клялися толпою,

«Что я свой контрактъ не нарушу;
И ты поклялся передъ ними,
Что долженъ намъ панскую душу
Отдать черезъ два года въ Римѣ?

«Вотъ семь уже лѣтъ миновало,
А ты только пекло морочишь,
Да чарой мутишь и нимало
Сбираться въ дорогу не хочешь.

«Съ лѣнивымъ такимъ пилигримомъ,
Сыграли мы шутку другую! —
Корчма называется Римомъ:
Я милость твою арестую.»

Твардовской охотно бы скрылся
Отъ этого dictum acerbum,
Да бѣсъ за кунтушъ уцѣпился:
«А гдѣ же, панъ, nobile verbum?»

Что дѣлать? Ума не хватило,
Такъ плачешь, а надо платиться.
Твардовской задумался было,
Да скоро успѣлъ ухитриться. .

«Ну что же? контрактъ нашъ контрактомъ;
Своей не теряетъ онъ силы...
Но справься-ка съ подлиннымъ актомъ —
Тамъ сказано вотъ что, мой милый:

«Имѣю я право три раза
Задать тебѣ всякой работы.
А ты долженъ слушать приказа
И все мнѣ исполнить до йоты.

«Вонъ конь на холстѣ намалеванъ:
Чтобъ мигомъ тотъ конь оживился,
Былъ взнузданъ, осѣдланъ, подкованъ,
А я бы на немъ прокатился!

«Дай свой ты мнѣ хлыстъ изъ песочку
Для справы съ лошадкой лихою,
Да, видишь, вонъ въ этомъ лѣсочку
Построй-ка мнѣ домъ для постою.

«Домъ выстрой изъ ядеръ орѣха,
Высокій, съ вершину Креньпака...
Изъ пейсовъ жидовскихъ застреха...
Усыпь ее сѣменемъ мака,

«И въ каждое сѣмечко мѣрно
Натыкай гвоздочковъ по тройкѣ,
А гвозди чтобъ были примѣрно
Въ три пяди, какъ надо для стройки,»

Сказалъ, а ужь бѣсъ за работу:
Коня накормилъ и охолилъ,
Вьетъ хлыстикъ, ну, словомъ, до поту
Трудится — и все изготовилъ.

Твардовской въ сѣдло, и пытаетъ,
Какъ выѣзженъ конь и спокоенъ;
Взялъ рысью, въ галопъ поднимаетъ;
Глядитъ — анъ и домъ ужь достроенъ.

«Ну, кончено съ службой одною!
Осталася служба другая:
Влѣзай-ка вонъ въ миску съ водою —
А въ мискѣ водица святая.»

Затрясся мой бѣсъ какъ осина,
Весь скорчился, съежился, сжался;
Но...—слушай слуга господина—
И въ мискѣ бѣднякъ искупался...

Потомъ, словно пращъ, изъ посуды
Онъ выскочилъ, фыркнувъ: «Ну, страсти!
Не вѣдалъ я хуже причуды,
Зато ужь и ты въ моей власти...» —

«Изволь еще службу исправить,
И съ мрачностью вашей бѣсовской
Мы квиты... Позволь-ка представить
Тебя моей женкѣ, Твардовской?

«Чу, слышишь, кричитъ за дверями?...
Пока за тебя Асмодею
Я буду работать съ чертями,
А ты поживи-ка вотъ съ нею.

«Ты пани во всемъ подчинишься...
Люби ее, будь ей послушенъ...
А ежели въ чемъ провинишься,
Ну... весь договоръ нашъ нарушенъ!»

Бѣсъ слушаетъ, самъ понемногу
Все на дверь, да на дверь косится,
А крики все ближе къ порогу...
Твардовской на бѣса грозится,

И требуетъ кончить раздѣлку,
И въ дверь, и въ окно не пускаетъ,
А бѣсъ... шмыгъ въ замочную щелку —
Да такъ и теперь пропадаетъ.

Тукай, или испытанія дружбы.

I.

Духомъ твердъ, я умираю.
Плакать нѐ о чемъ, друзья.
Всѣ сойдемъ къ тому же краю
Мы съ дороги бытія.
Все равно увянутъ розы,
Въ ранній мигъ иль въ поздній часъ:
Ни отчаянье, ни слезы
Не воротятъ къ жизни насъ.
Жилъ я пышно, знаменито
Паномъ многихъ волостей;
У меня была открыта
Въ зáмкахъ дверь для всѣхъ гостей.
Кто ко мнѣ на угощенье
Приглашаемъ не былъ? Кто?
Имя, власть, богатство — тлѣнье!
О, великое значенье!
О, великое ничто!
Дымъ и прахъ великость эта.
Я своимъ величьемъ свѣтъ
Удивлялъ, и вотъ отъ свѣта
Отхожу я въ цвѣтѣ лѣтъ!
По чужимъ краямъ скитался;

Книгоѣдъ былъ; разумъ мой
Все за призракомъ гонялся
Жалкой мудрости земной.
О, тщета научной муки!
Изучай и то, и то!
Порча глазъ и бездна скуки!
О, великія науки!
О, великое ничто!
Дымъ и прахъ вся мудрость эта;
Свѣтъ ученья — тщетный свѣтъ;
Вотъ и отъ науки свѣта
Отхожу я въ цвѣтѣ лѣтъ!
Чтима мной была и вѣра
Свято въ сердца простотѣ;
Награждалъ я для примѣра
Добродѣтель; тѣ и тѣ
Храмы украшалъ дарами
И молился въ каждомъ храмѣ:
Думалъ, долгій вѣкъ за то
Богъ мнѣ дастъ: что жь вижу нынѣ?
О, великая святыня!
О, великое ничто! *)
Святостъ, набожность вся эта —
Дымъ и прахъ! Спасенья нѣтъ.
Вотъ во練акъ отъ вѣры свѣта
Отхожу я въ цвѣтѣ лѣтъ!
О Творецъ! Безъ сожалѣнья
Ты играешь нами: вдругъ
Умираетъ панъ; — изъ слугъ,

*) За богохульство ожидаетъ Тукая кара. Эта мысль проведена авторомъ и въ послѣдующихъ балладахъ.

Ожидавшихъ награжденья,
Не успѣлъ онъ никому
Заплатить за ихъ услуги.
Далъ ты милую ему,
Далъ друзей: вдругъ смерть во тьму
Шлетъ его — прощайте, други!
Лишь успѣлъ онъ разцвѣсти
Сердцемъ — милая, прости!»

Такъ, средь жалобъ и роптаній,
При друзьяхъ своихъ, склонясь
На пріязненныя длани,
Навсегда Тукай угасъ.
Вслѣдъ за тѣмъ ударъ громовый
Кровлю зданія сорвалъ
И средь залы вдругъ суровый
Старецъ, какъ съ небесъ упалъ!
До колѣнъ брада сѣдая;
Весь въ морщинахъ, ветхій ликъ;
Въ полъ дубинкой ударяя,
«Гей! Тукай!» воззвалъ старикъ,
И сорвавъ его съ постели,
За собою онъ повлекъ...
Вотъ вдвоемъ перелетѣли
Валъ и стражу сквозь потокъ
Ливня, въ мракѣ, гдѣ порою
Чуть проглядывавшій лучъ,
Робко брошенный луною,
Мигомъ гаснулъ въ гущѣ тучъ.
Мчатся чрезъ межи, границы,
Черезъ топей глубину,
Чрезъ окрестности Гнилицы,

Чрезъ Колдычева *) волну,
И средь лѣса ужь густаго,
Гдѣ до тучъ гора Зярнова,
Снизу черная какъ мгла,
Сизый верхъ свой подняла,
Стали. Старецъ на колѣни
Палъ тутъ у могильной сѣни,
Взвелъ глаза, уста открылъ,
Поднялъ руки, длани стиснулъ,
Трижды вскрикнулъ, трижды свистнулъ
И затѣмъ проговорилъ:
«Ну, Тукай, дорожка эта
Замѣчай, ведетъ отсель
За болота, къ краю свѣта,
Гдѣ живетъ мудрецъ Полель.
Мудрый мудрому и нуженъ;
Ты — ученый, знаю я;
Добродѣтель мнѣ твоя
То жь извѣстна; ты былъ друженъ
Съ жизнью, ты ее любилъ,
Былъ хорошимъ человѣкомъ,
Только, видишь, долгимъ вѣкомъ
Богъ тебя не надѣлилъ.
Но удѣлъ твой не потерянъ:
Снова для друзей земныхъ
Можешь жить ты; будь увѣренъ
Въ силѣ способовъ моихъ!
Жить для слугъ и для сердечно
Обожаемой жены;
Дни твои, продолжены,

*) Колдычево — названіе озера.

Могутъ длиться даже вѣчно!
Могъ тебѣ бъ я услужить
Средствомъ жить и вѣчно жить,
Но, по высшему завѣту,
По уставамъ роковымъ,
Я открою тайну эту
Не иначе, какъ двоимъ:
Одному нельзя. Другаго
Человѣка избери!
Да не промахнись, смотри!
Друга вѣрнаго такого
Надо тутъ избрать тебѣ,
Чтобъ ему ты вѣрилъ смѣло
Такъ, какъ самому себѣ.
Разсуди, какое дѣло:
Оправдаетъ выборъ онъ —
Даръ ты примешь жизни вѣчной;
Нѣтъ? то будешь присужденъ
Къ смерти, къ мукѣ безконечной».—
«Старецъ!» возразилъ Тукай:
«Вѣщихъ словъ твоихъ значенье
Непонятно. Объясненье
Нужно. Выразумѣть дай!».—
«Слушай: выбери другаго
Человѣка,—старецъ снова
То же молвилъ,— но притомъ
Дѣльно съ сердцемъ и съ умомъ
Долженъ ты сообразиться.
Важный шагъ! Не погрѣши!
Жребій тѣла и души
Этимъ выборомъ рѣшится:
Будетъ избранный твой другъ

Вѣренъ — наживешься вволю
Ты, принявъ безсмертья долю;
Нѣтъ? — ты жертва вѣчныхъ мукъ!»

Онѣмѣлъ Тукай: ни слова!
Въ душу влѣзешь ли другаго
Человѣка? Многихъ слугъ
Хоть иной за вѣрныхъ числитъ,
А измѣну встрѣтитъ вдругъ.
«Развѣ милую,— онъ мыслитъ,—
Взять мнѣ тутъ или жену?» —
И раздумья въ глубину
Погрузился. «Да, конечно,
Или ту, кому сердечно
Преданъ я, кого люблю;
Или ту, съ кѣмъ все дѣлю
Въ бурномъ жизненномъ теченьѣ.
Да!» — И вновь его сомнѣнье
Стало мучить, оробѣлъ
И молчитъ: ему, какъ видно,
Предъ самимъ собою стыдно
Такъ, что даже покраснѣлъ;
Снова въ мысли углубился;
Вотъ ужь, кажется, рѣшился;
Слово, кажется, звучитъ
Ужь въ устахъ его; рѣшенье
Ужь созрѣло... Вотъ — мгновенье!...
Нѣтъ! Опять Тукай молчитъ.
«Такъ умри жь! — въ негодованьѣ
Самъ себѣ онъ говоритъ: —
Жизнь — безумное желанье!
Жизнь влачить мнѣ для чего?

Этой жизни смыслъ потерянъ,
Если нѣту никого,
Въ комъ бы могъ я быть увѣренъ.»
И раздумываетъ онъ
Снова: «Какъ! Я окруженъ
И прислугой, и связями,
И женою, и друзьями,
Всѣми окруженъ — и вотъ!...»
Вдругъ затмился неба сводъ,
Грянулъ громъ... землетрясенье!
Страхъ и ужасъ! Нѣтъ спасенья!
Хляби водныя кипятъ,
Горы рушатся, трещатъ,
Лѣсъ пылаетъ, никнутъ скалы;
Тамъ — обвалы; тутъ — провалы;
И — при грохотѣ громовъ —
(Власть была ль тутъ злыхъ духовъ,
Богъ ли такъ распорядился)
Вдругъ Тукай ужь очутился
Вновь на ложѣ средь своихъ
Приближенныхъ. При такихъ
Дивныхъ дивахъ — дыбомъ волосъ!
Чу! Звучитъ въ пространствѣ голосъ:
«Покорись же злой судьбѣ!
Человѣка нѣтъ такова,
Ты кому бы, слово въ слово,
Вѣрилъ такъ, какъ самъ себѣ.»
«Есть! — вскричалъ Тукай, — имѣю
Друга я.» — И вдругъ сошла
Блѣдность у него съ чела;
Прежней свѣжестью своею
Просіялъ онъ разомъ вновь,

Взоры блещутъ: онъ — здоровъ!
Всталъ воскресшій изъ могилы
Въ цвѣтѣ жизни, въ цвѣтѣ силы;
Изумились доктора:
Живъ Тукай и предоволенъ,
Словно вовсе не былъ боленъ, —
Вотъ природы-то игра!
Только вдругъ Тукая оку
Хартія мелькнула сбоку
Близъ подушки. Онъ глядитъ:
Точно! На бычачьей кожѣ
Литеры: помилуй, Боже!
Здѣсь секретный былъ открытъ
(Адской силою конечно)
Способъ жить на свѣтѣ вѣчно.
Эту хартію Тукай
Въ мигъ схватилъ: читать давай!
И читаетъ:

«Молодая
Лишь луна взойдетъ мерцая,
Ты отправься той порой
Въ рощу ту, что за горой.
Тамъ есть камень посѣдѣлый,
А подъ камнемъ — корень бѣлый:
Корень этоть ты сорви —
И живи себѣ, живи!
А какъ смерть почуешь — смѣло
Ты вели свое все тѣло
По частямъ расчетверить,
А тотъ корень уварить
Дай въ водѣ надъ сильнымъ жаромъ

И намазать этимъ взваромъ
Повели въ концѣ всего
Части тѣла своего:
Мигомъ духъ сростется съ тѣломъ,
Въ мигъ ты встанешь здравымъ, цѣлымъ
Въ цвѣтѣ юности опять;
И такимъ путемъ свободно
Можешь, сколько разъ угодно,
Умирать и оживать.»

Шло за этимъ наставленье,
Что блюсти при отсѣченьѣ
Головы и рукъ, и ногъ,
Что, когда и какъ творится,
И въ какой водѣ варится
Тотъ волшебный порошокъ;
Сколько взять чего, и этакъ
Или такъ — объяснено,
И въ post scriptum напослѣдокъ
Было вотъ что внесено:

«Если тотъ, кто умащенье
Тѣла будетъ совершать,
Намъ отдастся въ искушенье
И рѣшится показать
Чудный корень тотъ другому,
Или къ часу роковому
Умащенья не свершитъ,
Иль въ иномъ чемъ погрѣшитъ —
Корень въ мигъ лишится силы:
Тѣло въ снѣдь пойдетъ могилы,
Въ адъ же прянетъ, къ намъ спѣша,

Вашей милости душа.
Пунктъ условный чистъ и ясенъ;
На него коль ты согласенъ,
То, чтобъ въ силу онъ вошелъ,
Актъ нашъ пусть тебѣ предъявитъ
И взамѣнъ намъ твой представитъ
Мефистофель, нашъ посолъ.
При взаимномъ соглашеньѣ
Помни: ты объ искушеньѣ
Предваренъ. Не бей челомъ
И не жалуйся потомъ
На бѣсовскую приманку!
Не толкуй ни то, ни се!»
А затѣмъ—по формѣ все:
«Тартаръ. Въ шабашъ, спозаранку.»
Подписалъ и расчеркнулъ
Самъ владыка: «Вельзевулъ».
Актъ, вѣнчаемый успѣхомъ,
Былъ скрѣпленъ «Адрамелехомъ».

Понахмурился Тукай:
Онъ постскриптума такого
И не чаялъ; дѣло снова
Плохо, какъ тутъ ни смекай!
Вотъ онъ сѣлъ, облокотился,
И на актъ скосивши взоръ,
Носъ повѣсилъ, лобъ потеръ;
Табачку нюхнулъ, рѣшился
Вновь прочесть, пергаментъ взялъ,
На рукѣ его повзвѣсилъ,
Обглядѣлъ, перечиталъ
И опять сидитъ невеселъ.

Думалъ, думалъ, да потомъ
Хвать объ столъ онъ кулакомъ,
И, проскрежетавъ зубами,
Вдругъ вскочилъ изъ-за стола
И, взмахнувъ передъ собою
Энергически рукою:
«Эхъ!—вскричалъ,—куда ни шло!
Пусть такъ будетъ!»—Вновь садится
И; молчитъ онъ: не сидится!
Всталъ и ходитъ; на чело
Точно облако легло.
Не лишиться бы разсудка!
Дѣло съ дьяволомъ—не шутка!
Мыслитъ: «или вѣчно жить,
Или—дьяволу служить
Вѣчно»,—и молчитъ, ни слова;
Но за мыслью мысль готова
Волновать его, крушить.
И Тукай средь мыслей мрака
Только губы жметъ; однако
Надо чѣмъ-нибудь рѣшить.
Отъ друзей толпы кипучей
Онъ ушелъ—и, одинокъ,
Волею своей могучей
Движетъ разума станокъ.
Тутъ свой актъ, до утвержденья,
Взявъ клещами размышленья,
Онъ порядкомъ сжалъ его,
И межъ думъ многоразличныхъ
Щупомъ смысла своего
Ищетъ сходствъ аналогичныхъ;
Тѣ жь сужденья, что въ одномъ

Прежде выводѣ смыкались,
Раздѣляетъ онъ: анализъ
Ихъ сѣчетъ своимъ ножомъ;
Заключеніе готово,
Гдѣ въ экстрактѣ мыслей сокъ
Содержался весь, и въ слово
Такъ Тукай его облекъ:
«Что жь? Какія бъ искушенья
Ни были со всѣхъ сторонъ
(Тѣ, о коихъ извѣщенъ
Я заранѣе), дѣленья
Всѣ ихъ, кажется, должны
Въ три быть пункта сведены:
Чтобъ привлечь кого къ измѣнѣ,
Надо въ томъ, кого злой геній
Хочетъ къ этому склонить,
Любопытство возбудить,
Иль (корысть не за горами)
Подкупить его дарами,
Иль встревожить, напугать.
Тѣмъ, другимъ иль третьимъ взять
Человѣчью душу надо;
Три дороги ковнямъ ада.
Наконецъ, чтобъ въ трехъ словахъ,
Вкратцѣ, выразилось это,
Три тутъ видятся предмета:
Любопытство, жадность, страхъ.
Посему такой особѣ,
Взявъ которая свой щитъ,
Въ той, другой и третьей пробѣ
Искушенье отразитъ
И упорно, хладнокровно

Трижды выстоитъ въ борьбѣ,
Можно вѣрить безусловно,
Такъ, какъ самому себѣ.»

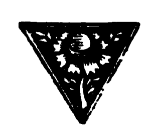
Вотъ Тукай за дѣло хочетъ
Взяться. Вотъ ужь онъ хлопочетъ
О чернилахъ и пескѣ;
Всталъ, идетъ, чтобъ на листкѣ
Изготовить актъ свой грѣшный,
Но идетъ стопой неспѣшной:
Темно кажется ему,
И писать въ такую тьму
Невозможно; онъ не въ силахъ;
Да и плѣсень на чернилахъ.
Вотъ онъ двѣ свѣчи зажегъ
И чернилъ не поберегъ:
Въ двѣ чернилицы ихъ налилъ;
Послѣ жь зубы пріоскалилъ
И съ гримасой посмотрѣлъ:
Локоть что ли заболѣлъ.
Взялъ перо:—въ раскепѣ волосъ;
Тиснулъ къ ногтю: раскололось;
Взялъ другое: кончикъ тупъ.
Сквозь ужимку блѣдныхъ губъ
Онъ ворчитъ и тяжко дышитъ;
Напослѣдокъ, сѣлъ и пишетъ
На краю листка того:
«Въ утвержденіе сего
Подписуюсь».— А за сими
Вслѣдъ словами нужно имя.
Добрыхъ полчаса прошло
Прежде, чѣмъ, склонивъ чело

И качая головою,
Полонъ думой роковою,
Онъ на форменномъ листѣ
Кончилъ дѣло съ буквой Т—
Съ первой буквой. Въ той же строчкѣ,
Вновь въ раздумье углубленъ,
Маленькихъ четыре точки
Выставилъ легонько онъ.

Ужь написано, готово...
Нѣтъ! На письменный свой трудъ
Все онъ смотритъ, смотритъ снова...
Нéчему смѣяться тутъ:
Всякій самъ попробуй — нутка!
Дѣло съ дьяволомъ — не шутка.
Какъ же былъ онъ сверхъ того
Озадаченъ. Вотъ проказа
Чорта! При началѣ фразы:
«Въ утвержденіе сего»
Буква В вдругъ зажужжала,
Зашумѣла, завизжала,
Стала корчиться въ краяхъ,
Трогаться отчасти съ мѣста
И вздыматься словно тѣсто
При броженьѣ на дрождяхъ.
Ужасъ! Эдакія страсти!
Тутъ округлость нижней части
Этой буквы, что была
У него подъ чуткимъ ухомъ
Такъ шумлива, стала брюхомъ,
Вверхъ ли ребрами пошла,
И изъ верхней половины,

Что шипѣла все сперва,
Вышла чорту голова:
Формы эдакой кувшины
Попадаются. Орлиный
Носикъ былъ тутъ для красы;
Шейка точно у осы;
Словно у козла, бородка,
Взглядъ воловій, а походка
Видимо была плоха:
Ноги-то: подъ эту вбито
Лошадиное копыто,
Та — со шпорой пѣтуха;
Чортикъ тотъ сухой, тщедушный
Крылья мельницы воздушной
Изъ-за плечъ тутъ вширь развелъ,
И къ такой особѣ шелъ
Этотъ складъ и этотъ профиль;
Явно — то былъ Мефистофель,
Вельзевуловскій посолъ.
Прежде, чѣмъ сообразиться
Панъ Тукай успѣлъ о томъ,
Что тутъ дѣлать — оградиться
Въ этомъ случаѣ крестомъ,
Иль просить, склонясь челомъ,
Посѣтителя садиться
И бесѣду съ нимъ начать,
Тотъ его за палецъ — хвать,
Кожу ножичкомъ царапнулъ,
И атомъ лишь крови капнулъ,
Мефистофель ужь стянулъ
Перышко, на кончикъ дунулъ,
Въ каплю крови окунулъ

И Тукаю въ руки всунулъ,
И, придерживая ту
Руку, ею водитъ, водитъ,
За чертой ведетъ черту,
И за буквою выходитъ
Буква въ полной чистотѣ.
Напередъ ужь было Т.
Гляды! на бѣломъ ужь чернѣютъ
Вновь четыре и имѣютъ
Виды полные свои;
Точно такъ: У, К, А, И.
Сверхъ того рукѣ Тукая
Данъ былъ маленькій толчокъ
Подъ конецъ — и вышелъ съ края
Черезъ то надъ И крючекъ.
Все исправно, все въ порядкѣ.
Чортикъ свистнулъ; только пятки
Тутъ мелькнули. Экой бѣсъ!
Съ нимъ возись теперь!... Исчезъ.

Лиліи.

Не слыханное дѣло:
Убила пани пана;
Убивъ его. зарыла
Подъ рощей, гдѣ поляна;
И лиліей сверхъ тѣла
Засѣявъ землю, пѣла:
«Расти, цвѣтокъ, высоко,
Какъ панъ лежитъ глубоко;
Какъ панъ лежитъ глубоко,
Такъ ты расти высоко.»

Потомъ, не смывши крови,
Разбойница стрѣлою
Бѣжать пустилась лугомъ,
Оврагами, горою.
Дулъ вѣтеръ и на землю
Спускался мракъ все гуще,
То каркала ворона,
То филинъ гукалъ въ пущѣ.

Она ручья достигла,
Гдѣ росъ столѣтній букъ
И жилъ отшельникъ въ хатѣ:
Стукъ-стукъ, стукъ-стукъ!

«Кто тамъ?» — запоръ подался,
Глядитъ ей старецъ въ очи;
Она вбѣгаетъ съ крикомъ,
Какъ привидѣнье ночи.
Уста убійцы сини
И взоръ недвижно тупъ,
Сама блѣднѣе смерти:
«А! мужъ — онъ трупъ!»

«Какими ты судьбами,
Жена, Господь съ тобою?!
Что дѣлаешь въ лѣсу ты
Одна ночной порою?»

— «Вонъ тамъ, гдѣ прудъ, за лѣсомъ,
Нашъ замокъ видѣнъ справа;
Мой мужъ пошелъ на Кіевъ
Съ войсками Болеслава.
Уходитъ годъ за годомъ —
Не шлетъ женѣ онъ вѣсти,
А кровь во мнѣ кипѣла...
Скользка дорога чести!
Бѣда мнѣ! измѣнила
Я мужу и святынѣ:
Король суровъ къ измѣнѣ...
Мужья вернулись нынѣ...

«А! мужъ вдовѣ не страшенъ!
Вотъ ножъ! вотъ крови слѣдъ!
Покаялась тебѣ я:
Его ужь нѣтъ, ужь нѣтъ!
Твое святое мнѣнье

Хочу я знать: что дѣлать,
Чтобъ вымолить прощенье?
Хоть въ адъ пойду, готова
На всякое мученье,
Лишь скрыть бы мнѣ отъ міра
Навѣки преступленье.»—

«Жена! промолвилъ старецъ,—
Тебя не злое дѣло
Страшитъ, а только кара?
Иди же въ замокъ смѣло
И знай, что тайной вѣчной
Покрытъ твой грѣхъ сердечный.

«Таковъ ужь Промыслъ Божій,
Что мужъ одинъ лишь въ силѣ
Жены измѣну выдать,—
А мужъ твой спитъ въ могилѣ.»

Обрадовалась пани,
Бѣжать пустилась снова,—
Въ потьмахъ достигла дома,
Ни съ кѣмъ не молвя слова.
Стоятъ у замка дѣти,
Кричатъ они: «Мамаша!
А гдѣ же дѣлся папа?»
— «Покойникъ? вашъ папаша?...»
Она молчитъ и жмется:
«Онъ тамъ, гдѣ роща наша;
Онъ вечеромъ вернется.»

Весь вечеръ ждали дѣти,
Потомъ другой и третій;

Недѣлю ждали, ныли —
И, наконецъ, забыли.

А ей забыться трудно,
Нельзя прогнать кручину:
Всегда на сердцѣ тяжесть,
Улыбки нѣтъ помину,
Не знаютъ сна зеницы!
Ночной порою часто
То въ дверь стучится кто-то,
То ходитъ вдоль свѣтлицы.
«О, дѣти!—слышно гдѣ-то:—
Отецъ вашъ — я вѣдь это!»

Минула ночь, не спится,
Нельзя прогнать кручину:
Всегда на сердцѣ тяжесть,
Улыбки нѣтъ помину!

«Бѣги скорѣе, Ганка,
Узнай ты, ради Бога,
Не къ намъ ли ѣдутъ гости?
Столбомъ пылитъ дорога
И топотъ все слышнѣе,—
Бѣги, узнай скорѣе.

«Да, ѣдутъ, ѣдутъ къ замку,
Отъ пыли небу жарко,
Ржутъ кони вороные,
Блистаютъ сабли ярко.
Да, ѣдутъ, ѣдутъ гости —
Покойника родные!»—

«А! здравствуй! здравствуй снова,
Невѣстка! все-ль здорова?
Гдѣ братъ?» — «Его ужь нѣтъ,
Покинулъ онъ нашъ свѣтъ!»
— «Когда?» — «Вотъ годъ ужь минулъ!
Онъ умеръ... въ битвѣ сгинулъ.»
— «Не вѣрь ты въ сказку эту.
Войны ужь больше нѣту;
Своими ты глазами
Его увидишь съ нами.»

А пани, какъ стояла,
Такъ тутъ же и упала, —
Сталъ взоръ недвижно тупъ,
Забила грудь тревогу:
«Гдѣ онъ? гдѣ мужъ? гдѣ трупъ?»
Очнулась понемногу
И будто въ упоеньѣ
Спросила черезъ силу:
«Когда же онъ вернется,
Мой ненаглядный, милый?» —

«Мы ѣхали всѣ вмѣстѣ,
Но братъ умчался вскорѣ:
Хотѣлъ дружину встрѣтить,
Тебя утѣшить въ горѣ;
Онъ завтра жь будетъ съ нами.
Должно быть, онъ дорогой
Съ пути прямаго сбился.
Пообождемъ немного,
Пошлемъ людей верхами, —
Онъ завтра жь будетъ съ нами!»

Послали слугъ, и точно
Ждутъ день, другой нарочно;
Но, такъ какъ тщетно ждали,—
Рѣшились ѣхать далѣ.

Невѣстка встрепенулась:
«Родные!—молвитъ живо,—
Осенній путь несладокъ —
И вѣтеръ, и дождливо;
Вы брата ждали больше,
Такъ ждите ужь и дольше.»

И ждутъ. Зима минула,
Но брата не вернула.
Все ждутъ; толкуютъ: можетъ,
Вернется онъ весною?
А братъ лежитъ въ могилѣ,
И надъ могилой тою
Цвѣты растутъ высоко,
Какъ онъ лежитъ глубоко.
Всю весну братья ждали —
И ужь не ѣдутъ далѣ.

Имъ любо промедленье:
Хозяйка — заглядѣнье;
Сберутся.будто ѣхать,
А сами ждутъ возврата, —
Прождали такъ до лѣта
И позабыли брата.

Имъ любо промедленье:
Хозяйка — заглядѣнье;

Какъ оба загостились,
Такъ оба и влюбились.
Надежда у обоихъ,
И кровь играетъ въ жилахъ;
Не могутъ жить съ ней оба,
А безъ нея — не въ силахъ.
И вотъ они по чести
Идутъ къ ней оба вмѣстѣ.

— «Невѣстка! не прими ты
Въ обиду нашей рѣчи:
Сидимъ мы здѣсь напрасно —
Не будетъ съ братомъ встрѣчи.
Теперь ты въ полномъ цвѣтѣ,
А молодость на свѣтѣ
Проходитъ безъ возврата:
Возьми за брата брата.»

Сказали это братья —
И смотрятъ такъ сурово;
То тотъ, то этотъ гнѣвно
Свое промолвитъ слово;
Рука дрожитъ и саблю
Ужь обнажить готова.

Примѣтя гнѣвъ ихъ, пани
Замялась и смутилась,
Отсрочки попросила
И въ лѣсъ бѣжать пустилась.
Она ручья достигла,
Гдѣ росъ столѣтній букъ
И жилъ отшельникъ въ хатѣ:

Стукъ-стукъ, стукъ-стукъ!
Теперь ей нуженъ снова
Совѣтъ отца святаго.

«Ахъ, что мнѣ дѣлать?! Братья
Въ меня влюбились оба,
И я люблю обоихъ,—
Такъ чьей мнѣ быть до гроба?
Богатою вдовою
Осталась я съ дѣтями,
И мнѣ одной, безъ мужа,
Не справиться съ дѣлами.
Но я любви не стою,
Не быть ужь мнѣ женою!
Меня, за преступленье,
Ужасное видѣнье
Преслѣдуетъ ночами;
Стучитъ оно дверями
И ходитъ по покою.
Я часто надъ собою
Дыханье слышу трупа
И озираюсь тупо!
Онъ ножъ, покрытый кровью,
Подноситъ къ изголовью,
Устами искры сыплетъ,
Влечетъ меня и щиплетъ.
Довольно я терпѣла:
До замка нѣтъ мнѣ дѣла...
Но я любви не стою,
Не быть ужь мнѣ женою!»—

«Безъ мзды,—промолвилъ старецъ,—
Злодѣйства не бываетъ;

Но если грѣхъ оплаканъ,—
Богъ грѣшникамъ внимаетъ.
Свершить могу я чудо,
Дана мнѣ власть Господня:
Хоть годъ, какъ сгинулъ мужъ твой.—
Воскреснетъ онъ сегодня.»—

«Воскреснетъ? Что ты, отче!
Вѣдь онъ ужь мнѣ немилъ!
Убійцы ножъ навѣки
Насъ съ мужемъ разлучилъ!
За грѣхъ мой тяжкій снова
Я все снести готова,
Чтобъ отогнать видѣнье:
Пускай лишусь я крова,
Приму хоть постриженье,
Пойду хоть въ тьму могилъ...
Но, нѣтъ! не дѣлай чуда!
Вѣдь, онъ ужь мнѣ немилъ!
Убійцы ножъ навѣки
Насъ съ мужемъ разлучилъ!»

Вздохнулъ глубоко старецъ,
Закрылъ лицо руками,
Потомъ воздѣлъ ихъ къ небу
И залился слезами.
— «Иди скорѣе замужъ,
Не бойся привидѣнья;
Усопшимъ нѣтъ возврата
Ихъ сонъ безъ пробужденья.—
И мужъ твой не возстанетъ
Безъ твоего велѣнья.»—

«Но братья любятъ оба,
Такъ чьей мнѣ быть до гроба?»
— «Всего вѣрнѣй предаться
Судьбѣ и Божьей волѣ.
Предъ утренней росою
Пусть оба выйдутъ въ поле,
И каждый тамъ, на мѣстѣ,
Сплететъ вѣнокъ невѣстѣ.
Пускай вѣнки означатъ
Примѣтою любою
И въ храмѣ ихъ, на выборъ,
Положатъ предъ тобою:
Чей выберешь ты первый,
Того и будь женою.»

Довольная совѣтомъ,
Теперь ужь привидѣнья
Убійца не боится:
Оно къ ней, безъ сомнѣнья,
Не явится безъ зова,
А ужь она—ни слова.
Обрадовалась пани
Рѣшенію такому
И вновь пустилась молча
Бѣжать обратно къ дому.
Бѣжитъ она, то лугомъ,
То лѣсомъ, то горою,
И слышитъ чью-то поступь
Какъ будто за собою.
Темно кругомъ, ненастно;
А чей-то шопотъ ясно
Ночную будитъ глушь:

«Вѣдь, это я — твой мужъ!»
Убійца ошалѣла,
У ней сталъ дыбомъ волосъ,
А оглянуться страшно:
Въ кустахъ все тотъ же голосъ
Ночную будитъ глушь:
«Вѣдь, это я — твой мужъ!»

Но вотъ насталъ день свадьбы.
Соперники, съ вѣнками,
Пришли съ зарей изъ поля
И въ храмъ снесли ихъ сами.
Невѣста, вслѣдъ за ними,
Съ подругами своими
Вступаетъ въ глубь костела
И, взявъ вѣнокъ съ престола,
Подходитъ къ братьямъ ближе:
«Тутъ лиліи съ травою...
Такъ чьи же это, чьи же?
Кого мнѣ быть женою?»

Одинъ изъ братьевъ, старшій,
Благословляя рокъ,
Къ невѣстѣ подбѣгаетъ:
«Моя ты — мой вѣнокъ!
Нарочно между лилій,
Какъ знакъ условный свой,
Я вплелъ вотъ эту ленту...
Онъ мой, онъ мой, онъ мой!» —

«Неправда! крикнулъ младшій:
Увидите вы сами

То мѣсто, гдѣ запасся
Я этими цвѣтами;
Я сорвалъ утромъ рано
Подъ рощей, гдѣ поляна,
Съ могилы ихъ одной...
Онъ мой, онъ мой, онъ мой!»

Пошла межъ братьевъ ссора,
Содомъ стоитъ отъ спора,
Готовъ начаться бой;
Стучатъ они мечами
И рвутъ вѣнокъ руками.
«Онъ мой, онъ мой, онъ мой!»

Все злѣй звучали рѣчи,
Какъ вдругъ погасли свѣчи
И затрещали двери,—
У всѣхъ сталъ дыбомъ волосъ:
Вошла особа въ бѣломъ.
Знакомый видъ... и голосъ
Звучитъ, какъ изъ-за гроба:
«Мои цвѣты! Вы оба
Вѣнкомъ съ моей могилы
Скрѣпили нашъ союзъ.
Бѣда тебѣ, убiйца!
Вѣдь, это я — твой мужъ!
Вамъ, братья, горе тоже!
Ни бой, ни брака ложе
Васъ не спасутъ, увы!
Съ преступною женою...
Идите же за мною:
Вѣнокъ и вы — мои!»

И вдругъ поколебался
Весь храмъ до основанья,
И треснулъ сводъ, и рухнулъ
Средь общаго стенанья.
То мѣсто все покрыли
Ряды цвѣтущихъ лилій
И такъ растутъ высоко,
Какъ панъ лежалъ глубоко.

Гудочникъ.

Что это за дѣдушка — весь какъ лунь сѣдой,
Съ длинной, вплоть до пояса, бѣлой бородой?
Вотъ его два хлопчика подъ руки ведутъ.
Мимо поля нашего всѣ втроемъ идутъ.

Старецъ по струнамъ пилитъ, подпѣвая въ ладъ;
Въ дудочки изъ перышекъ хлопчики дудятъ.
«Слушай! — старцу крикнулъ я: — гей! Завороти!
Вотъ сюда — къ пригорку-то! Благо по пути!

«Ишь, у насъ тутъ игрище: празднуемъ посѣвъ.
Вотъ гудокъ и кстати тутъ, дудки и припѣвъ.
Всѣмъ съ тобой подѣлимся, — будемъ пировать!
И село близехонько: есть гдѣ ночевать.»

И старикъ приблизился, отдалъ всѣмъ поклонъ,
Тамъ, гдѣ борозда идетъ, сѣлъ тутъ съ краю онъ;
По бокамъ два хлопчика сѣли и глядятъ,
Какъ тутъ люди сельскіе душу веселятъ.

Бубны и пищалки тутъ входятъ въ пылъ игры;
Изъ сухаго дерева зажжены костры;
Медъ пьютъ люди старые; пляшутъ группы дѣвъ;
Праздника значеніе: уродись посѣвъ!

Вдругъ пищалки смолкли; бубны не бубнятъ;
Отъ костровъ отпрянули и гурьбой спѣшатъ
Старцы, парни, дѣвушки, другъ за другомъ вслѣдъ
Къ старому гудочнику: «Здравствуй! здравствуй,
дѣдъ!

«Видѣть гостя милаго кстати довелось.
Рады! Издалека, чай, Богъ тебя принесъ?
Обогрѣйся, дѣдушка! Вотъ у насъ огни!
А усталъ, умаялся — лягъ да отдохни!»

Повели къ огню его: дѣдушка пошелъ;
Посадили стараго за дерновый столъ —
Въ серединѣ сходбища — къ сытному куску:
«Вотъ покушай, дѣдушка, да испей медку!

«Вотъ вѣдь и гудокъ съ тобой, и двѣ дудки тутъ!
Самъ-третей взыграй-ка намъ, коль тебѣ не въ трудъ,
И, твоей наполнивши пустоту сумы,
Молвимъ вашей милости и «спасибо» мы.»

—«Ну, такъ смирно! Слушайте!» дѣдъ проговорилъ
И, всплеснувъ ладонями, «смирно!» повторилъ.
«Коль хотите, дѣтушки, я сыграю вамъ...
Эхъ! Да что жь сыграть-то мнѣ?» — «Что изволишь
самъ.»

И гудокъ схвативши свой, дѣдъ въ себя втянулъ
Кружку меду добраго; хлопцамъ подмигнулъ;
Тѣ взялись за дудочки; онъ и заскрипѣлъ,
Подалъ тонъ, наладились; вотъ онъ и запѣлъ:

«Шелъ я, шелъ вдоль Нѣмана по всему теченію,
Шелъ отъ поля до поля, медленно шагаючи;

Шелъ отъ лѣсу до лѣсу, отъ сельца къ селенію,
Пѣсенки завѣтныя всюду распѣваючи.

«Пѣлъ я: сотни слушали тутъ ушей расправленныхъ,
Но меня не поняли; съ тайною печалію,
При слезахъ проглоченныхъ, вздохахъ мной подавленныхъ,
Видѣлъ я, что надобно отправляться далѣе.

«Кто бы понялъ пѣснь мою, тотъ бы вѣрно сжалился
Надъ моей глубокою, тайною печалію,
И со мной онъ вмѣстѣ бы всплакнулъ, запечалился;
Я же и остался бъ тутъ: не пошелъ бы далѣе.»

Смолкъ старикъ, и прежде онъ, чѣмъ опять запѣлъ,
Зорко всю окружную мѣстность оглядѣлъ,
И въ одну все сторону наконецъ глядитъ
Неподвижно, пристально... Кто же тамъ стоитъ?

Кто? Пастушка милая тамъ вѣнокъ плететъ;
Стебли то совьетъ она, то ихъ разовьетъ;
Юноша вблизи стоитъ — вѣрно, милый другъ:
Свитые цвѣты беретъ онъ у ней изъ рукъ.

Кротость и спокойствіе на ея челѣ,
Скромно очи ясныя клонятся къ землѣ, —
И не весела она, да и не грустна,
Только въ мысль какую-то вся погружена.

Какъ на травкѣ видимо зыблется пушокъ
И тогда, какъ вѣявшій стихнулъ вѣтерокъ,
Такъ покровы легкіе у нея чуть-чуть
На груди колышутся, хоть спокойна грудь.

Вотъ изъ-за покрововъ тѣхъ вѣтвь она взяла
Дерева какого-то, взоръ свой навела
На листы поблеклые и потомъ сейчасъ
Вѣтку ту отбросила, словно разсердясь;

Отвернула голову; будто вдругъ бѣжать
Покусясь, шагъ сдѣлала — и стоитъ опять,
Кверху, въ небо синее устремивъ глаза.
Глядь! Лицо огнемъ горитъ, на зрачкѣ — слеза.

А гудочникъ все молчитъ, лишь порой слегка
Звонкихъ струнъ касается вѣрнаго гудка;
Взоръ межъ тѣмъ направилъ онъ на пастушкинъ ликъ,
И, казалось, взоръ его въ сердце ей проникъ.

Вновь играть собрался онъ, крякнулъ, посмотрѣлъ,
Меду доброй кружкою грудь свою согрѣлъ;
Хлопцамъ подмигнулъ опять: тѣ готовы. Вотъ
Поданъ тонъ, наладились,— и старикъ поетъ:

«Для кого, скажи, свиваешь
Ты вѣнокъ изъ алыхъ розъ?
Ты счастливца увѣнчаешь,
Но — кого? Рѣши вопросъ!

«Кто тебѣ по сердцу? Знаешь?
Онъ! — рѣшила та вопросъ.
Для него ты и свиваешь
Свой вѣнокъ изъ алыхъ розъ.

«Одного ты увѣнчаешь,
А другой-то перенесъ
Сколько мукъ любви — ты знаешь —
Безъ вѣнка изъ алыхъ розъ.

«Коль страдальца повстрѣчаешь —
Встрѣть его хоть парой слезъ!
Вѣдь его не увѣнчаешь
Ты вѣнкомъ изъ алыхъ розъ.»

Кончилъ.— За сужденіе сходка принялась.
Утверждали, будто бы на селѣ у насъ
Кто-то пѣлъ ту пѣсенку въ старые года,
Только ужь не помнилось — кто? да и когда?

Старецъ, вновь молчаніе силясь водворить:
«Дѣтушки! Послушайте! — началъ говорить,—
Я скажу, та пѣсенка пѣта кѣмъ была.
Чуть ли не изъ вашего родомъ онъ села.

«Посѣщая нѣкогда чуждые края,
Былъ во время странствія въ Королевцѣ я,
И туда же странникъ вдругъ изъ Литвы приплылъ:
Родомъ онъ изъ этихъ же мѣстъ, я знаю, былъ.

«Грустной не повѣдалъ онъ тайны никому,
По какому поводу грустно такъ ему.
Отъ своихъ товарищей отдѣлясь потомъ,
Онъ не возвращался ужь въ свой родимый домъ.

«Часто я видалъ его — утромъ на зарѣ
Иль при свѣтѣ мѣсяца о ночной порѣ
Средь полей блуждающимъ, или на пескѣ
Берега приморскаго, въ той же все тоскѣ.

«Какъ скала порою онъ, стоя скалъ въ ряду
Въ непогоду лютую, въ дождь, на холоду,
Мрачный, свои жалобы вѣтру лишь ввѣрялъ,
Слезы жь уносилъ его моря бурный валъ.

«Я къ нему приблизился: строгій видъ храня.
Онъ не отодвинулся, вижу, отъ меня.
Не сказалъ ни слова я,— только взялъ гудокъ,
Да и сталъ наигрывать и запѣлъ какъ могъ.

«Вижу: слезы брызнули у него изъ глазъ:
Онъ кивнулъ мнѣ: пѣсня-то по душѣ пришлась;
Взялъ мою онъ руку тутъ, стиснулъ — и потомъ
Вмѣстѣ ужь мы плакали — онъ и я — вдвоемъ.

«Познакомясь болѣе, съ нимъ сошелся я;
Мы взаимно сблизились, стали мы друзья.
По своей привычкѣ онъ больше все молчалъ,
И ему нерѣдко я тѣмъ же отвѣчалъ.

«Наконецъ, измученный долгою тоской,
Явно сталъ сближаться онъ съ гробовой доской.
Я ему и другомъ былъ, и слугой, какъ могъ;
Я его въ болѣзни той нянчилъ и берегъ.

«Угасалъ онъ медленно. Разъ меня призвалъ
Къ ложу бѣдный мученикъ: «чувствую, — сказалъ,—
Что моимъ страданіямъ наступилъ конецъ.
Буди воля Божія! Отпусти, Творецъ!

«Согрѣшилъ въ единомъ я, что напрасно жилъ:
Жизнію жь отдѣльною я не дорожилъ
И безъ сожалѣнія оставляю свѣтъ.
Я для свѣта этого умеръ съ давнихъ лѣтъ.

«Съ той поры, какъ самъ себя изъ страны родной
Я изгнавъ, задвинулся этихъ скалъ стѣной —
Пересталъ въ глазахъ моихъ міръ существовать:
Жизнь въ воспоминаньяхъ лишь могъ я сознавать.

«Я за то, что вѣренъ ты до конца мнѣ былъ
(Такъ онъ, пожимая мнѣ руку, говорилъ),
Хоть вознаградить тебя не могу,—но радъ
Нынѣ передать тебѣ все, чѣмъ я богатъ.

«Знаешь ты ту пѣсенку, что я пѣлъ порой,
Слезно выражая въ ней горькій жребій мой?
Помнишь ты слова ея? Помнишь голосъ, тонъ?
Тотъ напѣвъ — несчастнаго задушевный стонъ!

«Съ кипарисной вѣткою у меня притомъ
Есть тесьма изъ локона женскаго: въ земномъ
Мірѣ семъ имущество тутъ и все мое!
Все возьми,— и пѣсню ту: изучи ее!

«И ступай вдоль Нѣмана! Можетъ, въ той странѣ
Встрѣтишь ту, которую не видать ужь мнѣ.
Спой ей эту пѣсенку: угодишь, авось!
Покажи и вѣтку ей: тронешь, чай, до слезъ.

«Чай, вознаградитъ тебя, приметъ въ домъ на часъ:
Молви ей...» И взоръ его, помутясь, угасъ.
Имя жь Богоматери на устахъ его
Замерло неконченнымъ... Больше ничего

«Не успѣлъ онъ высказать, недостало силъ,—
Руку умирающій къ сердцу приложилъ,
Палецъ указательный направляя свой
Въ сторону, въ которую все смотрѣлъ живой.»

И замолкъ гудочникъ тутъ, а кругомъ искалъ
Взорами пастушки онъ; самъ же доставалъ
Вѣтку ту завѣтную... Но — пастушки нѣтъ!
Скрылась за толпой она: тщетно смотритъ дѣдъ.

Вдругъ — мелькнулъ покровъ ея, взвитый вѣтеркомъ.
Ликъ къ глазамъ приложеннымъ былъ закрытъ платкомъ.
Велъ ее тутъ подъ руку кто-то изъ чужихъ:
Вотъ и за селомъ они! Не видать ужь ихъ!

Подбѣжали къ мѣсту всѣ, гдѣ старикъ сидѣлъ.
«Чтобы это значило?» — всякій знать хотѣлъ.
Старецъ не отвѣтствовалъ, — самъ ли онъ не зналъ
Иль, быть можетъ, знаючи, отъ людей скрывалъ.

Воевода.

Поздно ночью изъ похода
Воротился воевода.
Онъ слугамъ велитъ молчать;
Въ спальню кинулся къ постелѣ;
Дернулъ пологъ... Въ самомъ дѣлѣ!
Никого; пуста кровать.

И, мрачнѣе черной ночи,
Онъ потупилъ грозны очи.
Сталъ крутить свой сивый усъ...
Рукава назадъ закинулъ,
Вышелъ вонъ, замокъ задвинулъ;
«Гей, ты, кликнулъ, чортовъ кусь!

«А зачѣмъ нѣтъ у забора
Ни собаки, ни затвора?
Я васъ, хамы!.. Дай ружье;
Приготовь мѣшокъ, веревку,
Да сними съ гвоздя винтовку.
Ну, за мною!.. я жь ее!»

Панъ и хлопецъ подъ заборомъ
Тихимъ крадутся дозоромъ,

Входятъ въ садъ — и сквозь вѣтвей,
На скамейкѣ у фонтана,
Въ бѣломъ платьѣ, видятъ, панна
И мужчина передъ ней.

Говоритъ онъ: «все пропало,
Чѣмъ лишь только я, бывало,
Наслаждался, что любилъ:
Бѣлой груди воздыханье,
Нѣжной ручки пожиманье,
Воевода все купилъ.

«Сколько лѣтъ тобой страдалъ я,
Сколько лѣтъ тебя искалъ я!
Отъ меня ты отперлась.
Не искалъ онъ, не страдалъ онъ,
Серебромъ лишь побряцалъ онъ,
И ему ты отдалась.

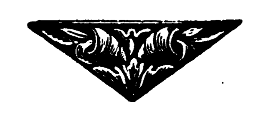
«Я искалъ во мракѣ ночи
Милой панны видѣть очи,
Руку нѣжную пожать;
Пожелать для новоселья
Много лѣтъ ей и веселья,
И потомъ навѣкъ бѣжать.»

Панна плачетъ и тоскуетъ.
Онъ колѣни ей цѣлуетъ,
А сквозь вѣтви тѣ глядятъ,
Ружья на земь опустили,
по патрону откусили,
Вбили шомполомъ зарядъ.

Подступили осторожно.
«Панъ мой, цѣлить мнѣ не можно,—
Бѣдный хлопецъ прошепталъ:
—Вѣтеръ — что ли? плачутъ очи;
Дрожь беретъ; въ рукахъ нѣтъ мочи,
Порохъ въ полку не попалъ.» —

«Тише ты, гайдучье племя!
Будешь плакать, дай мнѣ время!
Сыпь на полку... Наводи...
Цѣль ей въ лобъ. Лѣвѣе... выше...
Съ паномъ справлюсь самъ. Потише!
Прежде я; — ты погоди.»

Выстрѣлъ по саду раздался,
Хлопецъ пана не дождался;
Воевода закричалъ,
Воевода пошатнулся...
Хлопецъ видно промахнулся:
Прямо въ лобъ ему попалъ.

Бѣгство.

На войнѣ онъ. Годъ ужь минулъ.
Нѣтъ его: быть можетъ, сгинулъ.
Дни-то юности летятъ.
Дочь! Смотри! Отъ князя — сватъ.

Князь ужь дома. Князь пируетъ.
Дѣва бѣдная горюетъ,
Исхудала, извелась;
Слезы катятся изъ глазъ.
Огнеметная зѣница
Стала мутная водица;
Ликъ, что полной былъ луной,
Тощъ, какъ мѣсяцъ молодой.
Красота уйдетъ — не схватишь
И здоровьеце утратишь!

Плачетъ мать съ исходомъ силъ.
Ксендзъ ужь свадьбу огласилъ.

Ѣдутъ гости съ шумомъ, съ громомъ,
А невѣста, какъ во снѣ:
«Мнѣ могила будетъ домомъ,
Гробъ постелью будетъ мнѣ
На кладбище путь мой, въ яму,
А не къ свадебному храму.

Онъ не живъ — умру и я,
И тебѣ, о, мать моя,
Скоро быть отъ скорби въ гробѣ.
Намъ не жить! Умремъ мы обѣ.»—
«Дочь! Иди! Тебя ужь вотъ
Ксендзъ на исповѣдь тамъ ждетъ.

Какъ тутъ быть?—Кума приходитъ;
Вѣдьма старая — она
Вмигъ напасти всѣ отводитъ,
Колдовству научена:
«Прочь ксендза! Иная мѣра
Тутъ нужна: ужь знаю я.
Богъ и вѣра — вздоръ, химера!
Помощь васъ спасетъ моя:
Чары надобны при этомъ;
Нужны: папоротникъ съ цвѣтомъ,
Приворотная трава,
Да волшебныя слова.
Все кума вамъ сдѣлать въ силахъ.
Предоставьте ей все знать!
Ваше жь дѣло — принимать
Лишь подарочки отъ милыхъ.

«Ты волосъ его возьми,
Въ змѣйку свей ихъ и сожми,
Да на счастьеце невѣстѣ
Два свяжи колечка вмѣстѣ!
Да изъ лѣвой ты руки
Каплю крови извлеки!
Мы надъ змѣйкой — для свиданья —
Станемъ дѣлать заклинанья,

Сквозь колечки станемъ дуть,
И хоть онъ въ могилѣ будь —
Все жь придетъ и изъ могилы
Онъ — твой суженый, твой милый,
И вамъ вмѣстѣ — общій путь!»

И дѣвица дѣломъ грѣшнымъ
Занялась — и ужь ѣздокъ
Мчится къ ней галопомъ спѣшнымъ...
Чу! Дверей ея замокъ
Щелкнулъ... Не мертвецъ ли это?
Не съ того ли прибылъ свѣта?
Все утихло. Спятъ и псы.
Все уснуло: ей не спится.
Полночь пробили часы.
Ожиданьемъ грудь томится...
Чу! Вотъ кто-то загремѣлъ...
Ѣдетъ... Брякаютъ подковы...
Боязливо песъ дворовый
Заворчалъ — и присмирѣлъ.

Вотъ внизу — шаги и шорохъ!
Вотъ ужь въ длинныхъ коридорахъ
Стукъ походки слышенъ ей!
Трое вслѣдъ затѣмъ дверей
Отперлось поочередно:
Въ бѣломъ весь и ликомъ бѣлъ,
Въ спальню онъ войдя свободно,
Близъ нея на ложе сѣлъ.

Часъ за часомъ такъ пріятно
Льется быстрымъ ручейкомъ

И уходитъ невозвратно.
Конь заржалъ, сова потомъ
Прокричала; не забыли
Чтобъ часовъ, часы пробили.

«Я заѣхалъ по пути.
Конь мой ржетъ. Пора. Прости!
Иль вставай! Садись со мною
На коня! Дѣли мой путь —
Путь послѣдній подъ луною—
И моею вѣчно будь!»

Свѣтитъ мѣсяцъ. Поскакали.
Лѣсъ. Поля. Тѣ ѣдутъ далѣ.
Ѣдутъ; ѣдутъ... Гдѣ-жь конецъ?
Можетъ быть, ѣздокъ — мертвецъ!
Конь какъ вихрь несется полемъ:
«Знаю-де кого несу!»—
Вровень онъ съ крыломъ сокольимъ
Мчится лѣсомъ. Глушь въ лѣсу.
Черезъ мрачные притоны,
Гдѣ сосновый лѣсъ такъ дикъ,
Перепуганной вороны
Иногда раздастся крикъ;
Да порою издалече,
Гдѣ съ лозой срослась лоза,
Какъ мерцающія свѣчи,
Волчьи свѣтятся глаза.

«Конь мой, конь, скачи быстрѣе!
Вотъ ужь мѣсяцъ, ставъ блѣднѣе,
Сходитъ съ облачныхъ высотъ!

Прежде жь, чѣмъ онъ западётъ
И сокроется отъ взгляда —
Десять скалъ еще намъ надо,
Десять рѣкъ и девять горъ
Миновать. Во весь опоръ
Мчись, о конь мой! Мѣсяцъ никнетъ;
Черезъ часъ пѣтухъ, гой, крикнетъ.» —
«Но куда, о, милый мой,
Ты везешь меня?» — «Домой.
На горѣ стоитъ Мендога
Домъ мой *). Днемъ къ нему дорога
Всѣмъ открыта; ночью жь въ домъ
Ѣзжу я одинъ тайкомъ.» —
«За́мокъ тамъ съ землей своею
Ты имѣешь?» — «О имѣю,
И на вѣки онъ вѣковъ
Крѣпко замкнутъ безъ замковъ.» —
«Милый мой! Трудна дорога:
Тише! Тише! Ради Бога.
Мнѣ держаться тяжело,
Сзади сидя за тобою.» —
«Правой, милая, рукою
Ухватись ты за сѣдло!
Ахъ! Да въ ней ты держишь что-то:
Вѣрно ларчикъ свой съ работой?» —
«Нѣтъ, молитвенникъ святой.» —
«Вотъ вѣдь лишній грузъ какой!
Тише ѣхать какъ могу я,

*) Гора эта, подъ Новогрудкомъ, служитъ кладбищемъ, и поэтому въ томъ краю выраженіе: «отправиться на Мендогову гору» значитъ: умереть.

За собой погоню чуя?
Слышишь? Вотъ перепрыгнуть
Долженъ конь: предъ нами — бездна.
Эта книжка безполезна.
Брось ее, чтобъ какъ-нибудь
Сбавить грузъ коню лихому
Къ перескоку роковому!» —
Палъ молитвенникъ во прахъ:
Конь летитъ во весь размахъ,
И, какъ будто бы избавленъ
Отъ всего, чѣмъ былъ онъ сдавленъ, —
Вдругъ раскидкой легкихъ ногъ
Въ десять саженъ далъ скачокъ.

Въ изворотъ отъ изворота
Ѣдутъ двое чрезъ болота
За блудящимъ огонькомъ;
Огонекъ проводникомъ
Служитъ имъ и блѣднымъ пыломъ
Въ даль ведетъ ихъ по могиламъ;
Синеватый льетъ онъ свѣтъ:
Тѣ — за этимъ свѣтомъ вслѣдъ.

«Милый! Милый! Я въ тревогѣ.
Чай, на этакой дорогѣ
Человѣчьяго слѣда
Не бывало никогда?» —
«Бѣгство... Что тутъ думать много?
Бѣглецамъ вездѣ дорога.
Бѣглецовъ ведетъ домой
Путь извитый — непрямой;
И слѣдовъ здѣсь вдоль дороги

До жилища моего
Человѣческія ноги
Не явили — оттого,
Что для пѣшаго народа
Нѣтъ въ мои владѣнья входа;
Средь своихъ я волостей
Принимаю коль гостей
То туда не пѣшихъ просятъ:
Ихъ иль ввозятъ или вносятъ;
Для богатыхъ — пышный цугъ,
А для бѣдныхъ — руки слугъ.

«Конь мой, конь, скачи быстрѣе!
Неба край ужь сталъ свѣтлѣе;
Близокъ день; заря горитъ;
Мѣдь ужь скоро возвѣститъ
Время скучнаго обряда.
Двѣ скалы до той поры,
Двѣ рѣки и двѣ горы
Миновать еще намъ надо.
Мчись во весь свой конскій духъ!
Черезъ часъ — второй пѣтухъ.» —

«Милый! Милый! Конь нашъ рвется
Въ сторону: держи его,
Онъ пугается... Чего?
Я не знаю... Иль придется
Пострадать мнѣ... Видишь, сталъ
Какъ брыкаться онъ ногами!
Надо мною жь ребра скалъ
И деревья тутъ съ сучками:
Зацѣплюсь я на бѣду —

И погибну, пропаду.»—
«Конь, мой другъ, боится блеску,
Даже утро не любя.
Что я вижу за привѣску
На рукѣ-то у тебя?
Шнуръ какой-то, въ родѣ плетки!»—
«Ахъ, мой милый, это—четки
И реликвіи при нихъ:
Части тутъ мощей святыхъ,
Образокъ...»—«Зачѣмъ взяла ты
Этотъ шнуръ съ собой проклятый?
Тутъ янтарь да бирюза
Все блестятъ коню въ глаза.
Ишь дрожитъ... несвыченъ къ свѣту:
Чуть рукой махнешь ты—въ бокъ
Онъ и дѣлаетъ отскокъ.
Брось, мой другъ, игрушку эту!»

Та бросаетъ: конь—легокъ—
Разомъ далъ въ пять миль скачекъ.
«Развѣ здѣсь твое жилище?
Милый! Это вѣдь кладбище!»—
«Вздоръ! Не бойся ничего!
Такъ—холмиста эта мѣстность.
Укрѣпленная окрестность
Это замка моего:
Близокъ мой пріютъ домашній.»—
«А могилы? А кресты?»
«Нѣтъ, мой другъ, ошиблась ты:
Это, видишь, замка башни.
Стѣну мы перепрыгнемъ—
И ужь будемъ на порогѣ.

Вмигъ ты мой увидишь домъ —
И навѣкъ конецъ дорогѣ!

«Стой здѣсь, конь мой. Тутъ — предѣлъ.
Прежде, чѣмъ пѣтухъ пропѣлъ,
Свершена тобой дорога.
Путь нашъ конченъ. Много, много
Ты и рѣкъ, и горъ, и скалъ,
Добрый конь мой, миновалъ.
Ты дрожишь? И я невольно
Трепещу на этотъ разъ.
Мнѣ съ тобою вмѣстѣ больно:
Мучитъ крестъ обоихъ насъ.» —

«Что жь ты сталъ, мой ненаглядный?
Посмотри: росою хладной
Вся покрыта я, и дрожь
Проняла всю. Что жь ты ждешь?
Вѣтеръ съ каждою минутой
Все свѣжѣе: зябну я.
Ты въ свой плащъ меня закутай!» —
«Голова тебя моя
Пусть согрѣетъ! Преклониться
Дай мнѣ къ персямъ лишь твоимъ
Головой! Челомъ моимъ
Самый камень раскалиться
Могъ бы: столько у меня
Въ головѣ огня, огня!

«Что за гвоздикъ, дорогая,
На груди твоей виситъ?» —
«Это крестикъ: мать родная

Мнѣ дала...» —«Ахъ, онъ язвитъ
Мнѣ чело: стрѣлы острѣе
Гвоздикъ этотъ. Для чего
Онъ тебѣ? Скорѣй, скорѣе
Съ бѣлыхъ персей сбрось его!»

Сброшенъ крестъ — символъ распятья:
Всадникъ взорами сверкнулъ
И, дѣвицу взявъ въ объятья,
На нее огнемъ дохнулъ,
Конь заржалъ — и ржанье, эхомъ
Повторяясь, отдалось
Человѣчьимъ громкимъ смѣхомъ
И далече разнеслось;
Конь затѣмъ въ одно мгновенье
Черезъ стѣну, какъ стрѣла,
Скокъ!— И — чу! Пѣтушье пѣнье!
Чу! Гудятъ колокола.
Не успѣлъ еще явиться
Къ ранней службѣ ксендзъ тогда —
Конь и всадникъ и дѣвица
Вдругъ исчезли навсегда.

На кладбищѣ тишь царила.
Много памятниковъ, плитъ.
За крестомъ тамъ крестъ стоитъ.
Безъ креста одна могила,
Гдѣ земля не улеглась,
Видно рыта лишь сейчасъ.

Ксендзъ потомъ сюда явился,
И, съ усердіемъ, въ тиши
Продолжительно молился
За двѣ грѣшныя души.

Будрысъ и его сыновья.

Три у Будрыса сына, какъ и онъ, три литвина.
Онъ пришелъ толковать съ молодцами.
«Дѣти, сѣдла чините, лошадей проводите,
Да точите мечи съ бердышами.

«Справедлива вѣсть эта: на три стороны свѣта
Три замышлены въ Вильнѣ похода:
Пазъ идетъ на поляковъ, а Ольгердъ на прусаковъ,
А на русскихъ — Кейстутъ-воевода.

«Люди вы молодые, силачи удалые —
(Да хранятъ васъ литовскіе боги!)
Нынче самъ я не ѣду, васъ я шлю на побѣду:
Трое васъ — вотъ и три вамъ дороги.

«Будетъ всѣмъ по наградѣ: пусть одинъ въ Новѣградѣ
Поживится отъ русскихъ добычей.
Жены ихъ, какъ въ окладахъ, въ драгоцѣнныхъ нарядахъ;
Домы полны; богатъ ихъ обычай.

А другой отъ прусаковъ, отъ проклятыхъ крыжаковъ,
Можетъ много достать дорогаго:

Денегъ съ цѣлаго свѣта, суконъ яркаго цвѣта,
Янтарю — что песку тамъ морскаго.

«Третій съ Пазомъ на ляха пусть ударитъ безъ страха:
Въ Польшѣ мало богатства и блеску;
Сабель взять тамъ нехудо, но ужь вѣрно оттуда
Привезетъ онъ мнѣ на домъ невѣстку.

«Нѣтъ на свѣтѣ царицы краше польской дѣвицы:
Весела — что котенокъ у печки,
И какъ роза румяна, а бѣла — что сметана;
Очи свѣтятся будто двѣ свѣчки.

«Былъ я, дѣти, моложе, въ Польшу съѣздилъ я тоже,
И оттуда привезъ себѣ женку;
Вотъ и вѣкъ доживаю, а всегда вспоминаю
Про нее, какъ гляжу въ ту сторонку.»

Сыновья съ нимъ простились и въ дорогу пустились.
Ждетъ-пождетъ ихъ старикъ домовитый,
Дни за днями проводитъ: ни одинъ не приходитъ.
Будрысъ думалъ: «ужь видно убиты!»

Снѣгъ на землю валится, сынъ дорогою мчится,
И подъ буркою ноша большая.
«Чѣмъ тебя надѣлили? что тамъ? Ге — не рубли ли?»
— «Нѣтъ, отецъ мой, полячка младая.»

Снѣгъ пушистый валится, всадникъ съ ношею мчится,
Черной буркой ее покрывая.
«Что подъ буркой такое? Не сукно ли цвѣтное?»
— «Нѣтъ, отецъ мой, полячка младая.»

Снѣгъ на землю валится, третій съ ношею мчится,
Черной буркой ее прикрываетъ.
Старый Будрысъ хлопочетъ и спросить ужь не хочетъ,
А гостей на три свадьбы сзываетъ.

Ренегатъ.

О томъ, что недавно случилось въ Иранѣ,
Повѣдаю я передъ всѣми...
Сидѣлъ на цвѣтномъ кашемирскомъ диванѣ
Паша трехбунчужный въ гаремѣ.

Гречанки, лезгинки поютъ и играютъ,
Подъ пѣсни ихъ пляшутъ киргизки:
Здѣсь небо, тамъ тѣни Эвлиса мелькаютъ
Въ обѣтныхъ глазахъ одалиски.

Паша ихъ не видитъ, паша ихъ не слышитъ;
Надвинулъ чалму; недвижимо
И молча онъ куритъ — и вѣтеръ колышитъ
Вокругъ его облако дыма.

Вдругъ шумъ до порога блаженства доходитъ —
Рабы разступились толпою;
Кизляръ-ага новую плѣнницу вводитъ
И молвитъ, склонясь предъ пашою:

«Эффенди! твои свѣтозарныя очи
Горятъ межъ звѣздами дивана,
Какъ въ яркихъ алмазахъ, на ризахъ полночи,
Самъ пламенникъ Альдебарана!

«Блесни же мнѣ свыше, свѣтило дивана!
Слуга твой, въ усердьѣ горячемъ,
Принесъ тебѣ вѣсти, что вѣтръ Ляхистана
Даритъ тебя новымъ харачемъ.

«Въ Стамбулѣ сады падишаха едва ли
Такою красуются розой...
Она — уроженка холодной той дали,
Куда ты уносишься грезой».

Тутъ съ плѣнницы снялъ онъ покровъ горделиво —
И ахнулъ весь дворъ и смутился...
Паша на красавицу глянулъ лѣниво —
И медленно на бокъ склонился.

Чубукъ и чалма у него упадаютъ;
Дремотой смежилися вѣки;
Уста посинѣли... къ нему подбѣгаютъ:
Уснулъ ренегатъ... и навѣки.

II.

«Карать чародѣйку!» — кричатъ янычары;
Законники тоже: «карать!»
«Казнить назарейку за адскія чары!
«Вбить въ камни ее! Вмуровать!

«Гассанъ, что и тигровъ и львовъ былъ жесточе,
Тотъ строгій паша-ренегатъ,
Кого ни единой красавицы очи,
Казалось, вовѣкъ не плѣнятъ, —

«Гассанъ!... Онъ двукратно имѣлъ отъ Хокана
Его одалыскъ по пятку
За то, что Хоканъ получилъ отъ Гассана
На блюдѣ Ифлака башку.

«И что-жь? Хоть онѣ красотою блестѣли,
Гассанъ ихъ отвергъ, пренебрегъ,
А нынѣ сраженъ вдругъ очами газели,
Какъ взглядомъ змѣи мотылекъ.

«Подъ стражей надежной на жертву народу
Пускай приведетъ ее бей!»—
Вотъ — ждутъ правовѣрные, часъ ужь къ исходу,
И кади ужь ѣдетъ. Скорѣй!

Вотъ кади пріѣхалъ! Вотъ камни готовы!
Толпа нетерпѣньемъ полна...
Но бей не является; сбиты оковы:
Пропали и бей, и она.

Молодой панъ и поселянка.

I.

Поселянка молодая
Въ рощѣ ягодки беретъ;
Къ ней лошадка вороная
Пана юнаго несетъ.

И съ поклономъ, и съ привѣтомъ
Соскочилъ ѣздокъ съ коня:
Дѣва вспыхнула при этомъ,
Глазки ясные склоня.

«Дорогая поселянка!
Помоги, душа моя!
На охоту спозаранка
Въ этотъ лѣсъ заѣхалъ я —

«И блуждаю. Гдѣ мѣстечко?
Не найду я: одолжи,
Молви въ помощь мнѣ словечко:
Путь-дорожку укажи!

«Мнѣ окрестность незнакома:
Прямо ѣхать иль свернуть?» —
«О, панъ къ ночи будетъ дома.
Указать нетрудно путь.

«Вотъ — подъ деревомъ лощинка;
Тамъ кустарникъ, и пошла
Дальше узкая тропинка
Влѣво около села.

«Дальше — мостикъ черезъ рѣчку,
И за мельницею вамъ
Надо вправо взять къ мѣстечку...
Да оно ужь видно тамъ »

Панъ въ отвѣтъ: «Теперь найду я!»
И уста къ устамъ склоня —
Чмокъ! и послѣ поцѣлуя
Подсвисталъ къ себѣ коня.

Прянулъ. Тѣнь стрѣлой мелькнула,
И не видно ужь его!
Грустно дѣвушка вздохнула:
Я не знаю — отчего.

II.

Поселянка молодая
Въ рощѣ ягодки беретъ;
Къ ней лошадка вороная
Пана юнаго несетъ.

И кричитъ онъ подъѣзжая:
«Покажи иной мнѣ путь!
Подъ селомъ рѣка большая —
Иль велишь мнѣ утонуть?

«Нѣтъ ни мостика, ни броду.
Это значитъ — изъ огня
Ты послала прямо въ воду
Добра молодца меня.»

«Есть тамъ, панъ, тропа другая:
Можно вправо повернуть.»
«Ну, спасибо, дорогая!» —
«Дай вамъ Богъ счастливый путь!»

Въ лѣсъ дорожка потянула,
Панъ мелькнулъ, и нѣтъ его!
Снова дѣвушка вздохнула:
Я смекаю — отчего.

III.

Поселянка молодая
Въ рощѣ ягодки беретъ:
Къ ней лошадка вороная
Пана юнаго несетъ.

И кричитъ онъ: «Ради Бога!
Полно, милая моя!
Что же это за дорога?
Въ ровъ глубокій въѣхалъ я.

«Лѣтъ за сотню передъ нами
Проложилъ тутъ развѣ путь,
Въ лѣсъ проѣхавъ за дровами,
Селянинъ какой-нибудь.

«Цѣлый день я на охотѣ,
И лошадки не кормилъ;
И ѣздокъ, и конь въ работѣ:
Зной обоихъ истомилъ.

«Хоть домой и опоздаю —
Ничего! Пусть ждутъ меня!
А теперь я разнуздаю,
Да на кормъ пущу коня.

«Самъ водицы хоть немного
Выпью: тутъ источникъ есть.
Послѣ сыщется дорога. —
Только бъ душу-то отвесть!»—

И съ поклономъ, и привѣтомъ
Соскочилъ ѣздокъ съ коня;
Дѣва вспыхнула при этомъ,
Глазки ясные склоня.

Онъ молчитъ... она вздыхаетъ...
Разговоръ пошелъ потомъ:
Громко панъ тутъ начинаетъ,
Та отвѣтствуетъ тишкомъ.

Ихъ слова — секретъ; тогда же
Дулъ противный вѣтерокъ,
Такъ что къ рѣчи пана даже
Я прислушаться не могъ.

Но, всмотрясь, я понемногу
Былъ наглядно убѣжденъ,
Что пастушку про дорогу
Не разспрашивалъ ужъ онъ.

СОНЕТЫ.

I.

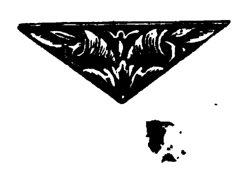
Воспоминаніе.

Лаура милая! проносится ль порою
Предъ памятью твоей блаженство прошлыхъ дней,
Когда наединѣ, въ бесѣдѣ межъ собою,
Мы забывали міръ и чуждыхъ намъ людей?

Въ бесѣдкѣ изъ цвѣтовъ, подъ зеленью живою,
Гдѣ вьется по лугу, журча легко, ручей,
Не разъ ночь крыла насъ любовной пеленою
Въ часы таинственныхъ желаній и рѣчей.

А мѣсяцъ озарялъ сквозь облако украдкой
Грудь снѣжную твою и золото кудрей,
Придавъ красу небесъ красѣ земной твоей...

Тогда сердца у насъ смолкали въ нѣгѣ сладкой,
Встрѣчалися уста, во взорѣ взоръ тонулъ,
Лилась слеза къ слезѣ и вздохъ ко вздоху льнулъ.

II.

Къ Лаурѣ.

Едва тебя увидѣлъ, ужь воспламенился
И въ незнакомомъ взорѣ давняго знакомства я искалъ,
И на щекахъ твоихъ взаимности румянецъ расцвѣталъ,
Какъ розы грудь, когда въ нее зари оттѣнокъ перелился.

Едва запѣла ты, ужь взоръ слезой я отуманилъ;
Твой голосъ проникалъ до сердца и за душу онъ хваталъ—
Казалось, ангелъ душу ту по имени назвалъ
И въ колоколъ небесный онъ минуту избавленія ударилъ.

О милая! Пускай твои глаза признанья не боятся,
Когда тебя я взглядомъ, голосомъ когда моимъ волную
(Не говорю о томъ, что и судьба, и люди противъ насъ грозятся).

Что долженъ я бѣжать, что безнадежно, другъ, тебя люблю я,
Пусть бракъ земной инаго подаритъ твоей рукою—
Признайся только мнѣ, что Богъ свѣнчалъ меня съ твоей душою.

III.

Съ собой говорю я, съ другими нѣмѣю;
Вдругъ къ сердцу вся кровь приливаетъ моя;
Въ глазахъ моихъ искры мелькаютъ, блѣднѣю;
Иные съ вопросомъ: не боленъ ли я?

Тѣ шепчутъ: вполнѣ ль я разсудкомъ владѣю?
Весь день такъ я мучусь. Вотъ время спанья!
Авось хоть минутку украсть я успѣю
У мукъ моихъ послѣ несноснаго дня!

Нѣтъ! Сонъ благодатный страдальцу невѣдомъ;
Мнѣ сердце бьетъ въ голову огненнымъ бредомъ,
Вскочивши, я фразы слагаю, твержу:

Вотъ то-то, и это злодѣйкѣ скажу!
Но только увижу тебя — и ни слова!
А тамъ вновь горю я и мучусь я снова.

IV.

Ты ходишь такъ просто; въ блестящую фразу
Ты словъ не слагаешь; со всѣми скромна;
А рады всѣ быть къ тебѣ ближе — и сразу
Въ одеждѣ пастушки царица видна.

Вчера были пѣсни и говоръ; былъ праздникъ;
Звучали твоихъ тамъ подругъ имена;
Тотъ гимны имъ пѣлъ, тотъ острился проказникъ:
Вошла ты — настала сейчасъ тишина.

Такъ въ пирномъ разгарѣ смолкаетъ вдругъ зала,
Гдѣ къ хору недавно взывалъ запѣвало,
И бурно все шло въ плясовомъ колесѣ.

Вотъ — тишь водворилась: что бъ значило это?
«То ангелъ промчался», — былъ отзывъ поэта.
Всѣ гостя почтили: узнали — не всѣ.

V.

Свиданіе въ лѣсу.

«Ты-ль это? такъ поздно?» — «Я сбился въ потем-
кахъ съ дороги.
При мѣсяцѣ тускломъ тропа обманула лѣсная.
Грустила? меня вспоминала?»—«Скажи мнѣ, могла я
О чемъ постороннемъ подумать, любимецъ мой
строгій?»

«О, дай же мнѣ руку! Позволь цѣловать эти ноги!
Дрожишь? что съ тобою?» —«Не знаю; въ лѣсу я гуляя
Пугаюсь, чуть листъ зашумитъ, или птица ночная.
Ахъ, знать мы преступны, коль сердце такъ полно
тревоги!»

— «Взгляни-ка мнѣ въ очи, въ лицо. Никогда не
бывала
Вина такъ смѣла́ и тревога съ улыбкой такою.
Ужель ты преступна, что быть мнѣ съ тобой позво-
ляла?»

«Сижу я далеко; любуюсь съ отрадой нѣмою...
Итакъ я, мой ангелъ земной, наслаждаюсь тобою,
Какъ будто ты духомъ, какъ будто ты ангеломъ
стала.»

VI.

Ханжа насъ бранитъ, а шалунъ въ легкокрыломъ
Разгулѣ глумится, что двое въ стѣнахъ —
Ты — съ юностью нѣжною, я — съ моимъ пыломъ —
Сидимъ мы: я — въ думахъ, ты — въ горькихъ слезахъ.

Я бьюсь съ искушеньемъ, хоть бой не по силамъ,
Тебя же пугаетъ бряцанье въ цѣпяхъ,
Которыми рокъ приковалъ насъ къ могиламъ:
Какъ знать тутъ, что дѣется въ нашихъ сердцахъ?

Что жь это? Удѣлъ наслажденья иль муки?
Приникнувъ къ устамъ твоимъ, сжавъ твои руки,
Могу ли удѣлъ свой я мукой назвать?

Когда жь намъ приходится тяжко рыдать
Въ минуту свиданья предъ вѣкомъ разлуки —
«Вотъ, вотъ наслажденье!» могу ль я сказать?

VII.

Утро и вечеръ.

Въ вѣнкѣ огнистыхъ тучъ съ востока день блис-
таетъ.
На западѣ луна скрываетъ ликъ во мглѣ,
За солнцемъ роза грудь роскошно открываетъ,
Фіалка, вся въ росѣ, лежитъ склонясь къ землѣ.

Лаура у окна балкона заблистала
И, пряди распустивъ косы своей златой,
— «О чемъ уже съ утра печальны вы (сказала),
Фіалка и луна, и ты, о милый мой?»

Я вечеромъ пришелъ,— и новое видѣнье!
Луна среди небесъ румяна и полна,
Фіалка поднялась, оживъ съ вечерней тѣнью.

Нарядні̇й, веселѣй Лаура у окна,
И снова я сижу у ногъ ея въ волненьѣ;
Но, какъ и поутру, душа моя мрачна.

VIII.

Къ Нѣману.

Нѣманъ, родная рѣка моя! Гдѣ эти воды,
Что я черпалъ когда-то въ безсильныя горсти бывало,
На которыхъ потомъ еще въ дикую глушь уплывалъ я,
Ища неспокойному сердцу прохлады свободной?

Здѣсь Лаура; глядяся съ восторгомъ на образъ свой чистый,
Любила плести свои косы и ихъ убирала цвѣтами,
Здѣсь образъ ея, нарисованный въ лонѣ волны серебристой,
Молодой и влюбленный, не разъ омочилъ я слезами.

Нѣманъ родной мой, гдѣ этихъ источниковъ слѣдъ,
А съ нимъ столько счастья, надежды такъ много?
Гдѣ милыя игры младенческихъ лѣтъ?

Гдѣ лучшія бурнаго вѣка тревоги?
Гдѣ Лаура моя? Гдѣ друзья мои тоже?
Все прошло, отчего жь не пройдутъ мои слезы!

IX.

Стрѣлокъ.

Въ день знойный, измученъ, стрѣлокъ молодой
Въ раздумьѣ, вздыхая стоялъ надъ рѣкой:
«Нѣтъ, прежде»,—онъ мыслитъ,—«увижу тебя я,
Чѣмъ скроюсь навѣки изъ этого края!

«Увижу — невидимый!..» Всадница вдругъ
Въ уборѣ Діаны съ зарѣчья блеснула,
Сдержала коня, взоръ назадъ повернула
И ждетъ... вѣрно спутника!.. Значитъ: самъ-другъ.

Стрѣлокъ отступилъ; весь онъ въ трепетѣ сжался
И съ горькой усмѣшкой, какъ Каинъ, глядитъ...
Дрожащей рукою зарядъ его вбитъ...

Вотъ — словно отъ мысли своей отказался —
Отходитъ... пыль видитъ вдали онъ: взято
Ружье на прицѣлъ... Не подъѣхалъ никто.

X.

Жалокъ тотъ, чье сердце безвзаимность губитъ;
Жалче тотъ, чье сердце злая скука гложетъ;
Но по мнѣ всѣхъ жалче, кто совсѣмъ не любитъ
Иль любви минувшей позабыть не можетъ.

Вѣтреной кокеткѣ въ ласкѣ онъ откажетъ,
Видя идолъ новый, взглянетъ старовѣрцемъ;
Ангела жь коль встрѣтитъ, то опомнясь скажетъ:
«Какъ къ его стопамъ мнѣ пасть съ поблеклымъ
сердцемъ?»

Тамъ онъ презираетъ, тутъ себя винитъ онъ:
Дѣвъ земныхъ онъ гонитъ, отъ богинь бѣжитъ онъ:
Въ немъ, простясь съ надеждой, сердце каменѣетъ.

И какъ разоренный храмъ оно въ пустынѣ—
Рушится и гибнетъ: жить въ его святынѣ
Божество не хочетъ, человѣкъ не смѣетъ.

XI.

Къ . . . .

Ты въ очи мнѣ глядишь, вздыхаешь ты: напрасно!
Во мнѣ — змѣиный ядъ. Прочь! Осторожна будь!
Побереги себя! Довѣрчивость опасна.
Ты увлекаешься. Спѣши уйти! Забудь!

Одну еще люблю я добродѣтель страстно:
То — искренность; такъ знай, что мнѣ ты сыплешь
въ грудь
Лишь искры адскія. Я гибну: это ясно.
Зачѣмъ же ангела мнѣ въ жребій свой втянуть?

Я наслаждаться радъ, но обольщать не стану
Изъ гордости. Дитя! Я — пересохшій злакъ.
Ты только расцвѣла, а я давно ужь вяну.

Твоя обитель — свѣтъ, моя — кладбище, мракъ.
Такъ вейся жь, юный плющъ, вкругъ тополей зеле-
ныхъ,
Давъ мѣсто терніямъ при гробовыхъ колоннахъ!

XII.

Въ альбомъ

Петру Мошинскому.

Поэзія! гдѣ кисть живой твоей руки?
Едва начну писать, и — мысли со страницы
Глядятъ, какъ узники, исполнены тоски,
Изъ-за рѣшетки ихъ удушливой темницы...

Поэзія! скажи, гдѣ музыка твоя?
Пою, но моего она не слышитъ пѣнья.
Не долетаютъ такъ до слуха соловья
Подземнаго ручья журчанье и движенье.

Не только краски, звукъ художника-творца,
Но даже и перо, покорный рабъ пѣвца,
Уже не признаетъ моихъ правъ на чужбинѣ:

И пишетъ не стихи, — о, музы, гдѣ, гдѣ вы? —
А знаки нотные мелодіи... увы! —
Она не пропоетъ мнѣ этой пѣсни нынѣ...

XIII.

Неволя въ первый разъ меня лишь веселитъ:
Я на тебя гляжу, а лба не тьмитъ мнѣ туча;
Я мыслю о тебѣ, а мысль моя — летуча;
И вотъ — люблю тебя, а сердце не болитъ.

Не разъ я признавалъ за счастье мигъ разгула,
Не разъ въ пылу и то за счастье принималъ,
Что слово сладкое кокетка мнѣ шепнула,—
Но, взысканъ счастіемъ, его я проклиналъ.

Тѣхъ мнимыхъ ангеловъ, когда любилъ я много,
Какъ много лилъ я слезъ въ мучительномъ огнѣ!
Теперь... теперь о нихъ и вспомнить больно мнѣ.

Съ тобой лишь счастливъ я,— молюсь и славлю Бога
За то, что Онъ такъ благъ: послалъ тебя мнѣ Онъ—
Тебя, кѣмъ я Ему молиться наученъ.

XIV.

О, милая! повѣрь, мои воспоминанья
Смущаетъ часто страхъ невольный за тебя,
И я боюсь, что ты, уставши отъ страданья,
Страдаешь и теперь, терзаясь и любя.

Чѣмъ виновата ты, что создана прекрасно,
Что я любилъ твой смѣхъ, что взглядъ твой жегъ меня?
Не знали сами мы, что въ страсть игра опасна;
Богъ слишкомъ много далъ намъ чувства и огня.

Почти всегда вдвоемъ, не нарушая долга,
Съ кипучей страстью мы боролись долго, долго,
Хоть были молоды и въ насъ кипѣла кровь,

А нынѣ, о Творецъ!..—у Бога не прощенья
Въ слезахъ теперь молю, свершивши преступленье,—
Молю, чтобъ отстрадавъ, не мучилась ты вновь.

XV.

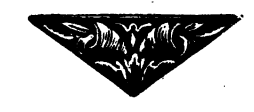
Съ добрымъ утромъ.

Съ добрымъ утромъ! Разбудить-ли? Вижу чудную картину.
Ахъ, ея душа на небо унеслась на половину,
А другая половина блещетъ въ дѣвственныхъ чертахъ,
Словно солнца полушарье въ серебристыхъ облакахъ.

Съ добрымъ утромъ!.. Вотъ вздохнула... Солнца лучъ въ окно прокрался.
Жмуришь глазки ты отъ свѣта... Я тобой залюбовался,
Льнутъ къ устамъ шалуньи мухи, налетая на тебя...
Съ добрымъ утромъ! въ небѣ солнце, а съ тобою вмѣстѣ я!

Съ добрымъ утромъ! Но я вижу, ты, мой другъ, еще не встала,
На пушистомъ ложѣ нѣжась. Потому спрошу сначала:
Какъ, скажи, твое здоровье? За тобою я слѣжу.

Съ добрымъ утромъ! Развѣ руку не могу поцѣловать я?
Ты желаешь, чтобъ ушелъ я? Ухожу. Возьми, вотъ, платье,
Встань скорѣй и «съ добрымъ утромъ!» я тогда тебѣ скажу.

XVI.

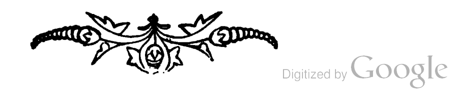
Спокойной ночи!

Кончена бесѣда. Спи! Спокойной ночи!
Ангеломъ небеснымъ сонъ твой да хранится!
Послѣ слезъ пролитыхъ отдохнутъ пусть очи,
Пусть покоемъ сладкимъ сердце освѣжится!

Спи! Спокойной ночи! Каждаго мгновенья,
Что мы были вмѣстѣ,—слѣдъ да отразится
Въ этомъ снѣ пріятномъ! Въ дымкѣ сновидѣнья
Образъ мой пусть лучшимъ *для тебя* приснится!

«Спи! Спокойной ночи! Но еще взгляни ты
Мнѣ въ глаза!... Ты хочешь ужь прислугу кликнуть...
Дай припасть мнѣ къ персямъ!—Ахъ! Онѣ закрыты.

Дверь ты замыкаешь... Если-бъ могъ проникнуть
Въ скважину—тебѣ я сномъ сомкнуть бы очи
Не далъ, повторяя: спи! спокойной ночи!

XVII.

Добрый вечеръ.

Добрый вечеръ! Право, лучше и пріятнѣй нѣтъ
привѣта:
Ни въ глухую ночь, когда намъ разставаться неиз-
бѣжно,
Ни при встрѣчѣ раннимъ утромъ въ блескѣ сол-
нечнаго свѣта
Не прощаюсь никогда я, не здороваюсь такъ нѣжно,

Какъ при сумеркахъ вечернихъ съ ихъ отрад-
ной тишиною...
Даже ты сидишь безмолвно и отъ радости крас-
нѣешь,
Лишь услышишь: добрый вечеръ! и въ подобный
часъ со мною
Тихимъ вздохомъ или взглядомъ разговаривать
умѣешь.

Пусть для всѣхъ живущихъ вмѣстѣ утро доброе
сіяетъ,
Освѣщая трудъ, который руки ихъ соединяетъ,

Пусть любовниковъ счастливыхъ охраняетъ тьма ночей,
Чтобъ они въ ночномъ блаженствѣ всѣхъ заботъ нашли забвенье,
А у тѣхъ, кто любитъ тайно и таитъ души движенья,
Добрый вечеръ пусть скрываетъ слишкомъ яркій блескъ очей.

XVIII.

Къ Д. Д.

Визиты.

Вошелъ лишь и съ нею успѣлъ я два слова
Промолвить — звонокъ! — и ливрейный (тутъ хамъ
Съ докладомъ: визитъ!...) Чу! Звонятъ уже снова;
Одинъ — изъ воротъ, а другой — къ воротамъ.

При входахъ всѣхъ волчьи я вырылъ бы ямы,
Устроилъ капканы по всѣмъ тутъ мѣстамъ;
А это не въ помощь — за Стиксъ бы я самый
Ушелъ, окопался-бъ, и спрятался тамъ.

Докучникъ сидитъ: смерть душа моя чуетъ,
Казнится, мгновенья послѣдняго ждетъ,
А онъ все о раутѣ вчерашнемъ толкуетъ!

Вотъ — взялъ онъ перчатки... вотъ — шляпу беретъ!...
Я ожилъ; — мнѣ снова духъ жизни дарованъ:
Что-жь? — Вновь онъ усѣлся!... Сидитъ, какъ прикованъ.

XIX.

Къ дѣлателямъ визитовъ.

Какъ милымъ быть гостемъ — хочу я повѣдать
Совѣтъ мой: разсказомъ укрась свой визитъ,
Что тамъ-де танцуютъ, тамъ сѣли обѣдать, —
Хлѣбъ дешевъ, — дождливое время стоитъ.

Коль двое въ салонѣ тутъ — гость и хозяйка,
Смотри наблюдая: каковъ ихъ привѣтъ?
И все ли на мѣстѣ? И ихъ туалетъ
Въ порядкѣ ли полномъ?... Она... замѣчай-ка!...

Смѣется, но нехотя; онъ достаетъ
Часы изъ кармана и смотритъ лукаво,
Учтивъ, но въ глазахъ-то замѣтна отрава, —

Вставай и «прощайте» скажи; твой чередъ!
Желаю-де весело жить вамъ и здраво. —
Когда-жь ты ихъ вновь посѣтишь?—Черезъ годъ.

XX.

Прощаніе.

Къ Д. Д.

Такъ сердце свое у меня отняла ты?
А впрочемъ едва-ли его я имѣлъ.
Иль—совѣсть?... А онъ-то?... Иль требуешь платы?
За золото развѣ тобой я владѣлъ?

А все-же недаромъ: въ сердечныя траты
Входилъ я; души я своей не жалѣлъ;
Всѣ ласки твои окупилъ;—и могла ты
Меня оттолкнуть? Знать, таковъ мой удѣлъ!

Теперь открываю свои побужденья:
Ты гимновъ хотѣла;—а что они? Дымъ.
Что вирши?—Для нихъ-то ты счастьемъ моимъ

Играла? Но нѣтъ — не продамъ вдохновенья,—
И имя твое лишь бы вспомнилось мнѣ—
Гдѣ таяли риѳмы — замерзли бъ онѣ!

XXI.

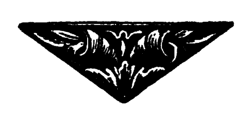
Данаиды.

Прекрасный полъ! О гдѣ ты, вѣкъ златой? О гдѣ вы,
Дни чудные, когда за полевой цвѣтокъ,
За ленту алую—сдавалось сердце дѣвы,
И передъ милою быть сватомъ голубь могъ?

Теперь дешевый вѣкъ, и нѣжный полъ-дороже.
Той золото даю: нѣтъ! гимны ей слагай!
Той сердце предлагалъ: отдай и руку! Боже!
Ту пѣлъ и славилъ я: богатъ-ли? отвѣчай!

О Данаиды! Я кидалъ (несчастный грѣшникъ!)
Святыню въ бочку вамъ; при гимнахъ, при дарахъ,
Я сердцемъ жертвовалъ, расплавленнымъ въ слезахъ.

И вотъ я сталъ скупецъ изъ мота, сталъ насмѣшникъ
Изъ агнца! Хоть служить еще готовъ я вамъ
Дарами, пѣснями: — души ужь не отдамъ!

XXII.

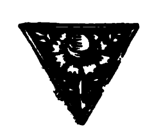
Извиненіе.

Я пѣлъ все о любви средь круга своего;
Тѣмъ нравилось, а тѣ тайкомъ произносили:
«Что онъ вздыхаетъ все? Ужели ничего
Инаго онъ ни пѣть, ни чувствовать не въ силѣ?

Онъ въ зрѣлыхъ ужь лѣтахъ: подобный пылъ его—
Одно ребячество.» —Иные же спросили:
«Даръ пѣсенъ отъ боговъ данъ развѣ для того,
Чтобъ намъ лишь о себѣ поэты голосили?»

Великомудрый судъ! — Алкееву схватилъ
Я лиру и на ладъ урсинскій возгласилъ,
Глаголомъ выспреннимъ,—глядь! Слушателей нѣту!

Разсѣялись они; ихъ громъ мой изумилъ;
Я жь струны оборвалъ и лиру кинулъ въ Лету.
По слушателямъ быть назначено поэту.

ПОВѢСТИ И СКАЗКИ.

Корчма въ Упитѣ.

Истинное происшествіе.

Упита, нѣкогда уѣздный городъ, нынѣ
Мѣстечко жалкое, гдѣ глухо, какъ въ пустынѣ.
Одна часовня въ немъ, да хаты здѣсь и тутъ;
Гдѣ рынокъ былъ, теперь грибы одни растутъ.
Валъ городской, гдѣ мостъ подъемный находился,
Крапивою густой обросъ и обвалился.
Развалины кругомъ; старинный замокъ срытъ,
И тамъ теперь корчма убогая стоитъ.

Въ корчмѣ на отдыхѣ отъ скуки и безъ цѣли
Прислушивался разъ къ бесѣдѣ я. Сидѣли
Тамъ трое. Первый былъ полякъ не молодой
Съ конфедераткою на головѣ сѣдой;
Огромные усы; жупанъ—какого цвѣта
Онъ прежде былъ, рѣшить довольно трудно это,—
Да сабля на боку. Моложе былъ сосѣдъ;
Во фракъ изъ грубаго сукна онъ былъ одѣтъ,
Покручивалъ свой чубъ, то молча нагибался.
И кистью сапога игралъ и улыбался,
То надъ причетникомъ, что красный крестъ носилъ
И платье длинное, подружески трунилъ.
Четвертый былъ жидокъ. Къ еврею обратился

Старикъ: «Гей! бѣлый свѣтъ еще не провалился!
Намъ трупами теперь пугать жида къ чему?
Повѣрьте, кумовья, вы слову моему:
Лишь только попадетъ Сицинскій на кладбище,
Насъ медомъ угостятъ... Не правда-ли, дружище?»
Тряхнулъ жидъ бородой. Я слухъ насторожилъ.
Сицинскій? Здѣсь? Сейчасъ о немъ онъ говорилъ?
— «О трупѣ, молвилъ я, какомъ вы говорите?
Какой Сицинскій здѣсь тревожитъ васъ въ Упитѣ?» —
Старикъ мнѣ отвѣчалъ: «Все разскажу. Эхъ-ма!
На мѣстѣ, гдѣ теперь жидовская корчма,
Сицинскій въ замкѣ жилъ, какъ мáгнатъ, и друзьями
Конечно окруженъ, былъ съ сильными связями;
Имѣлъ приверженцевъ, къ себѣ ихъ привлекалъ
И какъ диктаторъ онъ на сеймикахъ блисталъ,
Гдѣ истинныхъ вельможъ осаживалъ бывало:
Однако и того ему казалось мало.
Всѣмъ начала колоть глаза такая спѣсь...
Тутъ сеймикъ подошелъ и всполошился весь.
Межъ тѣмъ какъ самъ магнàтъ на выборахъ побѣды
Ждалъ для себя и звалъ всю шляхту на обѣды,
Когда на сеймикѣ сочли шары, тогда
Сицинскій ни причемъ остался. Не бѣда!
И шляхту всю, какъ извергъ первый въ мірѣ,
О scelus погубить рѣшился онъ... О dirae!
Онъ далъ обѣдъ. Къ нему всѣ гости собрались,
Отъ яствъ ломился столъ и вина полились...
Но головы гостей отправленный напитокъ
Вдругъ одурманилъ. Въ нихъ сказался силъ избытокъ;
Шумъ, крики, споръ и брань, смѣшенье языковъ,
Смѣнились саблями удары кулаковъ.

И въ дикомъ бѣшенствѣ безумнаго обѣда
Сосѣдъ неистово хлесталъ и билъ сосѣда.
Но отравитель самъ недолго ликовалъ.
Перуномъ былъ тогда убитъ онъ наповалъ.
Какъ тотъ Ajax copulo infixus acuto
Expirans flammas: такъ онъ былъ наказанъ люто!»
«Аминь», тогда сказалъ причетникъ. Экономъ
Во фракѣ заявилъ о мнѣніи иномъ
И, истину извлечь стремясь изъ глупой сказки,
Шутя доказывалъ, лукаво щуря глазки,
Что управляющій, съ которымъ друженъ онъ,
Который книгами всю жизнь былъ окруженъ,
О томъ Сицинскомъ тамъ упоминалъ не разъ:
Онъ руки королю связалъ, сгубивши насъ.

За этимъ экономъ свой выводъ сдѣлалъ смѣло,
Что тамъ не въ сеймикѣ, конечно, было дѣло,
Шло дѣло о войнѣ... съ кѣмъ? трудно угадать:
Со Шведомъ, думали, иль съ Туркомъ воевать;
И короля тогда Сицинскій, какъ предатель,
Въ Упиту заманилъ, гдѣ ждалъ ужь непріятель.

Хотѣлъ онъ продолжать, но пана эконома
Причетникъ осадилъ: «Тамъ только жди содома,
Гдѣ учитъ пономарь приходскаго ксендза
И лѣзетъ къ старикамъ молокососъ въ глаза.
Я знаю лучше васъ фактъ многимъ неизвѣстный:
Не сеймикъ, не война громъ вызвали небесный,
Безбожье—вотъ вина. Сицинскій, говорятъ,
Родъ ограбилъ свой, хотя и былъ богатъ,
Самъ въ церковь не ходилъ и чуждый снисхож-
денья,

Работать мужиковъ гонялъ и въ воскресенье.
Хотя ему не разъ епископъ угрожалъ...
Съ амвона проклялъ!—но Сицинскій не внималъ
И въ праздникъ годовой, знать, съ бѣсомъ хороводясь,
Когда обѣдня шла, велѣлъ копать колодезь.
Но тутъ-то и ждала безбожника бѣда:
Такая хлынула изъ-подъ земли вода,
Что всѣ поля, гдѣ нивы колосились,
Всѣ тучные луга въ трясину обратились
Его-жь Сицинскаго тутъ убилъ небесный громъ
Со всей его семьей и сжегъ огромный домъ,
И окаянный трупъ земля принять не хочетъ,
Какъ прочихъ мертвецовъ, и червь его не точитъ
Нѣтъ мѣста для него на кладбищѣ, и онъ
Покоя мирнаго въ сырой землѣ лишенъ.
Его уже не разъ съ кладбища похищали
И бросивъ трупъ въ корчму, еврея имъ пугали.»
Онъ смолкъ и—настежъ дверь. За дверью видѣнъ былъ
Трупъ мертвеца; на всѣхъ онъ ужасъ наводилъ.
Какъ пара костылей, торчали ноги; руки
Крестъ-на-крестъ сложены, лицо съ печатью муки
И полусгнившій ротъ у мертвеца зіялъ,
И рядъ его зубовъ наружу выставлялъ;
Но вообще мертвецъ напоминалъ живаго
И словно избѣжалъ онъ тлѣнья гробоваго.
Какъ съ полотна картинъ старинныхъ иногда,
Гдѣ краски выцвѣли стерлись безъ слѣда,
То тамъ, то здѣсь какъ бы глядятъ изъ мрака
Фигуры блѣдныя, но видныя однако,
Такъ не согрѣтъ мертвецъ былъ жизненнымъ огнемъ

Но каждый бы узналъ черты живаго въ немъ.
Лишь стоило на нихъ взглянуть, чтобъ въ содро-
ганье
Придти. Ликъ мертвеца, какъ будто въ наказанье,
Преступниковъ живыхъ всю дикость сохранилъ
И звѣрства прежній духъ въ чертахъ его застылъ.
По смерти видѣнъ былъ разбойникъ, страшный люду,
Напоминающій предателя Іуду.
Онъ плечи долу гнулъ и голову склонилъ,
Какъ будто бы позоръ къ землѣ его давилъ,
Какъ будто бы его кто вытащилъ изъ ада,
Куда хоть силою душа вернуться рада.

Хотя вертепъ, гдѣ былъ разбойничій притонъ,
Разрушитъ Божій громъ иль люди, все же онъ
По разнымъ признакамъ зловѣщимъ или грустнымъ,
Дастъ угадать, кто жилъ въ вертепѣ этомъ гнус-
номъ.
По шкурѣ сброшенной змѣю мы узнаемъ;
Такъ и Сицинскаго узналъ я въ трупѣ томъ.»

Друзья! воскликнулъ я: не нужно ссоръ и
преній.
Онъ сдѣлалъ не одно, но много преступленій:
Людей сведя съ ума, виномъ ихъ отравлялъ,
Опуталъ королей и край родной терзалъ.

Но что-жь такое ты, народное преданье?
Ты правды искорка подъ пепломъ, ты мечтанье,
Іероглифъ нѣмой—онъ говоритъ о чемъ?—
Ты надпись стертая съ потеряннымъ ключемъ,
Минувшей славы, ты оставшееся эхо,

Гдѣ рядомъ съ правдой ложь, разсказъ достойный смѣха
Ученыхъ... Но сперва, оставивъ этотъ смѣхъ,
Пускай отвѣтствуетъ ученыхъ мудрый цехъ
И ясно объяснитъ, призвавъ на помощь знанье,
Намъ — что такое всѣ народныя преданья?

Королевна Ляля и король Бобо.

За морями, за долами встарину былъ славенъ чудный
Край цвѣтущій и обильный, рыбный, хлѣбный, многолюдный,
Гдѣ король могучій Бобо храбрымъ воиномъ считался
И кудесникомъ при этомъ втихомолку назывался,
Почитаемый народомъ и толпою приближенныхъ,
И другими королями близкихъ странъ и отдаленныхъ.
Посреди своихъ сокровищъ, не скупясь на нихъ, конечно,
Жизнью пользовался Бобо — праздно, весело, безпечно;
Спать ложился съ пѣтухами, поднимался поздно съ ложа,
Пилъ и бражничалъ не мало, на охоту ѣздилъ тоже,
По своимъ владѣньямъ рыскалъ постоянно по бездѣлью
И дворцовъ построилъ триста шестьдесятъ шесть съ тою цѣлью,
Чтобы въ нихъ поперемѣнно ночевать день каждый, — словомъ

От начала мірозданья под небесным нашим
кровом
Никогда на бѣлом свѣтѣ, сомнѣваться в том
смѣшно бы,
Не бывало и не будет короля счастливѣй Боба.

Не имѣл он сына,— видно, так уж боги
пожелали —
Лишь была у Боба дочка и носила имя Ляли,
Чудным разумом и чудной красотою отличалась,
Но хотя она красивѣй и разумнѣй всѣх считалась —
Въ свѣтѣ не было несчастнѣй королевны бѣдной
этой.
Родилась ли Ляля в черный год, под скверною
планетой,
Иль ее околдовали при посредствѣ чар—не знали
Ничего об этом люди и различно толковали,
Но вполнѣ всѣм было ясно, что ей жизнь не улыбалась,
Что горючими слезами Ляля часто заливалась.
Да и как ей можно было не тужить, в тоскѣ
рыдая:
Женихам не полюбилась королевна молодая.
Королевичи из дальних городов к ней пріѣзжали,
И князья-сосѣди тоже королевну посѣщали,
Всѣ едва увидя Лялю приходили в восхищенье,
Но никто из них однако ей не дѣлал предложенья.

Время шло межъ тѣмъ; напрасно Ляля свадьбы поджидала
И, мечтая о замужствѣ, съ грустью тайною вздыхала;
Потерявъ надежду мужа рода царскаго дождаться
Съ знатнымъ подданнымъ была бы рада Ляля обвѣнчаться;
Черезъ тетку, черезъ дядю жениховъ себѣ искала
И троимъ поочередно руку, сердце предлагала.
За такую милость всякій низко кланялся, однако
Изловчался извернуться отъ негаданнаго брака.
Тотъ доказывалъ, что, прежде совершенія обряда,
Извѣстить свое семейство о своей женитьбѣ надо
Да къ родителямъ поѣхать попросить благословенья,
И —взнуздавъ коня, поспѣшно королевскія владѣнья
Покидалъ, и уже больше въ край родной не возвращался;
А другой, хотя жениться непремѣнно обѣщался,
Но, — отца похоронивши, — попросилъ отсрочки краткой.
Трауръ кончился, явились къ Лялѣ дружки, но украдкой
Молодой какъ въ воду канулъ и его не отыскали.
Такъ, найдя предлогъ удобный, женихи всѣ отставали
И скрывались отъ невѣсты всякій разъ по-одиночкѣ,
Отдавая справедливость королевской чудной дочкѣ,
Толковали, что ихъ панна восхищала и плѣняла:
Но, какъ къ будущей супругѣ, сердце къ Лялѣ не лежало.

Почему? — Не знают сами, — имъ, по правдѣ, это странно:
Всѣ достоинства имѣя, хороша, богата панна
И въ придачу — королевство!.. Соблазнительное дѣло!
Но никакъ съ разсудкомъ сердце согласиться не хотѣло. —
Потому такъ относились женихи къ ней, что въ то время
Притворяться не умѣло человѣческое племя;
Не могло понять такого преступленья, святотатства,
Чтобъ на дѣвушкѣ жениться не любя, изъ-за богатства,
Погубивъ два сердца разомъ навсегда, безъ состраданья.
Потому предпочитали женихи идти въ изгнанье,
Чѣмъ владѣній королевскихъ безъ любви жены добиться,
И скорѣе соглашались даже съ родиной проститься,
Чѣмъ бездушно на не милой, не любя ее, жениться.

Время шло, да шло... Напрасно Ляля свадьбы поджидала,
И, мечтая о замужствѣ, съ грустью тайною вздыхала:
«Въ мірѣ каждая дѣвица изъ простаго даже круга,
Мужика ли, пастуха ли, а найдетъ себѣ супруга,
И дѣтей имѣетъ; мнѣ же горькій жребій достается:
Безъ дѣтей, безъ мужа вѣрно коротать весь вѣкъ придется.
И никто не пожалѣетъ, не пойметъ души тревогу

И не станетъ ежедневно за меня молиться Богу!..»
Сумасбродная однажды мысль пришла печальной Лялѣ:
«Выйду я за поваренка, что бы тамъ ни толковали!»

Какъ нарочно въ это время, изъ деревни прямо взятый,
Подъ окномъ кастрюли чистилъ парень грязный и лохматый.
«Эй, послушай, поваренокъ, подойди-ка на два слова.
Я тебя счастливымъ сдѣлать на всю жизнь твою готова.
Но, сперва кастрюли бросивъ, къ роднику ты отправляйся,
Смыть съ лица всю грязь и сажу хорошенько постарайся
Да и руки вымой тоже, а тебя здѣсь буду ждать я.
Дамъ тебѣ, когда вернешься, мальчикъ, праздничное платье,
Шляпу съ перьями, получишь и серебряныя шпоры
И кошель съ рублями — словомъ, все что нужно: всѣ уборы.
Купишь въ городѣ коня ты — это первая забота—
И прискачешь въ королевскій замокъ, въ главныя ворота,
Гдѣ, себя назвавши княземъ, долженъ ты къ отцу явиться,
Я жь устрою такъ, что зятемъ онъ тебя назвать рѣшится.»

Въ дрожь и холодъ поваренка отъ такихъ рѣчей бросало,
А потомъ какъ пластъ упалъ онъ, перепуганный не мало,
И вопилъ, слезамъ давъ волю: «Ахъ, зачѣмъ ты, королевна,
Шутишь такъ надъ парнемъ бѣднымъ!» Отвѣчала Ляля гнѣвно:
«Поваренокъ глупый, развѣ ты не можешь догадаться,
Что печеныя голубки сами въ ротъ тебѣ валятся?
Лучше все безпрекословно исполняй, что мнѣ угодно,
А не то объ этомъ будешь сожалѣть всю жизнь безплодно.»
— «Ахъ!» воскликнулъ поваренокъ,—«мнѣ ль за это дѣло браться?
Не могу я, если-бъ даже и хотѣлъ повиноваться.
Ты не знаешь, какъ живется сиротѣ почти съ пеленокъ
И не вѣдаешь, что долженъ дѣлать каждый поваренокъ:
Въ лѣсъ ломать сухія вѣтви отправляйся спозаранку,
Собери въ одну ихъ кучу и потомъ, поднявъ вязанку,
На спинѣ домой тащи ихъ черезъ силу еле-еле
И къ землѣ въ дугу пригнувшись.—При такомъ тяжеломъ дѣлѣ
Пересталъ расти я скоро, не похожъ на человѣка,
Какъ забитый жеребенокъ, я совсѣмъ почти калѣка,
И когда бы ко двору я на конѣ лихомъ примчался,

Я бы карликомъ ничтожнымъ и смѣшнымъ всѣмъ
показался.»
— «Это дѣло поправимо», королевна отвѣчала:
«Ты скажи, что происходишь изъ страны такой (читала
Я о ней въ старинныхъ книгахъ), гдѣ всѣ люди — невелички,
Люди — карлики по росту, что у нихъ другой нѣтъ клички
И что въ той странѣ далекой, сынъ любимый короля ты.
Велики иль малорослы, стройны станомъ иль горбаты —
Короли между собою равны всѣ на бѣломъ свѣтѣ.»
— «Дорогая королевна, посмотри на руки эти
И на всю мою фигуру... Съ толку я собью кого-же?
Мнѣ къ лицу ли наряжаться, какъ какой-нибудь вельможа?
День и ночь вертѣть обязанъ я на вертелѣ жаркое,
Подгорѣлъ самъ, какъ жаркое: дѣло дѣлая такое,
Чищу вечеромъ кастрюли, горькой участи покорный,
Съ рукъ сошла полуда словно, и вся кожа стала черной!»
— «Не бѣда», сказала Ляля, ножкой маленькой затопавъ.
«Объяви, что королевичъ ты изъ царства эѳіоповъ,
Гдѣ отъ солнца загораютъ люди всѣ, какъ мнѣ извѣстно.
Короли между собою равны въ мірѣ повсемѣстно»

Слыша это, поваренокъ прикусилъ языкъ свой
разомъ,

У него отъ изумленья словно умъ зашелъ за разумъ,
На себѣ рвалъ волоса онъ, то ломалъ безумно руки,
То скрипѣлъ зубами, будто грызъ орѣхи, ради скуки,
Плакалъ громче все и громче, и слезами заливался
И, пугая Лялю, громко наконецъ расхохотался.

. . . .
. . . .

Брито — стрижено.

Прихворнуть слегка случится,
Каждый къ доктору стучится;
А опасно захвораетъ —
Знахарей къ себѣ сзываетъ.
Эти лечатъ отъ подагры,
Отъ чахотки, отъ хирагры.
Кровь, когда придется, мечутъ,
Глухоту и глупость лечатъ,
Но у нихъ, — пройди все царство, —
Отъ упрямства нѣтъ лекарства...

Жилъ Мазуръ одинъ. Пропала
У него однажды сука,
Что весь домъ оберегала.
Безъ нея Мазуру мука.
Онъ туда-сюда, однако
Воротилась вдругъ собака,
Но увы, на половину
Кто-то выбрилъ сукѣ спину.

«Ахъ, разбойники! Рѣшились
На такую злую штуку:
Выбрить пса не постыдились!...
— «Ты скажи, — остригли суку,»

Возразила мужу женка:
«Псовъ стригутъ; а ты вдругъ — брита.» —
«Вотъ какъ бабы судятъ тонко!».
Мужъ замѣтилъ ядовито:
«Ахъ, ты умница! Лицо-то
Голо, какъ ладонь, у бабы,
А учить пришла охота
Насъ, усатыхъ... Ты могла бы
Увѣрять всѣхъ, мнѣ сдается,
Что нашъ лысый панъ стрижется.»
—«А усы у эконома,
Что повисли, словно плети,
Видѣлъ ты?» хозяйка дома
Прервала: «усищи эти,
Скажешь стрижены, иль бриты?» —
«Къ чорту всѣхъ пановъ на свѣтѣ!
Бога лишь благодари ты,
Что нашъ песъ домой приплелся,
Только бъ брить его не надо.»
У жены отвѣтъ нашелся:
—«Я сама ужасно рада,
Хоть смотрѣть на суку гадко:
Можно ль было стричь такъ гладко?» —
«Ты глупа!» — Жена сердито:
«Съ дурнемъ мнѣ самой докука.» —
«Присмотрись-ка—сука брита.»
— Врешь ты, выстрижена сука.»—

Мужъ съ женою препирался,
А кругомъ народъ собрался,
Шумный споръ велся открыто,
И одинъ крикъ раздавался:
Брита!—«Стрижена!—Нѣтъ, брита!

Шелъ сосѣдъ. Къ нему пристали:
«Я ли правъ, скажи,—она ли?»
Шелъ еврей: «Скажи намъ, ну-ка —
Ты по правдѣ, безъ обману:
Брита ль, стрижена-ли сука?»
Отъ жида къ ксендзу и къ пану
Перешли потомъ, и —что-же?
Ксендзъ и панъ сказали тоже,
Что сосѣдъ и жидъ, въ ту пору,
Прекративши тѣмъ ихъ ссору,
Что жена Мазура — дура
И что выбритъ песъ Мазура.

На пути возвратномъ въ полѣ
Мужъ сказалъ: «Ну, недотрога!
Вновь ты спорить будешь, что ли?»
Но жена молчала строго.
Песъ ихъ встрѣтилъ у порога.
«Вотъ и бритый нашъ... Здорово!»
Мужъ кричитъ, а баба снова:
—«Здравствуй, стриженый...» — Ни слова
Не сказалъ Мазуръ на это,
Но, задумавши расправу,
Вмѣсто всякаго отвѣта,
Потащилъ жену въ канаву
И топить сталъ бабу. Съ роду
Такъ нырять ей не случалось:
Захлебнулась, бултыхалась,
Но ее толкалъ онъ въ воду,
Говоря: «Твоя защита —
Правда: стрижена иль брита?»
Гибель видѣла бѣдняжка

Умирать ей было тяжко,
Но два пальца выставляла
Изъ воды она наружу
И какъ ножницами стала
Ими стричь, переча мужу.

Это видя, мужъ въ тревогѣ
Поскорѣй давай Богъ ноги.
Доползла жена до хаты,
А Мазуръ пошелъ въ солдаты.

Баронъ.

Гдѣ хорошо живется, тамъ и отчизна. Кто же
Во снѣ все то могъ видѣть, чело склонивъ на ложе,
Чѣмъ пользовался въ жизни баронъ и наслаждался?
Имѣніями князя пришлецъ распоряжался
И въ бракъ вступалъ съ княгиней-вдовою, приносящей
Въ приданое два графства, всѣ земли и блестящій
Великолѣпный замокъ, настолько знаменитый,
Что гости ежегодно съ безчисленною свитой
Изъ Англіи, изъ Польши толпами наѣзжали,
Какъ будто чудеса ихъ въ томъ замкѣ ожидали.

Такъ нечего дивиться, что, утромъ просыпаясь,
Въ пуху гагачьемъ нѣжась и словно въ немъ купаясь,
Баронъ, откинувъ пологъ индійскій съ кружевами,
Привѣтствовалъ лучъ солнца подобными словами:
«Гдѣ хорошо живется, тамъ и страна родная!»
И дернулъ ленту съ кистью, такъ день свой начиная.

Тогда, какъ-бы по взмаху жезла волшебницъ, стройно
Вошла въ покой фаланга нарядныхъ слугъ, спокойно
Беззвучно размѣстившись и въ ожиданьѣ дѣла
У самаго порога какъ бы окаменѣла:
По выраженью только лица и глазъ казалось
Понятнымъ, что приказа покорно дожидалась
Нѣмецкая прислуга во фракахъ и манжетахъ
И въ башмакахъ какъ будто лишь въ первый разъ надѣтыхъ.
Тотъ съ зеркаломъ, тотъ бритвы припасъ... Баронъ въ постелѣ
Приподнялся, и слуги къ барону подлетѣли.
Несли пажи сорочку изъ бѣлаго батиста;
Когда жь баронъ облекся въ бѣлье, два камериста
Накинули на плечи ему халатъ расшитый
Цвѣтами, словно роза, по ткани глянцовитой;
Свой день баронъ встрѣчаетъ всегда въ такомъ халатѣ.
Надѣвъ его—всѣ знаютъ—онъ хочетъ встать съ кровати,
И, передъ нимъ согнувшись, тогда, какъ по удару
Въ ладоши, два лакея приносятъ туфель пару
Изъ красной мягкой кожи марокской, съ золотою
Звѣздой на туфлѣ каждой. Въ ту обувь съ быстротою,
Легко, какъ птицы въ гнѣзда, всегда нога входила
И по ковру, какъ по льду коньки, она скользила
Къ столу, гдѣ уже кофе дымясь готово было.

Лилъ камердинеръ кофе. Какъ статуя живая,
Арабъ ждалъ съ свѣжей трубкой и съ фитилемъ
зажженнымъ,
По первому же знаку онъ съ чубукомъ саженнымъ
Склонялся предъ барономъ, фитиль свой раздувая.
Какъ на чалмѣ турецкой, въ волнистыхъ склад-
кахъ шали,
Каменья дорогіе на янтарѣ сверкали,
А сзади въ то же время слуга—цирюльникъ живо
Барона стригъ, гребенкой причесывалъ красиво,
Помадилъ жирнымъ масломъ, чтобъ не были такъ
жестки
И глаже стали кудри, а чтобъ не сбить прически
Обвязывалъ фуляромъ всю голову у пана
Узломъ, напоминавшимъ подобіе тюльпана.

Баронъ курилъ, пуская дымъ трубки на до-
сугѣ
То въ потолокъ покоя, то въ носъ своей прислугѣ.
Угадывая волю его, она склонилась
И вышла въ тѣ же двери, въ которыя явилась.
Баронъ одинъ остался, пуская дымъ волнистый
То ко́льцами большими, то струйкою душистой.
Баронъ одинъ остался, и мысль его, казалось,
Въ дыму томъ ароматномъ блуждала и терялась.
До янтаря касаясь устами вѣроятно
Онъ сильно былъ разсѣянъ и бормоталъ невнятно,
Несвязно такъ, что если-бъ мы слухъ насторожили—
Отрывистыя фразы понятны-бъ мало были.
Такъ, напримѣръ, шепталъ онъ: «Гдѣ лучше намъ
живется,
Тамъ и отчизна наша, нашъ домъ. . . .

Нѣтъ лучше дома. . . . .
Что̀ слава! Хлѣбъ намъ нуженъ, а слава—развлеченье!...
Несчастье умудряетъ! Живи, пока живется;
А тамъ пускай міръ цѣлый вверхъ дномъ перевернется!»
Такъ онъ шепталъ, давъ волю словамъ неуловимымъ,
Которыя сливались съ густымъ табачнымъ дымомъ.

Мечтанія барона нарушилъ мракъ: затмѣнье
Какъ будто бы настало для солнца въ то мгновенье.
Двѣ маленькія ручки,—баронъ узналъ тѣ ручки—
Негаданно закрыли ему глаза, какъ тучки.
Онъ выпустилъ невольно изъ губъ янтарь, сверкавшій
Отъ перловъ драгоцѣнныхъ и на коверъ упавшій.
Прижавши руку къ сердцу съ комической тоскою
И надъ собой махая слегка другой рукою,
Какъ иногда на муху иль бабочку мы машемъ
И отгоняемъ прочь ихъ въ саду фуляромъ нашимъ,—
Баронъ тяжелымъ вздохомъ прервалъ свое молчанье,
И рѣчь его звучала, какъ комара жужжанье:
—«Ахъ, если это счастье мои закрыло очи,
Принявши образъ мрака,—пусть вѣчно длятся ночи,
А если это волны, что въ бездну низвергаютъ,
Такъ ласково и нѣжно въ *ничто* насъ обращаютъ,
Пускай умру сейчасъ же, какъ свѣчка потухая!..»

И голову все ниже склонялъ баронъ, вздыхая.
Тогда одна изъ ручекъ мѣшать не стала глазу;
Баронъ, какъ-бы очнувшись отъ обморока, сразу
Отъ тьмы освобожденный, присматривался къ свѣту
И предъ собой увидѣлъ смѣясь въ минуту эту
Онъ стройную фигуру, которая стояла
Какъ королева ночи, вся въ черномъ. Оттѣняла
Такого-жь цвѣта шляпка лицо ея. Станъ тонкій
Рельефнѣй выставлялся подъ черной амазонкой—
Костюмъ знакомый дамамъ нѣмецкимъ и до нынѣ.
Въ рукѣ княгиня—это была сама княгиня—
Держала хлыстъ, который служилъ ей развлеченьемъ,
И грызла рукоятку съ алмазнымъ украшеньемъ.

Когда такъ забавлялся баронъ, слуга съ докладомъ
Вбѣжалъ: «Гофратъ съ визитомъ пожаловалъ къ вамъ на домъ...»
Затѣмъ въ дорожномъ платьѣ съ бичемъ въ рукѣ явился
Полсотни лѣтъ прожившій мужчина, поклонился
И дружески, небрежно кивнувши головою,
Пожалъ барону руку. Съ поспѣшностью живою
Баронъ придвинулъ гостю одно изъ мягкихъ креселъ
Съ поклономъ; гость вторично поклонъ ему отвѣсилъ.
Усѣлись оба молча. Баронъ распорядился,
И камердинеръ тотчасъ безмолвно устремился
Въ тотъ уголъ, гдѣ стояла изъ трубокъ пирамида
И чубуки торчали различныхъ формъ и вида.

Чубукъ проворно выбравъ въ два локтя съ половиной,
Слуга, привычный къ дѣлу такому, въ мигъ единый
Набилъ для гостя трубку, самъ закурилъ, съ поклономъ
Поднесъ ее гофрату и скрылся.

Гость съ барономъ
Безъ словъ сидятъ и курятъ. Друзья при каждой встрѣчѣ,
По нраву, по привычкѣ всегда скупясь на рѣчи,
Понять одинъ другаго умѣли очень скоро,
Не прибѣгая вовсе къ словамъ для разговора:
Не звуками одними—къ чему-же утруждаться?—
Но и табачнымъ дымомъ мысль можетъ выражаться.

Гофратъ, въ себя вбирая густые клубы дыма,
Его фонтаномъ къ верху пускалъ неутомимо;
Баронъ напротивъ правилъ совсѣмъ другихъ держался—
Ротъ широко открывши, всю комнату старался
Густымъ наполнить дымомъ, какъ будто дѣлалъ дѣло,
И облако, казалось, тогда надъ нимъ висѣло.

Гость сильно изумился. Короткій сдѣлавъ роздыхъ,
Въ себя всей силой легкихъ вбирая свѣжій воздухъ,
Онъ дунулъ такъ, что разомъ дымъ синій разступился.

Тогда въ пространствѣ чистомъ вновь потолокъ открылся,
Какъ голубое небо, когда его лазури
Не затемняютъ тучи весною послѣ бури.
Исполнивъ эту штуку, гофратъ слегка нагнулся,
Схвативъ чубукъ свой длинный вновь сильно затянулся
И, дымомъ ротъ наполнивъ затяжкою одною,
Шаръ выпустилъ огромный въ арбузъ величиною,
Который тихо, плавно сталъ кверху подниматься.
Однако, не желая никакъ въ долгу остаться,
Баронъ пустилъ вдогонку за первымъ шаромъ новый
Шаръ маленькій, но быстро достичь его готовый;
Когда жь они столкнулись, то оба величаво
Поплыли вновь, налѣво—одинъ, другой направо.

Улыбкой поощривши подобный фокусъ ловкій,
Гофратъ самъ затянулся съ особенной сноровкой
И ротъ раскрылъ: въ немъ долго дымъ скопленный клубился,
Сгущался постепенно, волнами расходился
И вырвался наружу, въ единое мгновенье,
Кольца принявши форму, повиснувъ безъ движенья
Надъ головой барона: вотъ-вотъ дымъ расплывется,—
Но за кольцомъ барона еще кольцо несется,
За нимъ другое, третье, слетаетъ съ устъ гофрата,
И каждое проходитъ чрезъ своего собрата.

Потомъ всѣ эти кольца между собой слилися
И конусообразной фигурой разрослися...
Невольно содрогаясь, баронъ нашъ изумлялся,
Смотрѣлъ, но просто вѣрить глазамъ своимъ боялся,
Что посреди германцевъ искусникъ есть подобный,
Который восхитилъ бы курильщиковъ Китая,—
Но самъ желая фокусъ продѣлать безподобный,
Баронъ тотъ конусъ . . . .
. . . .

Колоколъ и колокольчики.

Раззвонились колокольчики, лишь наладили одно,
Ихъ же слушалъ мѣдный колоколъ, въ землю врывшійся давно:
«Посмотри́ на насъ: хоть малы мы, а какъ звонко заливаемся,
Ты жь и нѣмъ, и глухъ, и жребіемъ мы съ тобой не помѣняемся.»
—«Эхъ, собратья голосистые,» грустно колоколъ сказалъ:
«Этимъ вы ксендзу обязаны: въ землю онъ меня втопталъ.»—

Блоха и раввинъ.

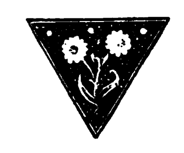
Въ талмудъ однажды раввинъ съ ушами погрузился
Его жь блоха кусала; онъ, наконецъ, озлился
И, улучивъ минуту, поймалъ блоху. Попала
Въ тиски она, вертѣлась и наконецъ сказала:
«Прости! Тебѣ сердиться, мудрецъ, не подобаеть!
Оставь мнѣ жизнь!» На это ей ра́ввинъ отвѣчаетъ:
— «Нѣтъ, кровь за кровь! Погибни, исчадье Веліала!
Ты, какъ филистимлянка, чужую плоть терзала.
У муравьевъ есть склады; въ работѣ неустанной
Съ цвѣтовъ сбираютъ пчелы воскъ, медъ благоуханный.
Какъ пьяница, одна ты среди людей шныряешь,
Сосешь ихъ кровь и ихъ-же еще при томъ кусаешь.
А потому тебя я казнить за это въ правѣ.»—
Блоха-же передъ смертью, готовая къ расправѣ,
Одно ему сказала: «Ты самъ живешь чѣмъ, равви?»

Друзья.

На свѣтѣ нѣтъ истинной дружбы давно,
Она только тему даетъ для насмѣшекъ.
Большіе друзья были Мешекъ и Лешекъ:
Когда одному попадался орѣшекъ,
Дѣлилъ непремѣнно съ другимъ онъ зерно.
Живя душа въ душу, не знали, казалось,
Различья они, что «мое», что «твое»;
Подобная дружба, кто зналъ ихъ житье,
И въ старое время не часто встрѣчалась.
Однажды въ дубравѣ подъ крики грачей
И пѣнье кукушекъ друзья толковали,
Какъ вдругъ посреди самыхъ нѣжныхъ рѣчей
Ревъ страшный вблизи услыхали.
Вскарабкался Лешекъ на дубъ въ тотъ-же мигъ,
А Мешекъ, неловкій всегда, сперепугу
Оставшись внизу, сталъ втупикъ
И руки протягивалъ другу,
Но другъ былъ на самой вершинѣ. Какъ снопъ,
Тогда блѣдный Лешекъ на землю свалился,
Предъ нимъ-же косматый медвѣдь очутился,
Толкнулъ его мордою въ лобъ,
Обнюхалъ лежащаго смѣло
И думая: это, знать, мертвое тѣло!
Ушелъ мишка въ лѣсъ: Нашъ литовскій медвѣдь

Не станетъ на трупъ и смотрѣть.
Тогда только Мешекъ очнулся. А съ дуба
Спросилъ его Лешекъ тогда:
«Ну, что, на носу, братъ, висѣла бѣда?
Однако зачѣмъ онъ такъ долго, такъ грубо
Сопѣлъ надъ тобой, словно что-то шепталъ
Надъ ухомъ твоимъ, мнѣ сдается.»
—«Шепнулъ онъ мнѣ,» Мешекъ тогда отвѣчалъ:
«Что истинный другъ лишь въ бѣдѣ познается.»—

Больной король и лисицы.

По указу Его Львинаго Величества,
Данному въ Вертепскѣ (мѣстожительство
Короля, по нездоровью тамъ живущаго)
Какъ помощники монарха всемогущаго,
Мы, министры, состоящіе
При особѣ королевской, настоящее
Приказаніе спѣшимъ оповѣстить:
Первый пунктъ. Избрать для депутаціи
Представителей звѣриной нашей націи
И всѣмъ избраннымъ животнымъ объявить,
Чтобъ въ Вертепскъ они немедленно отправились,
И Его Величеству представились
Съ выраженьемъ чувствъ ихъ вѣрноподданныхъ,
Имъ само́й природою преподанныхъ,
Королю всѣхъ благъ на свѣтѣ пожелавъ,
Дабы долго жилъ онъ и былъ здравъ.
Пунктъ второй. Всѣ депутаты оные,
Столь почетнымъ полномочіемъ снабженные,
Жирными должны быть обязательно
И сіе исполнить слѣдуетъ старательно. —
Данъ апрѣля перваго числа
Въ королевскомъ лѣтнемъ помѣщеніи.
А за симъ, въъ избѣжанье зла

И оберегая каждаго посла
Постановлено еще распоряженіе:
На проѣздъ со всѣхъ концовъ страны
Вплоть до мѣста назначенія
Для себя послы взять пáспорты должны
Изъ Секретной канцеляріи.—Да вѣдаютъ
Всѣ и нашему велѣнію послѣдуютъ:
Пусть никто къ посламъ не прикасается.
Ихъ царапать и кусать не дозволяется
Никому въ дорогѣ — ни полиціи,
Ни вельможамъ, ни чиновникамъ юстиціи.»

***

Исполнить торопясь
Вышеозначенный указъ,
На выборы сошлись безъ прекословья
Бараны и ослиное сословье;
За ними приплелись
И всѣ другіе звѣри,
Извѣстные, по крайней мѣрѣ.
Однѣ лисицы только уперлись,
Отъ выборовъ воздерживаясь ловко.
Чѣмъ объясняется подобная уловка?
Проговорилась такъ на этотъ счетъ
Одна лиса-плутовка:
«Слѣды звѣрей уже не первый годъ
Я изучаю строго.
И вотъ что нужно намъ принять въ разсчетъ:
Слѣдовъ, направленныхъ къ монарху, очень много,
Но отъ него обратнаго слѣда
Еще никто изъ насъ не видѣлъ никогда.»

Тройка.

Въ Литвѣ изъ всѣхъ поэтовъ одинъ собратъ Антоній
Держалъ въ конюшнѣ тройку,—лихіе были кони!
О нихъ еще такъ живо теперь воспоминанье,
Что могъ бы этой тройки я сдѣлать описанье.
И нечего дивиться, что вечеромъ вчера я,
Толкуя о прошедшемъ и старь перебирая,
Спросилъ: «А что же сталось, скажи-ка, съ этой тройкой?»
И вотъ какой отвѣтъ мнѣ далъ баснописецъ бойкій:
—«Въ судьбѣ ея скрывалосьзагадочное что-то.
Чтобъ отдохнули кони—хозяйская забота!—
Никто на нихъ не ѣздилъ, ихъ цѣлый годъ кормили,
Но кони межъ собою согласье позабыли
И грызлись постоянно, какъ дикіе, задорно,
Хотя была конюшня удобна и просторна.
Я, наконецъ, ихъ продалъ, и продалъ разнымъ людямъ
Но—измѣнять рѣшенье судебъ напрасно будемъ!—
Запрегъ всю эту тройку кацапъ какой-то снова,
И кони, только съ мѣста—ржать начали сурово:
«Эй ты, хохолъ, потише!» заржалъ лезгинецъ гордый:

«Не фыркай прямо въ носъ мнѣ, коль дорожишь,
ты мордой!»
Мазуръ ему на это:—«Самъ много позволяешь.
Полегче: двину такъ я, что разомъ захромаешь!
Казакъ ярится тоже: «Ахъ,, мужики, уроды!
Задамъ я вамъ обоимъ въ конюшнѣ у колоды...»
И взапуски вся тройка, не въ силахъ удержаться,
Вдругъ начала кусаться и бѣшено брыкаться
Когда-жь, свой кнутъ схвативши, кацапъ стегать
ихъ началъ,
То такъ хохла, мазура, лезгинца озадачилъ,
Что кони усмирились... Какъ шелковая стала
Вся тройка и галопомъ до станціи скакала,
Такъ что едва возница остановить могъ сани.
Лошадкамъ сѣна дали съ овсомъ, и, послѣ бани
Горячей, кони вмѣстѣ по-дружески ѣсть стали
И словно межъ собой они не враждовали.
Тутъ весь секретъ открылся. Такъ кони уродились:
При отдыхѣ ругались, а подъ кнутомъ мирились.

Хорекъ на выборахъ *).

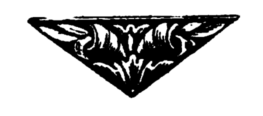
Тотчасъ послѣ пораженья
Межъ звѣрей пошло броженье;
Созванъ былъ совѣтъ, и скоро
На совѣтѣ вышла ссора.
Каждый хвасталъ, что ни слово,
Обвинялъ одинъ другаго.
Лишь хорекъ, какъ трусъ отпѣтый,
Былъ забытъ въ бесѣдѣ этой.
На совѣтѣ томъ военномъ
Гражданинъ-хорекъ не могъ быть важнымъ членомъ непремѣннымъ
И въ политикѣ къ тому же смыслилъ мало, но рѣшился
Молвить слово, и къ собранью съ рѣчью смѣлой обратился:
—«Предлагаю вамъ, граждане, я вопросъ для разрѣшенья:
Почему на полѣ битвы понесли мы пораженья?
Потому ли, что способныхъ полководцевъ не имѣемъ?
Нѣтъ! рутина насъ заѣла, въ предразсудкахъ мы коснѣемъ.

---

*) Слово Tchórz по-польски имѣетъ двойное значеніе. Такъ называется хорекъ, а также и *трусъ*. — На этомъ каламбурѣ основана вся басня.

Мы — правдивы въ этомъ будемъ —
Булаву вручаемъ людямъ
Далеко не по заслугамъ иль талантамъ. Это вѣрно.
Тѣхъ мы цѣнимъ за породу кровожадную безмѣрно,
За рога, за жиръ ихъ тѣла,
Словно въ этомъ все и дѣло.
Кто начальствуетъ надъ нами?—Присмотрѣться не хотите ль?
Левъ, нашъ презусъ, всѣхъ пороковъ старо-барскихъ представитель,
Зубръ совѣтникъ одряхлѣвшій и едва влачащій ноги..
А медвѣдь — что скажетъ войску въ дни борьбы, войны, тревоги?
Леопардъ полезенъ былъ-бы, если бъ былъ умнѣй, конечно
Волкъ-полковникъ тѣмъ лишь славенъ, что всѣхъ грабилъ безсердечно
И ведетъ процессъ съ ягненкомъ. О лисѣ же я ни слова:
Вѣдь она сама готова
Намъ признаться, что на взятки
Всѣ лисицы очень падки.
Относительно кабана помолчу я лучше тоже:
Жретъ онъ жолуди и только, цѣлый годъ въ трясинѣ лежа,
И ему трясина эта всякихъ славныхъ битвъ дороже,—
А оселъ всегда шутомъ былъ и теперь такимъ остался.» —
Весь совѣтъ единодушно этой рѣчью восхищался
И хорьку за краснорѣчье поручить хотѣлъ начальство

Надъ всѣмъ войскомъ, но съ измальства
Крайне робкій, въ перепугѣ и прислушиваясь къ крику
Восхваленій, нашъ ораторъ просто сбился съ панталыку
Перетрусилъ и замялся.
— «Ахъ, трусишка! Лучше въ норку убирайся! крикъ раздался.
Отъ норы хорекъ былъ близокъ и объ этомъ зналъ заранѣ
И среди насмѣшекъ, брани
Онъ юркнулъ въ нору и скрылся подъ землею очень скоро,
Гдѣ насмѣшливо замѣтилъ не безъ тайнаго укора:
—«Вотъ что значитъ предразсудки! Ими свѣтъ весь заразился:
Могъ бы быть я полководцемъ, если-бъ трусомъ не родился.»

Оселъ и собака.

Когда желаешь ты, чтобъ песъ тебя любилъ,
Люби собаку самъ, какъ Локманъ говорилъ.
Зналъ это и оселъ, хоть и привыкъ глумиться
И долженъ былъ за это поплатиться.
Какая съ нимъ стряслась бѣда —
Въ науку всѣмъ скотамъ я разсказать рѣшился.
Навьюченный, какъ водится всегда,
Оселъ тотъ за хозяиномъ тащился,
А сзади, наблюдая, чтобъ оселъ
Не растерялъ вьюковъ и попроворнѣй шелъ,
Собака, высунувъ языкъ, бѣжала.
Какъ добрый стражъ, она осла
Ни разу за ноги въ дорогѣ не хватала,
Но тѣшила его: то съ боку гарцовала,
То впередъ, хвостомъ виляя, шла.
И такъ они брели часа два, три спокойно;
Но солнце такъ сіяло знойно
Что наконецъ хозяинъ ихъ усталъ
И спать подъ деревомъ улегся.
Оселъ того, казалось, только ждалъ:
Сперва траву вблизи дороги пощипалъ,
Добрелъ и до межи и наконецъ увлекся,
Хвостомъ взмахнулъ
И быстро черезъ ровъ перепрыгнулъ.
Тогда предъ нимъ открылся лугъ зеленый,

Гдѣ не было колючекъ, всякой сорной
Травы, и только клеверъ росъ.
—«Вотъ это важно,—вкусно какъ овесъ!
А ты, хозяинъ, спи, спи, сдѣлай одолженье...»—
И наѣдаться сталъ оселъ до пресыщенья,
Такъ что у пса невольно аппетитъ
При этомъ разыгрался.
—«Мой осликъ», онъ сказалъ: «ты сытъ,
А я съ утра не ѣлъ, совсѣмъ проголодался.
Я знаю, у тебя въ вьюкахъ есть ветчина—
Нельзя-ли къ ней мнѣ приложиться?
Мы вотъ какъ сдѣлаемъ: прилягъ ты, старина,
Я жь встану на-дыбки.» —Оселъ не шевелится,
Какъ черствый эгоистъ, жуетъ себѣ да ѣстъ,
Ворчливо говоря: «Однако,
Какъ этотъ песъ всегда мнѣ надоѣстъ!
Пойди ты къ своему хозяину, собака:
Проснется и накормитъ онъ тебя».
И внѣ себя
Отъ гнѣва, что ему осмѣлились мѣшать,
Оселъ неистово траву сталъ пожирать,
Ее съ корнями даже вырывая
И челюстямъ своимъ работу задавая.
Вдругъ показался волкъ изъ-за куста
И броситься хотѣлъ на жаднаго скота.
— «Братъ, защити!»—Оселъ молилъ собаку.
— «Нѣтъ, я не братъ тебѣ, самъ выдержи съ нимъ
драку.
Когда хозяинъ твой проснется, можетъ быть,
Рѣшится онъ тебя спасти и защитить.»
Но волкъ задралъ осла тотчасъ-же, безъ опаски.
Здѣсь и конецъ всей сказкѣ.

Упрямая жена.

Теперь самоубійствъ такъ много, что патрули
Разставлены вдоль набережныхъ рѣкъ;
И если блѣднолицый человѣкъ,
Разстроенный по виду,—вы смѣкнули?—
Въ измятомъ платьѣ явится порой,
То думаютъ, что онъ намѣренъ утопиться.
Тогда патруль, желая отличиться,
Какъ истинный герой,
Прохожаго отъ гибели спасаетъ,
Иль иначе сказать, въ тюрьму препровождаетъ. —
По набережной Сены какъ-то разъ
Вверхъ по рѣкѣ бѣжалъ такой прохожій.
Жандармъ къ нему:» Спросить позвольте васъ,
Куда бѣжите вы?»—«О, Боже!
Жена моя рѣкой унесена:
Знать, утонула бѣдная она!»
—«Вы о гидравликѣ не слыхивали съ роду?
Изрекъ жандармъ:—зачѣмъ бѣжать впередъ?
Когда попало тѣло въ воду,
Тогда внизъ по рѣкѣ оно плыветъ.»
Но мужъ такое сдѣлалъ возраженье:
— «Наперекоръ всему и всѣмъ моя жена
Любила поступать, и есть соображенье,
Что и теперь плыветъ она
Не по теченію, а противу теченья.»

ОТДѢЛЪ I.

Гимнъ.

На день Благовѣщенія.

Чтимъ Дѣву мы святую —
Величья образецъ;
Въ звѣздахъ ея вѣнецъ
Іеговы одесную.

Сей день посвящаемъ, о Дѣва, тебѣ.
Блесни намъ во храмѣ, гдѣ, трепета полный,
Въ усердной, сердечной мольбѣ
Народъ предъ тобою склонился, безмолвный!
Сей голосъ Пророка: «звучитъ мой органъ,
Но пѣнье земное убого:
Для Божіей славы гласъ надобенъ Бога.
Блесни намъ во храмѣ сквозь дальній туманъ!
Воззри на насъ ангельскимъ окомъ!
Божественнымъ духомъ мой духъ воспали!
Да гимнъ мой несется надъ прахомъ земли
Небесъ громозвучнымъ потокомъ!

Содѣй, чтобъ могла моя слабая грудь
Тѣмъ труднымъ архангела гласомъ дохнуть,
Который въ день судный и мертвыхъ разбудитъ,—
Тѣмъ гласомъ, что вырветъ изъ мрачныхъ гробовъ

И встать къ новой жизни принудитъ
Пыль міра, ниспавшую въ бездну вѣковъ!
Пусть гимнъ мой промчится сквозь всю безконечность
Къ пролету сквозь адъ и сквозь звѣзды могучъ!
Да будетъ онъ столько живучъ,
Чтобъ могъ пережить онъ и самую вѣчность!

Какое свѣтило, мы видимъ, встаетъ?
То Дѣва идетъ на вершину Сіона,
Какъ всходитъ денница изъ лона
Морскихъ свѣтло-зѐркальныхъ водъ.
Какъ облако тѣмъ лишь бѣлѣй, что денница
Лучомъ золотымъ въ него бьетъ на-откосъ,
Такъ Дѣвы одежда бѣлѣйшею зрится
Подъ златомъ ея свѣтозарныхъ волосъ.
Іегова воззрѣлъ—и въ ней самъ отразился
И небо разверзлось. и голубь явился,
И бѣлыя крылья торжественно онъ
Простеръ, осѣняя Сіонъ, —
И перья тѣхъ крылій съ ихъ пухомъ сребристымъ
Нависли вѣнцомъ надъ челомъ Ея чистымъ.

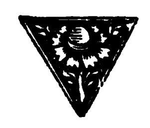
Молнія! Громы!
Шлетъ вѣсть
Неизрекомый:
Будь! Есть!
Сынъ отъ чрева
Самъ Господь.
Мать — Дѣва;
Богъ — плоть.

Къ Маріи Л.

(Въ день принятія ею св. причастія.)

Сегодня самъ Христосъ призвалъ тебя къ себѣ
И угостилъ тебя за трапезой своею —
И ангелъ не одинъ завидовалъ тебѣ!
Ты взоръ потупила—и я благоговѣю:
Лучами Божества горитъ и блещетъ онъ —
И я дрожу, твоимъ смиреньемъ поражонъ
Святымъ и скромнымъ. Мы пока еще... о Боже!
Безчувственно лежимъ и спимъ на грѣшномъ ложѣ—
Предъ Агнцемъ неба ты, колѣни преклоня,
Уже являешься, полна благоговѣньемъ,
И на уста твои, отверстыя моленьемъ,
Лучъ первый падаетъ зардѣвшагося дня.
Хранитель ангелъ твой съ зарей къ тебѣ слетаетъ,
И чистъ, какъ лунный свѣтъ, и тихъ, онъ раздви-
гаетъ
Завѣсу грезъ твоихъ, и понемногу онъ,
Весь полнъ заботливой и нѣжной благодати,
Склоняясь надъ тобой, твой утончаетъ сонъ:
Надъ колыбелью такъ ликъ матери склоненъ
Предъ пробужденіемъ любимаго дитяти; —
Когда-жь Хранителя огне-безсмертный взоръ
Ужь слишкомъ яркій блескъ на сонную простеръ

И на устахъ у ней улыбка слишкомъ живо
Играетъ—этотъ блескъ свой ангелъ торопливо
Умѣривъ, занавѣсь невинныхъ грезъ и сновъ
Слегка надъ спящею задергиваетъ вновь,
Лишь вздохъ ея беретъ съ собой и улетаетъ,
Но прежде, чѣмъ летѣть, онъ къ утру оставляетъ
Ей прелесть новую, какъ новенькій нарядъ,
Который милому ребенку коль дарятъ,
То сонному кладутъ тихонько къ изголовью;—
И та, что ангеломъ хранима, все милѣй,
Все лучше—съ каждымъ днемъ и взыскана любовью
Съ днемъ каждымъ большею отъ Бога и людей.
Я бъ отдалъ всѣ мои земныя наслажденья
За сонъ, гдѣ мнѣ твои дались бы сновидѣнья!

Ариманъ и Ормуздъ.

Изъ Зенд-авесты.

Безмѣрной пропасти по самой серединѣ,
Наигустѣйшей тьмы въ мрачнѣйшей сердцевинѣ
Гнѣздился Ариманъ, укрытъ тамъ, какъ злодѣй,
Какъ ярый левъ—свирѣпъ, и ядовитъ, какъ змѣй.
Однажды онъ возсталъ, и силы напрягая,
И грудью волны тьмы кромѣшной раздвигая,
По мраку, какъ паукъ по паутинѣ, онъ
Вскарабкался въ ту высь, гдѣ блещетъ Божій тронъ,
И тамъ, облокотясь надъ гранью дня и ночи,
Поднявши голову и кверху вскинувъ очи,
Увидѣлъ Ормузда: межъ тварей Богъ-творецъ,
Какъ солнце между звѣздъ, какъ межъ дѣтей отецъ,
Являлся тамъ въ своемъ верховномъ совершенствѣ;
Злой духъ тутъ пораженъ былъ мыслью о блаженствѣ —
О вѣчномъ счастіи,—и эта мысль одна,
Громадна какъ весь міръ, и тяжести полна,
Какъ грузъ вселенной всей, мгновенно въ это время

Съ такою силою ему сдавила темя,
Что вновь онъ головой поникнулъ, ослабѣлъ.
И опустился вновь, и сызнова засѣлъ
Безмѣрной пропасти по самой серединѣ,
Наигустѣйшей тьмы въ мрачнѣйшей сердцевинѣ.

Разумъ и Вѣра.

Склонилось лишь мое надменное чело
Передъ Создателемъ, какъ туча предъ десницей—
Богъ въ небо взнесъ его всевластною денницей,
И стало тамъ оно, какъ радуга, свѣтло, —

И будетъ тамъ свѣтлѣть, путь указуя къ Вѣрѣ,—
И если-бъ гнѣвный вновь разверзся небосклонъ
И убоялся-бъ мой народъ потопа—онъ
Увидитъ радугу и вспомнитъ о примѣрѣ.

Смиренье, Господи, возвысило меня:
Но какъ-бы въ небесахъ я ни мерцалъ высоко —
Въ моемъ мерцанiи пусть видитъ смертныхъ око
Лишь отблескъ твоего безмѣрнаго огня!

Средь человѣческой кипучей пестрой сферы
Являлись розно мнѣ: тамъ—мнѣнье, тамъ языкъ;
Предъ окомъ разума кругъ мутенъ и великъ,
Но малъ и ясенъ онъ—передъ очами вѣры.

И васъ я изучалъ, земные мудрецы:
Какъ прахъ, васъ гонитъ вихрь; воззрѣнья ваши —
узки
Изъ раковинъ своихъ вы можете ль, моллюски,

Міръ Божій оглянутъ во всѣ его концы?

«Необходимость—вотъ одинъ законъ могучій»
Твердятъ одни; «во всемъ владычествуетъ онъ,
Какъ мѣсяцъ нá морѣ.»—«Что это за законъ?»
Другіе говорятъ:—«людьми играетъ случай,

Какъ вѣтеръ пылью.»—Нѣтъ! Есть Богъ, что, сотворивъ
Весь міръ, перехватилъ всю землю Океаномъ
И тутъ же завѣщалъ утесамъ-великанамъ
Дробить его валы и сдерживать порывъ; —

И бурный Океанъ съ земнаго дна не встанетъ,
Онъ, вѣчно движимый, въ своемъ движеньѣ сжатъ:
Чѣмъ выше шагъ впередъ, тѣмъ глубже шагъ назадъ,
Онъ вѣчно прядаетъ, но въ небо онъ не прянетъ;

А свѣта яркій лучъ, что солнцемъ низведенъ,
Играетъ на волнахъ, но, въ нихъ не погружаясь,
И въ видѣ радуги картинно отражаясь,
Восходитъ къ небесамъ, откуда вышелъ онъ.

Умъ человѣческій! Тебѣ ль съ Творцомъ тягаться?
Ты въ длани Божества имѣешь капли видъ.
Безмѣрнымъ пусть тебя міръ океаномъ чтитъ
И мыслитъ къ небесамъ волной твоей подняться!

Напрасно!... Кажется, ужь горизонтъ въ рукахъ,
Пловецъ подъ парусомъ челнокъ свой дальше двинулъ,

Что-жь? Землю потерялъ, а неба не достигнулъ
И не приблизился къ нему онъ ни на шагъ.

Привставъ ты клонишься; бурлишь по произволу;
Блестишь и тьмишься ты,—вдругъ ясный Божій
лучъ
Ты кроешь саваномъ тяжелыхъ, сѣрыхъ тучъ
И— градомъ падаешь; а все-же здѣсь ты—долу,—

Межъ тѣмъ, какъ вѣры свѣтъ, слетая съ высоты,
Способенъ растопить льдяныя града зерна
И воды озарить спокойно, благотворно....
Ахъ, разумъ, былъ ли бы безъ вѣры видимъ ты?

Верховный Художникъ.

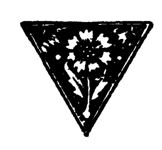
Великій есть артистъ: Онъ, въ качествѣ пѣвца,
Составилъ хоръ духовъ, настроилъ всѣ сердца,
Стихіи самыя всѣ натянулъ, какъ струны,
И проводя по нимъ и вихри, и перуны,
Одну и ту же пѣснь отъ вѣчности поетъ, —
А міръ все слушаетъ, и что въ ней—не пойметъ.

Художникъ тотъ огнемъ писалъ на сводѣ звѣзд-
номъ,
И сводъ тотъ отражать велѣлъ пучинамъ, безд-
намъ;
Колоссовъ типы Онъ на высяхъ горъ ваялъ
И изъ металловъ ихъ подземныхъ отливалъ,—
А міръ, средь чудныхъ дѣлъ и предъ такой кар-
тиной,
Доселъ не могъ постичь въ нихъ мысли ни единой.

Витія мощный тотъ не тратилъ лишнихъ словъ:
Онъ вкратцѣ возвѣстилъ Зиждителя міровъ;
Всю книгу чувствъ и думъ своихъ предъ дальнимъ
людомъ
Своею изъяснилъ Онъ жизнью, дѣломъ, чудомъ;

Онъ слишкомъ для людей великъ,—и что-жь? Глядятъ
Они съ презрѣніемъ: «что?»—думаютъ—«собратъ!»

А ты, земной артистъ!... Что всѣ твои творенья,
Картины, мраморы, глаголы, пѣснопѣнья?
И жалуешься ты, что дольняя толпа
Для пониманья чувствъ и дѣлъ твоихъ тупа!
Взгляни на Вышняго, и, Божій сынъ, съ судьбою
Мирись, неузнанный иль прéзрѣнный толпою!

Мудрецы.

Спятъ мудрецы. Въ упоеньѣ гордыни холодной
Только уснули—вдругъ будитъ ихъ говоръ народ-
ный,
Будто бы Богъ воплотился и по свѣту ходитъ,
Будто о небѣ съ людьми Онъ бесѣды заводитъ.
«Дерзкій! Убьемъ Его! Онъ—возмутитель,»—вскри-
чали:
«Ночью убьемъ, чтобъ народа толпы не мѣшали.»

Вотъ мудрецы при свѣтильникахъ ночью вскочили,
И на лже-мудрственныхъ книгахъ умы изощрили—
Разумы крѣпкіе, словно мечи изъ булата;
Съ ними слѣпая ватага ихъ школы подъята:
Бога ловить понеслись; въ ополченьѣ на Бога
Вождь ихъ—предатель; пряма, но ужасна дорога.
«Ты-ль здѣсь?» На Сына Маріи они закричали
«Я»—Онъ спокойно вѣщалъ: мудрецы блѣдны стали,
«Ты-ль это?»—«Я»,—и наемники вмигъ удалились,
Въ трепетъ пришли мудрецы и во прахъ прекло-
нились;
Видятъ, что Богъ не караетъ, а только стращаетъ,
Встали; преступную ярость испугъ поощряетъ.

Съ Бога сорвали покровъ, и сверкая очами,
Тѣло его поражали кощунства бичами,
Копьями разума Божіе сердце пронзали;
Онъ же молился за нихъ,—и когда низлагали
Гордость въ могилу его—вышелъ исполненный силы
Онъ изъ души мудрецовъ, полной тьмою могилы.

Злость мудрецовъ при такомъ погребеніи Бога
Пиръ свой свершила. Въ природѣ возникла тревога!
Міръ задрожалъ, но сводъ неба спокоенъ остался:
Люди! Богъ живъ — Онъ въ душѣ мудрецовъ лишь скончался.

Полуночная бесѣда.

Съ Тобой бесѣдую. Не словъ, но мыслей звуки
Прими, о Царь небесъ, и гость моей души!
Съ Тобой бесѣдую въ полуночной тиши,
Когда не спятъ однѣ отчаянныя муки.
Нѣмѣю предъ Тобой, не имутъ словъ уста.
Вдали—Ты властвуешь, Твоей все служитъ волѣ;
Вблизи—Ты служишь самъ; Ты въ небѣ—на престолѣ,
А въ сердцѣ у меня—Ты подъ гвоздемъ креста.

И отъ меня къ Тебѣ—свѣтилу—солнцу—мчится,
Какъ лучъ Твой, каждая изъ добрыхъ, чистыхъ думъ,
И возвратясь ко мнѣ, мой озлащаетъ умъ:
Лучъ посланъ; лучъ блеснетъ и блескомъ отразится.
Мой каждый шагъ къ добру, о горній Властелинъ,
Твой украшаетъ тронъ—и нѣтъ наградамъ мѣры.
Какъ Ты на небесахъ пусть такъ дарами вѣры
Сіяетъ на землѣ твой рабъ, твой бѣдный сынъ!

Ты—Царь мой; Ты же мой и подданный гонимый
Грѣшу ль я мыслію: мысль эта есть копье,

Которымъ тѣло вновь пронзается Твое.
Грѣшу ль желаніемъ: то—оцетъ, подносимый
Къ святымъ Твоимъ устамъ. Тебя терзала я,
И въ гробъ тебя пока не вгонитъ злость моя,
Какъ рабъ, котораго властитель лютый губитъ,
Ты терпишь: пусть же самъ сей злобный господинъ
Несетъ, какъ Ты, свой крестъ, и мучится и любитъ
На этомъ свѣтѣ—онъ мучитель Твой и сынъ!

Съ заразою въ душѣ я къ ближнимъ обратился
И всѣ сомнѣнья имъ тревожныя открылъ:
Недобрый человѣкъ съ презрѣньемъ отскочилъ,
А добрый сжалился, но все жь отворотился.
Цѣлитель неземной! Съ надзвѣздной высоты
На язвы тѣ глядишь безъ отвращенья ты.

Гдѣ изъ души моей, среди глухихъ собратій
Я могъ извлечь лишь стонъ, который межъ клятій
Такъ звученъ въ адской тьмѣ и тихъ во мглѣ земной,
Глубокій, тяжкій стонъ—стонъ совѣсти больной,—
Ты, грозный Судія, животворящимъ духомъ
На совѣсть мнѣ дохнувъ, внималъ мнѣ чуткимъ слухомъ.

Когда спокойнымъ я земной толпѣ кажусь,
Съ душевной бурею я предъ людьми таюсь;
Подъ мглою гордости, чтобъ не разить ихъ очи,
Я прячу пламя стрѣлъ, рождаемыхъ грозой:
На лоно лишь Твое, Отецъ, средь тихой ночи,
Истаявъ, эта мгла вдругъ падаетъ—слезой.

Видѣніе.

Ударилъ громъ — и вдругъ мое все тѣло,
Какъ тотъ цвѣтокъ, что округленный видъ
Имѣя, весь изъ пуху состоитъ, —
Архангелъ лишь дохнулъ — взвилось, взлетѣло,
Зерно души осталось лишь, и мнѣ
Сдавалось, что въ мучительнѣйшемъ снѣ
Лежалъ я долго; — пробужденъ, взираю
И потъ съ чела въ просонкахъ отираю:
То отиралъ я прошлые мои
Грѣхи съ себя, что въ видѣ чешуи,
Объемлющей стволъ дерева, висѣли
Вокругъ меня. Тутъ цѣлый міръ земной
И небеса, гдѣ прежде всюду тайны
Являлись, да загадки предо мной,
Вводившія въ круженья разумъ мой —
Все озарилъ мнѣ свѣтъ необычайный;
Мой взоръ пронзалъ пучину естества
До дна ея, какъ солнца лучъ пронзаетъ
Глубь водную: я зрѣлъ, какъ истекаетъ
Безмѣрный океанъ изъ Божества,
Весь полный блеска, благости, — и въ этомъ
Я океанѣ, воленъ и могучъ,
Въ лучахъ Творца самъ могъ летать, какъ лучъ,
И видя все, зѣницей быть и свѣтомъ; —

И въ первомъ же я блескѣ разлился
По всей природѣ, и природа вся
Была насквозь прочувствована мною
Въ единый мигъ; — я центромъ былъ лучей,
Которые раскидывалъ я въ ней;
Казалось, сталъ я осью міровою —
И вкругъ меня міры, планеты всѣ
Вращались въ безконечномъ колесѣ,
И будучи въ недвижномъ положеньѣ
Самъ, только ихъ я чувствовалъ движенье; —
Былъ всѣхъ стихій въ зародышѣ я тутъ —
Въ мѣстахъ, отколѣ духи тѣ идутъ,
Что весь кругомъ, объятый небесами,
Свѣтъ двигаютъ, а неподвижны сами:
Такъ солнце сѣетъ изъ себя лучи,
Которые свѣтлы и горячи,
И зрѣть даетъ, что зрѣнью уловимо,
А само въ существѣ своемъ незримо: —
И былъ я вѣковаго колеса
На ободѣ, растянутомъ въ эѳирѣ:
Тотъ ободъ, огибая небеса,
Все раздается далѣе, все шире
До безконечности — во всѣ края,
Но не объемлетъ Бога. Тутъ моя
Душа, тотъ кругъ безмѣрный наполняя,
Увидѣла, что вѣчность всю должна
Пылать, свой пылъ и пламя умножая,
Что будетъ безъ конца горѣть она,
И, ширясь, развиваться въ томъ горѣньѣ,
Свѣтлѣть, яснѣть, творить, и сверхъ того
Расти въ любви, любя свое творенье
И — близить часъ спасенья своего.

Я, сквозь тѣла людскія проникая
И ни въ одномъ изъ нихъ не отдыхая,
Все видѣлъ въ нихъ, все чуялъ, осязалъ, —
Въ нихъ — чистъ — входилъ, и — чистъ — ихъ оставлялъ.

Порой водѣ глубокой и волнистой
Я объяснялъ, лучъ солнца золотистый
Отколь идетъ, раждается онъ гдѣ, —
А солнцу — то, что дѣется въ водѣ.
Ощупывалъ съ лица я и съ изнанки
Сердца людскія; въ черепы людей
Заглядывалъ я, какъ алхимикъ въ склянки —
И видѣлъ всѣ оттѣнки ихъ страстей,
Желаній, мыслей; видѣлъ, гдѣ коварство
Готовитъ втайнѣ свой смертельный ядъ,
И гдѣ творится доброе лѣкарство; —
И зрѣлъ я, Духи какъ кругомъ стоятъ
И черные и бѣлые; тѣ — злые
Душъ недруги, а эти — ихъ друзья,
Хранители ихъ, ангелы благіе;
Тѣ духи надъ пучиной бытія
Своими машутъ вѣчными крылами,
Смягчая жаръ иль раздувая пламя,
Смѣясь или рыдая; — въ вѣковыхъ
Кругахъ тѣ Духи, злы иль благотворны,
Всегда тому угодливо-покорны,
Кого они въ объятіяхъ своихъ
Сжимаютъ. Такъ услужливая няня
Ребенка пѣстуетъ, и если онъ

Ея руководжденью поручонъ
Отцомъ богатымъ при великомъ санѣ,
Покорно волю чтитъ птенца того —
Къ добру иль къ злу ведетъ она его.

. . . .

. . . .

(Не конченное, взято изъ рукописи).

Богдану Залѣскому.

Соловко мой! лети и пой!
На разставаньѣ сладко пой
Былымъ слезамъ, свершеннымъ снамъ.
И пѣснѣ, конченной тобой!

Соловко мой! смѣни перо,
Сокольи крылья припаси,
И златострунныя въ когтяхъ
Давида гусли къ намъ неси!

Гласъ прозвучалъ, и жребій палъ
И бремя сокровенныхъ лѣтъ
Дало ужь плодъ! насъ чудо ждетъ!
Теперь возрадуется свѣтъ!

ОТДѢЛЪ II.

Ода къ молодежи.

Безъ духа, безъ сердецъ,—то остовы людскіе
О юность, крылья мнѣ подай!
Да возлечу надъ мертвымъ міромъ въ рай,
Гдѣ сны фантазіи живые,
Гдѣ чудеса восторгъ творитъ,
Гдѣ новизны цвѣты онъ разсыпаетъ,
И въ образъ золотой надежду облекаетъ!...

Пусть тотъ, кого ужь возрастъ тяготитъ,
Клоня къ землѣ чело, изрытое годами,
Такой кругъ міра только зритъ,
Какой обводитъ онъ потухшими глазами;

Надъ доломъ, юность, возлетай!
Пусть все доступно будетъ взгляду,
И окомъ солнца проникай
Всю человѣчества громаду!

Внизъ погляди! окутанъ вѣчной мглой,
Міръ, пошлости затопленный въ пучинѣ:
Земля то предъ тобой!...
Смотри! на мертвой водъ равнинѣ
Тамъ въ скорлупѣ какой-то выплылъ гадъ.

Пловецъ, корабль и руль—онъ полный самъ снарядъ;
Мельчайшихъ гадовъ онъ преслѣдовать пустился;
То вверхъ всплыветъ, то сгинетъ въ глубинѣ,
Не льнетъ къ нему волна, и онъ не льнетъ къ
волнѣ,
И вотъ о край скалы онъ, какъ пузырь, разбился!..
Какъ жилъ и какъ погибъ, до свѣта не дойдетъ:
То себялюбцевъ родъ!

О юность! лишь тогда твой нектаръ жизни въ
сладость,
Когда могу его съ другими я дѣлить:
Небесныя сердца тогда вкушаютъ радость,
Когда соединитъ ихъ золотая нить.

Друзья, сплотимся въ общемъ дѣлѣ!
Въ взаимномъ счастьѣ наши цѣли,
Единствомъ сильны мы, умны, когда кипимъ.
Друзья, сплотимся въ общемъ дѣлѣ!..
Счастливъ, кто тѣломъ легъ своимъ,
Судьбой преслѣдуемъ неправой,
Воздвигъ ступень ко граду славы
Великодушно онъ другимъ.
Друзья, сплотимся въ общемъ дѣлѣ!
Хотя и крутъ, и скользокъ путь,
Вражда и слабый духъ взбираться намъ мѣшаетъ;
Пусть сила силу отражаетъ,
А бодрый духъ должна намъ молодость вдохнуть!

Кто гидры снесъ главу дитятей въ колыбели,
Тотъ юношей сотретъ кентавровъ родъ,
Спасая жертвы тотъ въ аду, достигнетъ цѣли,

За лаврами до неба досягнетъ.
Такъ досягай, куда и взоръ не досягаетъ!
Ломай, чего разсудку не сломать!
О юность, мощь въ тебѣ орлиная летать,
Какъ молнія, твоя десница сокрушаетъ!

Ну, руку въ руку! Шаръ земной
Мы цѣпью обовьемъ живой!
Направимъ къ одному всѣ мысли и желанья,
Туда всѣ души напряжемъ!...
Міръ съ своего содвинься основанья,
На новые пути тебя мы поведемъ,
И плѣсень снявъ съ себя, во всей красѣ природы
Зеленые ты вспомнишь годы.

Какъ тамъ, гдѣ ночь и гдѣ хаосъ,
Стихій смятенныхъ въ колебаньѣ,
Лишь Богъ «да будетъ» произнесъ,
Міръ утвердился въ основаньѣ,
Бушуетъ вѣтръ, течетъ глубь водъ,
И въ блескѣ звѣздъ лазурный сводъ:

Такъ человѣчество мракъ ночи обнимаетъ...
Еще кипитъ борьба стихійная страстей;
Но молодость огнемъ пылаетъ:
Міръ духа выступитъ изъ сумрачныхъ тѣней!
Любви онъ въ лонѣ зародится,
А дружбою связь вѣчная скрѣпится.

Льды неподвижные сойдутъ. И сгинетъ слѣдъ
Предубѣжденій, тмящихъ свѣтъ...
Привѣтъ тебѣ, заря освобожденья,
Во слѣдъ тебѣ и солнце избавленья!

Пѣсня филаретовъ *).

Друзья, гдѣ юность наша?
Живемъ мы только разъ:
Вѣдь золотая чаша
Не даромъ манитъ насъ.

Пускай въ часы бездѣлья
Кругомъ пойдетъ она;
Предвѣстницу веселья
Хватай и пей до дна.

Гость пришлый — гость постылый:
Свой польскій медъ мы пьемъ
И пѣсни Польши милой
Охотнѣе поемъ.

Учились мы, признаться,
Не для того чтобъ гнить,
Но какъ римляне драться,
Какъ греки пѣть и пить.

---

*) *Филареты*, или любители «добродѣтели», общество студентовъ виленскаго университета, имѣвшее цѣлью строгою жизнью воспитать въ своей средѣ людей, способныхъ пользоваться

Вонъ тамъ сидятъ хористы...
Законникъ! у стола
Сегодня веселись ты,
А завтра—за дѣла.

Блескъ золота литаго
Толпу пьянитъ давно,
А мы изъ золотаго
Бокала пьемъ вино.

Мы не придемъ къ свободѣ
Путемъ красивыхъ фразъ;
Всѣ рѣчи въ этомъ родѣ —
Молчите!—сгубятъ насъ.

Тотъ—химикъ и все знаетъ,—
Ему-ль въ ошибку впасть?—
Другой же извлекаетъ
Съ губъ женскихъ жизни сласть

Проникнувъ въ глубь вселенной,
Познавъ пути планетъ,
Бездомный и смиренный,
Былъ бѣденъ Архимедъ.

Ньютонъ, который знаетъ
Движеніе міровъ,
Пусть братьевъ сосчитаетъ,
Забывъ небесный кровъ.

Прочь циркуль, и отдайте
Вѣсы, аршинъ—другимъ,

Но силы измѣряйте
Стремленіемъ благимъ.

Гдѣ есть въ сердцахъ отвага,
Гдѣ циркуль—мысль, масштабъ—
Общественное благо,
Тамъ человѣкъ не слабъ.

Друзья, гдѣ-жь юность наша?
Живемъ мы только разъ...
Берите— вотъ вамъ чаша...
Бѣжитъ за часомъ часъ,

Кровь стынетъ... Безполезно
На свѣтѣ жить тогда
И вѣчность насъ, какъ бездна,
Поглотитъ безъ слѣда.

Тосты.

Что бъ было—я спрошу открыто —
Безъ свѣта въ вѣчной тьмѣ ночей,
Безъ теплоты и безъ магнита,
Безъ электрическихъ лучей?

Что́ бъ было?—Хаосъ, безъ сомнѣнья,
Тьма, холодъ, вѣчной смерти слѣдъ...
Восхвалимъ солнца порожденье:
Да здравствуетъ лучистый свѣтъ!

Но если цѣлая планета
Окоченѣла безъ тепла,
Что значитъ лучъ холодный свѣта?
О, теплота, тебѣ хвала!

Но вѣтеръ теплоту развѣетъ
И снова воздухъ охладитъ;
Межъ тѣмъ къ магниту тяготѣетъ
Игла... Да здравствуетъ магнитъ!

Когда жъ въ кружкѣ сидѣть мы станемъ
Собравшись завтра, какъ вчера,
Какъ банка лейденская грянемъ
Въ честь электричества—ура!

Чины.

(На мотивъ Беранже.)

Свой усъ закрутите,
Друзья, и пляшите,
Какъ предки веселые наши.
Враговъ въ полѣ бейте
И дружески пейте...
Въ честь предковъ осушимъ мы чаши.

Когда полякъ чинами соблазнится,
То лѣзетъ, словно въ банѣ на полокъ,
Все выше, чтобъ креста скорѣй добиться,
И спину гнетъ,—но все пойдетъ не въ прокъ!
И не поможетъ униженье,
Когда онъ совѣсть продаетъ:
Тогда, безъ всякаго сомнѣнья,
Самъ шею онъ себѣ свернетъ.

Забудь же о чинѣ,
По этой причинѣ,
Какъ предки веселые наши...
Пей, шляхтичъ, и въ горѣ,
Пляши на просторѣ...
Въ честь предковъ осушимъ мы чаши.

Вотъ астрономъ, что звѣзды все хватаетъ,
Повѣсивъ ихъ на грудь и на животъ.
Для орденовъ онъ все позабываетъ
И въ нихъ, блестя, является въ народъ.
Но не замедлитъ смерть явиться
Съ крестомъ тяжелыхъ адскихъ мукъ...
Креста такого не боится
Самъ дьяволъ, всѣхъ пороковъ другъ.

Свой усъ закрутите,
Друзья, и пляшите,
Какъ предки веселые наши...
Не думай о чинѣ
Ты, шляхтичъ, въ кручинѣ...
Въ честь предковъ осушимъ мы чаши!

Смерть полковника.

Передъ хатою въ пущѣ стояли
Егеря въ самомъ строгомъ порядкѣ,
Часовые же входъ охраняли:
Умиралъ ихъ полковникъ въ той хаткѣ.
Изъ селеній крестьяне сбѣгались:
Вождь извѣстенъ былъ сельскому люду,
О здоровьѣ его всѣ справлялись.
И простой народъ плакалъ повсюду.

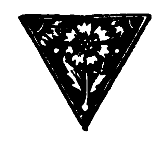
Приказавши коня боеваго
Осѣдлать, жизни чуя утрату,.
Вождь хотѣлъ увидать его снова
И велѣлъ привести къ себѣ въ хату.
Также саблю, мундиръ свой стрѣлковый
Онъ потрсбовалъ. Что ни случится,
Онъ хотѣлъ, какъ Чарнецкій суровый,
Предъ кончиною съ ними проститься.

Только конь уведенъ былъ изъ хаты,
Ксендзъ съ святыми дарами явился;
Поблѣднѣли отъ горя солдаты,
А народъ на колѣняхъ молился.
Даже старые воины края,
Что съ Костюшкой дѣлили всѣ битвы,

Вмѣсто слезъ только кровь проливая,
Въ хатѣ, плача, творили молитвы.

На зарѣ звонъ въ часовнѣ раздался,
Но солдаты давно уже скрылись,
А въ окрестностяхъ врагъ показался...
Вкругъ покойника люди толпились.
Распростертъ на скамьѣ трупъ холодный,
Крестъ недвижныя руки сжимали,
Въ изголовьѣ сѣдло, плащъ походный,
Съ боку мечъ и двустволка лежали.

Но по-женски красивъ отчего же
Этотъ воинъ почившій?.. О, Боже,
Что за грудь!.. Ахъ, сомнѣній нѣтъ больше:
Хорошо всѣмъ извѣстная въ Польшѣ,
Это дѣва, герой-агитаторъ,
Вождь повстанцевъ—Эмилія Платэръ.

Пѣсня солдата.

Дай, сосѣдъ, мнѣ, ради Бога,
Новый уголъ: здѣсь не спится:
Изъ окна видна дорога,
Гдѣ нерѣдко почта мчится;

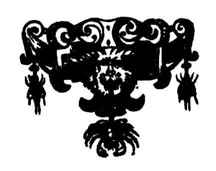
И едва рогъ почтальона
Въ ночь услышу — сердце бьется:
Что трубятъ, для эскадрона
«На коней!» мнѣ все сдается.

Снятся кони мнѣ и пики,
Дымъ костровъ, смѣхъ, шумъ, движенье,
Часовыхъ полночныхъ крики
И солдатъ веселыхъ пѣнье.

Просыпаюсь, и капрала
Слышу голосъ: «Ну, лѣнивый,
Поднимайся! Спалъ не мало, —
Бить враговъ пойдемъ, служивый.»

Но — чужбина вкругъ.... Признаться,
Что̀ намъ въ этой мирной жизни!
Лучше намъ въ грязи валяться,
Голодать, лишь бы въ отчизнѣ.

Тамъ, когда бы ночь настала,
Я-бъ не думалъ спать ложиться,
Чтобъ услышать зовъ капрала:
«Эй, идемъ съ врагами биться...»

ОТДѢЛЪ III.

Фарисъ.

(Кассида, написанная въ честь Эмира Тадж-уль-Фехра) [1]).

Какъ легкая ладья, прибрежье оставляя,
Вновь рѣзво прядаетъ въ лазури водяной,
И лоно веслами морское обнимая,
Лебяжью взноситъ грудь надъ пѣнистой волной,—
Наѣздникъ такъ, Арабъ, стремглавъ съ утеса гонитъ
Коня въ пустынную, невѣдомую даль;
Копыто конское въ пескѣ текучемъ тонетъ
Съ шипѣньемъ, какъ въ водѣ расплавленная сталь.

И — вотъ плыветъ мой конь среди сухаго моря,
Дельфина персями съ волной сыпучей споря.

Шибче! Шибче! Онъ скользитъ,
До песку едва касаясь.
Дальше! Дальше! Поднимаясь
Съ вихремъ пыли, онъ летитъ.

Онъ чоренъ, вороной, какъ туча громовая;
Звѣзда на лбу его горитъ, какъ лучъ дневной; —
Какъ перья страуса—онъ, гриву развѣвая
Молніеносныхъ ногъ сверкаетъ бѣлизной.

Конь — огонь; мелькаютъ ноги.
Лѣсъ и горы! Прочь съ дороги!

Тщетно пальма—тѣнь и плодъ
Предлагаетъ мнѣ кивая:
Лоно пальмы разрывая,
Мчится бурный конь впередъ.
Стыдно пальмѣ: вотъ—укрылась
Въ свой оазисъ, притаилась,
И въ дали изподтишка
Водитъ шопотно листами,
Насмѣхаясь надъ мечтами
И отвагой ѣздока.

А тамъ, скосясь, границъ пустыни часовые—
Глядятъ на всадника утесы вѣковые,
И эхомъ отразивъ гремучій бѣгъ коня,
Я слышу—говорятъ съ угрозой про меня:

«Сумасбродъ! Куда онъ мчится?
Тамъ, куда онъ полетѣлъ,
Головѣ его не скрыться
Отъ палящихъ солнца стрѣлъ
Ни подъ сочныхъ пальмъ листами,
Ни подъ бѣлыми шатрами:
Тамъ кругомъ одинъ навѣсъ—
Раскаленный сводъ небесъ.
Только скалы тамъ ночуютъ;
Только звѣзды тамъ кочуютъ.»

Давъ ударъ коню, впередъ
Я усилилъ свой полетъ.

Нѣтъ препонъ; угрозы тщетны.
Оглянулся: гдѣ-жь они—
Тѣ утесы? Чуть замѣтны
Гдѣ-то тамъ —въ дали, въ тѣни, —
И гиганты, полу-кругомъ
Предстоявшіе мнѣ — тутъ,
Вижу, кроясь другъ за другомъ,
Длиннымъ рядомъ вспять бѣгутъ.

А коршунъ, слыша тѣ угрозы, былъ увѣренъ,
Что бедуина въ плѣнъ онъ можетъ взять—и вдругъ
Въ погоню ринулся, схватить меня намѣренъ,
И трижды надо мной онъ вывелъ черный кругъ.

«Чую — крикнулъ онъ — поживу.
Не бывать безумцу живу!
Трупомъ пахнетъ,—будетъ трупъ.
Конь тотъ глупъ и всадникъ глупъ.
По пескамъ ѣздокъ здѣсь рыщетъ,
На пескахъ дороги ищетъ;
На песчаномъ конь пути
Хочетъ пастбище найти;
Но безплодна силъ ихъ трата:
Здѣсь заѣзжимъ нѣтъ возврата.
Вѣтеръ духъ летучій свой,
Коль порой сюда заброситъ;
То мгновенно за собой
И слѣды свои уноситъ.
Нѣту корма тутъ конямъ;
Здѣсь лишь пастбище — змѣямъ.
Только трупы здѣсь ночуютъ,
Здѣсь лишь коршуны кочуютъ.»

И когти коршуна въ глаза мнѣ развернулись
И трижды съ глазу-въ-глазъ мы съ нимъ переглянулись, —
И кто-же уступилъ? Онъ—коршунъ—отлетѣлъ.
Я мѣткою стрѣлой казнить его хотѣлъ,
Но—глядь: ужь онъ виситъ на вѣтрѣ—тамъ—высоко;
Одно лишь пятнышко усматриваетъ око,
И — меньше, меньше все.... Вотъ — точка чуть видна —
И въ небѣ наконецъ истаяла она.

Конь—огонь; мелькаютъ ноги.
Скалы, птицы! Прочь съ дороги!

Тутъ изъ-подъ солнца вдругъ, какъ лебедь, по лазури
Всплываетъ облако,—летитъ на крыльяхъ бури,
И также хочетъ тамъ промчаться въ небесахъ,
Какъ мчусь я по землѣ, въ пустынѣ, на пескахъ,
И надъ челомъ моимъ расширясь и нависнувъ,
Грозитъ мнѣ, заодно со свистомъ вѣтра свиснувъ:

«О безумецъ! Мчаться радъ
Самъ—куда—не разумѣетъ;
Тамъ отъ жажды грудь истлѣетъ
И уста перегорятъ.
Влаги капли тамъ единой
Изъ скупыхъ не брызнетъ тучъ
На чело, гдѣ прахъ пустынный
Ляжетъ слоемъ, сухъ и жгучъ.
Тамъ серебрянаго слова

Не проронитъ водный токъ.
Блескомъ утра золотаго
Зарумяненный востокъ
Тамъ на жалкую былинку
Чуть лишь слезку опустилъ—
Тощій вѣтеръ ту слезинку
Ужь укралъ и проглотилъ.»

Угрозы ни къ чему. Я мчусь еще быстрѣе;
Полетъ-же облака все ниже, все слабѣе,
И позади меня на вѣковой утесъ
Оно, усталое, поникнувъ, оперлось.
Я кинулъ взоръ назадъ; ищу его глазами:
Тамъ — цѣлый сводъ небесъ лежалъ ужь между нами,
Но мнѣ изобличалъ видъ облака того,
Что въ сердцѣ дѣлалось при этомъ у него;
И видѣлъ я сперва, какъ ликъ его краснѣетъ
Отъ злости,—какъ потомъ отъ зависти въ тотъ ликъ
Цвѣтъ жолчи, быстро въ немъ разлившейся, проникъ,
А тамъ и все оно, гляжу, какъ трупъ чернѣетъ,
И, наконецъ, упавъ на скаты темныхъ горъ,
Межъ ними кроется, чтобъ спрятать свой позоръ.

Конь—огонь; мелькаютъ ноги.
Птицы! Тучи! Прочь съ дороги!

Осмотрѣлся я кругомъ,
Какъ въ пространствѣ міровомъ

Смотритъ солнце, озираясь;
Вижу — нѣтъ уже гонцовъ
Кто-бъ, со мною состязаясь,
Былъ на споръ еще готовъ, —
На землѣ нѣтъ, въ дольнемъ мірѣ, —
Нѣтъ и въ небѣ, нѣтъ въ эѳирѣ.
Здѣсь въ теченіе вѣковъ
Вся природа сонъ вкушаетъ;
Спать ей шорохъ не мѣшаетъ
Человѣческихъ шаговъ.
И стихіи міровыя,
Неподвижныя, нѣмыя,
Вѣчно дремлютъ здѣсь въ тиши,
И мое къ нимъ приближенье
Не приводитъ ихъ въ движенье:
Такъ животныя въ глуши,
Невидавшія отъ вѣка
Даже тѣни человѣка,
Если вдругъ случайно тутъ
Встрѣтятъ образъ человѣчій,
То сначала, съ первой встрѣчи,
Прочь въ испугѣ не бѣгутъ.

Нѣтъ! Я не первый здѣсь: пески тутъ кѣмъ-то взрыты.
Вотъ рвы и насыпи! За ними, мнится, скрыты
Въ засадѣ хищники.... они добычи ждутъ....
Смотрю: и всадники, и кони видны тутъ,
Ужасной бѣлизной и тлѣніемъ одѣты.
Я къ нимъ: недвижимы.... Зову: молчатъ.... Скелеты
И трупы лишь одни!—Здѣсь выгребъ ураганъ

Засыпанный пескомъ когда-то караванъ.
Вотъ смѣшанныхъ костей бѣлѣющая груда!
Вотъ остовъ ѣздока на остовѣ верблюда
Сидитъ, и по его ланитѣ костяной
Изъ впадинъ, гдѣ глаза горѣли яркимъ взоромъ,
Бѣжитъ сухой песокъ сыпучею струей
И глухо шепчетъ мнѣ съ зловѣщимъ онъ укоромъ:

«Сумасшедшій бедуинъ!
Ты куда летишь одинъ?
Видишь — кости каравановъ?
Здѣсь — владѣнье ураганов'ъ!
Мощный вихрь тебя убьетъ.» —
Не страшусь: лечу впередъ.

Конь—огонь; мелькаютъ ноги.
Трупы! Вихри! Прочь съ дороги!

Вдругъ главный, вижу я, крушитель этихъ странъ
Грозитъ мнѣ гибелью — строптивый ураганъ.
Уединенный онъ среди песковъ носился,
Но, издали меня узрѣвъ, остановился,
Задумался и прахъ, имъ поднятый, крутитъ
На мѣстѣ; думаетъ и самъ себѣ шумитъ:
«Какой тамъ это вихрь—одинъ изъ младшихъ братій
Моихъ, какъ видится,—такой некрупной стати,
Полета низкаго,—отважился влетѣть
Въ мѣста, которыми лишь мнѣ дано владѣть?»
Такъ прошумѣвъ ко мнѣ онъ гнѣвно повернулся
И на меня столбомъ громаднымъ потянулся,
Приблизился ко мнѣ, и, видя въ первый разъ

Простаго смертнаго столь дерзостнымъ, отпрянулъ,
Взлетѣлъ—и съ вышины пятою въ землю грянулъ
И изъ конца въ конецъ Аравію потрясъ;—
И вдругъ вцѣпясь въ меня разверстыми когтями,
Какъ коршунъ въ воробья схватилъ меня, жечь сталъ
Дыханьемъ огненнымъ и ударять крылами,
Объ землю бить меня, и долу въ прахѣ влечь,
И засыпать пескомъ.... Но я не поддавался:
Полу-раздавленный, я снова поднимался
И схватывался съ нимъ всей силой крѣпкихъ плечъ;
Его песчаные, віющіеся клубомъ
Я члены разрывалъ остервенѣлымъ зубомъ,
Четвертовалъ его.... Ужъ въ образѣ смерча
Хотѣлъ онъ у меня уйти изъ-подъ плеча,
И, мной обхваченный въ пол-тѣла отбивался,
Рванулся.... пополамъ въ обхватѣ перервался—
И трупъ шумѣвшаго такъ грозно въ облакахъ
Гиганта, дождь песку съ высотъ низринувъ съ громомъ,
И съ валомъ городскимъ равняяся объемомъ,
Упалъ къ моимъ ногамъ—поверженный во прахъ.

Здѣсь—отдыхъ! Гордо здѣсь взираетъ бедуинъ
На звѣзды; да и тѣ очами золотыми
Всѣ смотрятъ на меня—затѣмъ, что я одинъ,
Одинъ въ пустынѣ я могу быть видимъ ими.
Всей грудью я дышу, и, кажется, всего
Степнаго воздуха Аравіи здѣсь мало
Для ненасытнаго дыханья моего.
Такъ полно здѣсь оно, широко, вольно, стало!
А зрѣнью моему кругомъ какой просторъ!
И, мнится, до того усилился мой взоръ,

Что шелъ бы за предѣлъ, хотя-бы въ этомъ мірѣ
Былъ глубже сводъ небесъ и горизонтъ былъ
ширe.
И какъ объятья здѣсь раскинуть я могу!
Мнѣ кажется, что въ ихъ торжественномъ кругу
Вселенная-бы вся, отъ самаго востока
До запада, легла свободно и широко!
Вотъ—въ небо, какъ стрѣлу, я мысль мою мечу:
Мысль выше.... выше все.... и я за ней лечу.
Когда пчела свое лишь жало углубляетъ,
То вмѣстѣ съ жаломъ тутъ и сердце оставляетъ:
Какъ мысль моя едва на небо унеслась,
То и душа за ней умчалась въ тотъ же часъ.

II.

Антаръ [2]).

(Кассида).

На ноги ставьте верблюдовъ, о братья [3])!
Вьюки ремнемъ съ ихъ горбатой спиной
Стянуты, сомкнуты. Мстить и карать я
Ѣду. — Ночь теплая съ ясной луной!

Ѣдемъ! — Какъ есть для спасенья отъ зноя
Тѣнь на землѣ, такъ для храбраго есть
Средство спастись отъ позора: то — месть.
Только, щитомъ себя разума кроя,
Надо умѣть отъ напасти уйти,
Въ сѣти соблазновъ не впасть на пути.

Истинной дружбы я вѣдаю цѣну:
Сѣраго волка въ друзья я возьму,
Лютаго барса, хромую гіэну:
Тайну я ввѣрю изъ нихъ хоть кому.
Каждый звѣришка, храня ее свято,
Въ горѣ съ насмѣшкой не кинетъ собрата,
Звѣрь за обиду на месть возстаетъ;
Сила у нихъ противъ силы идетъ;

Всѣ они храбры, но я ихъ храбрѣе:
Первый сижу у врага я на шеѣ;
Гдѣ-же добыча пошла на раздѣлъ —
Я въ сторонѣ; тутъ, кто въ жадности смѣлъ,
Тотъ торжествуетъ, — а я передъ златомъ
Гордо держу себя мужемъ богатымъ,
Щедрымъ. — Не выше-ль дѣйствительно тотъ,
Кто превосходство свое сознаётъ?

Тѣхъ оставляю — и горя мнѣ мало!
Знаю: посредствомъ благихъ своихъ дѣлъ
Ихъ я къ себѣ привязать не успѣлъ;
Сердце жь мое къ нимъ и ввѣкъ не лежало.
Есть три товарища: будетъ съ меня!
Храброе сердце да вонъ — изъ оружья —
Сабля, что мечетъ фонтаны огня,
Съ лукомъ, что выгнутъ, какъ шея верблюжья; —
Перевязь лука — то роскошь сама:
Золотомъ шита, кругомъ — бахрома;
Гладкій, чеканный колчанъ есть при лукѣ, —
А съ тетивы того лука тугой
Прянетъ стрѣла — и по воздуху звуки
Жалобныхъ стоновъ летятъ за стрѣлой:
Мать этакъ стонетъ пронзительно-звонко,
Если изъ рукъ у ней вырвутъ ребенка.

Тать пусть ночной, когда люди всѣ спятъ,
Входитъ, - и прочь отпугнувъ жеребятъ,
Матокъ доитъ, молоко выжимая!
Я не таковъ. Я — не трусъ, и хвоста я
Женскаго не былъ носителемъ: тотъ
Къ женщинамъ пусть на совѣты идетъ!

Сердце не страуса въ персяхъ ношу я; —
Даже и страхъ неожиданно чуя,
Ровно въ груди оно ходитъ моей:
Бьется-жь пугливый пускай воробей!
Видѣлъ-ли кто, чтобъ, какъ щеголь я мелкой—
Прихвостень женскій, по цѣлымъ часамъ
Брови подкрашивалъ съ тонкой отдѣлкой [4])
Иль въ благовонныхъ водахъ волосамъ
Ванны творилъ? — Я съ пути не сбивался,
Ночь хоть была, и песчаной волной
Било въ глаза мнѣ, метало дресвой:
Я на верблюдицѣ прямо все мчался —
Вихрь подъ ногами, пустыня кипитъ,
Брызжетъ огонь изъ-подъ быстрыхъ копытъ.
Голодъ-ли мучилъ меня — удостбить
Я и вниманья его не хотѣлъ
И успѣвалъ его тѣмъ успокоить, —
Прахомъ пустыни питаясь, летѣлъ,
Мчался, — и былъ до того непреклоннымъ
Съ голодомъ лютымъ въ бореньѣ, что онъ
Долженъ себя былъ признать побѣжденнымъ.
Въ лагерѣ-ль быть мнѣ случалось — снабженъ
Былъ я тутъ множествомъ яствъ и напитковъ:
Гдѣ, у кого было столько избытковъ?....
Но — разстаемся мы этого дня.
Горечь кипитъ на душѣ у меня:
Ѣду; — позора душа не выноситъ;
Васъ коль не брошу — душа меня броситъ.
Мщенія жажда мнѣ жилы всѣ рветъ,
Точно какъ пряха, что пряжу прядетъ
И обрываетъ неровныя нитки.

Чуя, что этотъ позывъ не умолкъ,
Каждое утро я дѣлалъ попытки!
Алчущій, съ пастью открытою, волкъ
Такъ на добычу выходитъ, ноздрями
Нюхаетъ воздухъ и мчится степями,
И утомленный отъ трудныхъ скачковъ,
Тщетныхъ засадъ и усилій безплодныхъ,
Воетъ - въ сообществѣ многихъ волковъ
Также измученныхъ, также голодныхъ; —
Словно какъ вырѣзокъ новой луны,
Тощи они, — ихъ бока сведены,
Челюсти выдались; зубы объ зубы
Такъ и звенятъ, точно стрѣлы, гдѣ грубый
Ими обманъ свой прикрывъ, чародѣй
Ловко въ рукѣ ихъ вращаетъ своей. — [5])
Или жужжатъ они точно какъ пчёлы,
Въ слѣдъ что за маткой летятъ черезъ долы,
И надъ крутымъ пчеловода холмомъ
Улей, какъ гроздья, объемлютъ кругомъ.
Скулы волковъ тѣхъ — лишь кости безъ мяса;
Точно расколотый дерева стволъ —
Пасть ихъ. — Тотъ первый завылъ, и пошелъ
Вой ихъ всеобщій, и вся залилáся
Стая, какъ плачущихъ женъ и дѣтей
Хоръ по скончаньи фарисовыхъ дней. [6])
Тотъ замолчалъ вдругъ — и всѣ умолкаютъ.
Мнится, что воемъ такимъ облегчаютъ
Волки свой голодъ: обмѣнъ круговой
Жалобъ и стоновъ миритъ ихъ съ судьбой.
Вотъ — и притихли: не лучше-ль безгласно,
Молча терпѣть, чѣмъ горланить напрасно?

Вотъ — подъѣзжаю къ цистернѣ [7]): летитъ
Полкъ казуаровъ [8]), крылами шумитъ,
Ропщетъ.... Я первый напился, — а птицы
Пусть-ка потянутъ ужь мутной водицы!
Пьютъ и опивки! Ихъ вождь полковой
Не испугалъ тутъ моей дорогой,
Доброй верблюдицы: я появился —
«Прочь вы, крылатые!» — Мигъ — и напился.....
Ѣду съ оглядкою: что они? гдѣ?
Вижу, что кинулись къ грязной водѣ,
Зобы вздуваются, клювы нагнулись —
Добрые знаки! Вотъ — всѣ постянулись
Къ влагѣ; шумитъ водопойный ихъ станъ,
Точно на роздыхъ пришелъ караванъ; —
Снова вздымаются, — снова садятся
Къ водохранилищу жмутся, тѣснятся,
Спѣшно глотаютъ остатки воды,
И торопливо смыкаясь въ ряды,
Тянутся, точно въ степныя равнины
Сходятъ съ оаза въ рядахъ бедуины.

Жесткая почва — подруга моя;
Къ ней прижималъ съ наслажденіемъ я
Мало-ли разъ свой скелетъ человѣчій —
Тощія руки, костлявыя плечи,
Члены, которыхъ составы всѣ счесть
Такъ же легко, какъ въ извѣстность привесть
Кости игральныя— тѣ, что на лавку
Мечетъ игрокъ, зорко глядя на ставку.

Если груститъ по Антарѣ война—
Это понятно: Антаръ ей слугою

Вѣрнымъ былъ долго, и помнитъ она
Службу Антара. — Моею душою —
Этимъ игралищемъ всѣхъ неудачъ —
Нынѣ играетъ несчастье, какъ въ мячъ.
Сотни страданій, рѣшить чтобы дѣло,
Что кому взять изъ Антарова тѣла,
Въ спорѣ о высохшихъ членахъ моихъ
Жеребіи мечутъ [9]): — изъ бѣдствій земныхъ
Каждое лѣзетъ съ особой любовью
Мнѣ на заплечье; отвсюду — гроза;
Я засыпаю — бѣда къ изголовью
Мигомъ садится и пялитъ глаза,
Мѣсто себѣ выбирая къ удару
Самому злому: — ознобу и жару
Я подвергаюсь отъ тяжкихъ заботъ, —
Каждая въ день свой и часъ меня бьетъ,
Точно какъ дрожь чередной лихорадки,
Только здѣсь болѣе люты припадки.
Точно какъ птицы средь знойнаго дня
На воду мечутся; жаждой томимы,
Эти заботы летятъ на меня
Стаей, и мною стократно гонимы —
Снова летятъ, не смотря на отгонъ,
Сверху и снизу и съ разныхъ сторонъ.

* *
*

Знаете вы, какъ — измученъ и злобенъ —
Я, босоногій, во время жаровъ,
Въ прахѣ пустынь извиваюсь, подобенъ
Змѣю блестящему — сыну песковъ.
Въ нѣгѣ я выросъ средь пышнаго быта,
Славныхъ я предковъ потомокъ, но я —
Сынъ терпѣливости строгой; моя

Грудь ея жесткою тканью прикрыта;
Въ сердце свое на житье я втянулъ
Смѣлость гіэны; я ноги обулъ
Стойкостью въ дѣлѣ; — въ степи безъ намета,
Въ зной безъ покрышки, я, чуждый разсчета,
Веселъ, богатъ и открыто гляжу —
Ибо я жизни своей не щажу;
Въ счастьѣ богатствомъ своимъ не гордился,
Праздности глупой бѣжалъ — и трудился;
Былъ-ли разносчикъ я сплетень пустыхъ?
Ложью пятналъ-ли я славу другихъ?

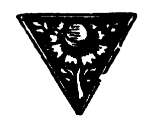
Помните-ль страшную ночь вы? — Сплошная
Тьма налегла на весь міръ, и такая
Стужа была, что Арабъ свои жегъ
Стрѣлы и лукъ, чтобъ развесть огонекъ —
Только-бъ согрѣться! Готовый къ походу
Выступилъ бодро я въ ту непогоду;
Молніи были свѣтилами мнѣ,
Громъ былъ трубою, зовущей къ войнѣ,
Ужасъ и трепетъ — мнѣ спутники были;
Руки мои въ эту ночь отпустили
Многихъ вдовицами женъ, — сиротствомъ
Многихъ дѣтей я взыскалъ, — и потомъ,
Въ эту-же ночь мечъ кровавый возвыся,
Я возвратился подъ бурей домой,
Къ утру-жъ спокойно лежалъ въ Гумаисѣ, —
А по пустынѣ, обрысканной мной,
Мчалась молва обо мнѣ: вопрошали
Тѣ съ любопытствомъ, а тѣ отвѣчали;
Разный тутъ шелъ между жителей толкъ:
«Ночью-то лаяли псы — или волкъ,

Или гіены щенокъ, утекая,
Бурей гонимый, во мракѣ ночномъ
Къ намъ забѣгалъ, или птица какая
Билась въ испугѣ дрожащимъ крыломъ?
Песъ заворчалъ и утихъ въ ту-жъ минуту....
Или ужь Дивъ произвелъ эту смуту? —
Вскользь пролетѣлъ и надѣлалъ тревогъ?
Иль.... человѣкъ?... Это дѣло сокрыто.
Нѣтъ! Человѣкъ-бы такъ много не смогъ!
Видишь — людей-то вѣдь сколько побито!»

Въ зной, когда день пламенѣлъ, и въ-прискокъ
Змѣйки вились по землѣ обожженной, —
Плащъ я дырявый надѣвъ и въ песокъ
Кинувшись жгучій, главой обнаженной
Солнца на бой вызывалъ, — и въ разбросъ
Груда моихъ запыленныхъ волосъ,
Безъ умащенья, сплошными кусками
Слипнувшись съ грязными лбомъ и висками,
Тяжко висѣла.....

Всѣ эти мѣста,
Вѣчной пустыни просторъ необъятный,
Долъ, что округлостью твердо-раскатной
Сходенъ съ горбатою спинкой щита,
Часто босыми я мѣрялъ ногами.
Подъ восходящими къ небу скалами
Я на рукахъ и ногахъ проползалъ,
Псу уподобясь, и часто взлѣзалъ
На лобъ скаламъ тѣмъ по каменнымъ склонамъ,
Гостемъ нежданнымъ вносясь къ антилопамъ;
Тѣ, бѣлоногія, мягкимъ руномъ

Пышно-одѣтыя, словно дѣвицы
Въ платьяхъ влачащихся, ходя кругомъ,
Смѣло свои устремляли зѣницы
Въ очи мнѣ; я имъ являлся самцомъ
Стада ихъ съ смуглымъ, брадатымъ лицомъ—
Мужемъ ихъ новымъ, съ такими рогами,
Что при поднятьи чела въ высоту
Вѣтви роговъ тѣхъ кидались къ хвосту,—
Или-же ими вцѣпясь межъ скалами
Новый самецъ, что въ скалахъ тѣхъ засѣлъ,
Въ небѣ, казалось, какъ птица висѣлъ.

III.

Альмотенабби [10]).

Доколь, по степямъ и пустынямъ свершая про-
ѣздъ,
Я буду безплодно гоняться за группами звѣздъ?
Ногъ нѣту у звѣздъ: отчего-жъ быть усталости
тутъ?
Верблюды-жъ и люди— съ ногами: они устаютъ.

Проѣзжій спать хочетъ; а звѣзды?—тѣ вѣчно гля-
дятъ,
И. вѣждъ не имѣя, безсонныя, спать не хотятъ.

Отъ солнца чело и лицо наше стало черно:
Сѣдыхъ-же волосъ подчернить намъ не можетъ
оно.

Ужели небесный Судья для страдальцевъ—людей
Суровѣе будетъ безжалостныхъ дольнихъ судей?

Воды на дорогу намъ будетъ довольно: она,
Изъ тучъ намъ пролитая, въ кожу мѣшковъ на-
брана.

Верблюдовъ я гнѣвно гоню: я не гнѣваюсь тутъ,
Но знать имъ даю, что со мною въ изгнанье идутъ.

При выходѣ я изъ Египта верблюдамъ сказалъ:
«Смотрите! Чтобъ каждый изъ васъ на бѣгу понуждалъ
Переднюю ногу свою своей задней ногой!
Бѣгите!»—И вотъ—изъ Египта промчался стрѣлой
Я съ горстію спутниковъ вѣрныхъ — съ моими людьми—
Чрезъ области смежныя Джарса и Аль-Элеми.

Вотще конь арабскій хотѣлъ обогнать меня: лбомъ
Летитъ наравнѣ онъ все только съ верблюжьимъ горбомъ.

Что за люди? Стрѣлы послушны въ рукахъ тѣхъ людей *),
Какъ тамъ, гдѣ тасуетъ ихъ, ставъ предъ толпой, чародѣй.

Чалму-то какъ снимутъ—на нихъ (тутъ—природа сама!)
Изъ черныхъ курчавыхъ волосъ остается чалма.

Хоть пухъ молодой на щекахъ—руки этихъ людей
И всадниковъ валятъ и вмигъ забираютъ коней.

Добыча, когда-бъ и надежды ихъ всѣ превзошла —
И то бы въ нихъ жажду добычи унять не могла.

*) См. въ объясненіяхъ—5-е.

Они, какъ язычники, вѣчною пышутъ враждой;
Безпечны-жь они при оружьи, какъ въ праздникъ святой.

Нѣмое копье изъ рукъ их чуть въ воздухъ пошло—
Покажетъ умѣнье свистать, какъ сокольe крыло.

Верблюды безъ устали мчатся, хоть въ пѣнѣ совсѣмъ,
И зелены ноги ихъ, вытоптавъ Регль и Ганэмъ.

Верблюда бичомъ отгоню отъ чужихъ я луговъ
Гдѣ-жь принятъ, какъ гость я, тамъ кормъ и верблюду готовъ.

Арабъ, Персіанинъ—скупятся на пастбища: нѣтъ
Фати́ка на свѣтѣ; покинулъ Фатикъ этотъ свѣтъ.

Другаго Фати́ка Египетъ во вѣкъ не найдетъ,
И мѣста его въ этомъ мірѣ никто не займетъ.

Онъ живъ былъ—и всѣхъ превышалъ онъ величьемъ своимъ;
Онъ умеръ—и всѣ поравнялись умершіе съ нимъ.

Искалъ его окомъ я, кликалъ взываніемъ устъ—
И что же нашелъ я? Весь міръ безотвѣтѣнъ и пустъ.

Вернулся туда я, откуда какъ странникъ ушелъ,
И думалось: снова съ перомъ бы знакомства я свелъ!

Перо-жъ возразило мнѣ чернымъ своимъ языкомъ:
«Нѣтъ, славы ты мной не добудешь; добудь-ка мечомъ!

Перо ты возьмешь, какъ истратится сила плеча;
Перо вѣдь работаетъ все по приказамъ меча.»

Перо этой рѣчью хотѣло меня научить
И тѣмъ отъ безумья, быть можетъ, меня излѣчить;

Но я не послушался: самъ виноватъ теперь я,
Что разумомъ плохъ, голова не въ порядкѣ моя.

До цѣли доходитъ, мечомъ лишь владѣть кто горазДъ.
Спроси, кого хочешь: перо тебѣ хлѣба не дастъ.

Въ пути-ль ты находишься? Чуждый народъ на тебя
Глядитъ, какъ на нищаго: «ищетъ-де крохъ для себя!»

Неправда враждой раздѣлила людей племена,
Хоть общая мать всему роду людскому дана.

Ну,—буду-жь пріема, какъ гость, я иначе просить!
Къ дверямъ подойду, да и стану мечомъ колотить!

Оружье пускай и рѣшаетъ, кто спину согнетъ —

Кто?—Тотъ-ли, кого угнетаютъ, иль тотъ, кто
гнететъ?

Оружья у насъ не отымутъ: съумѣемъ сберечь!
Рука не дрожитъ у меня, не позоренъ мой мечъ.

Мой взоръ... Пустъ къ картинамъ страданій прі-
учится онъ!
Вѣдь все, что мы зримъ на-яву, пропадаетъ какъ
сонъ.

Прочь жалобы! Ими народъ только тѣшится злой:
Такъ стоны предсмертные вòроновъ тѣшатъ собой.

Гдѣ вѣра прямая?—Лишь въ книгахъ убѣжище ей:
Ея не ищи ужь ни въ словѣ, ни въ клятвѣ людей.

Хваленіе Богу, создавшему душу мою!
Съ его я пособіемъ вытяну долю свою,

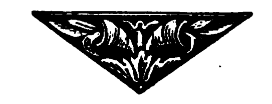
И въ долгомъ изгнаньи отраду себѣ обрѣту,
Тогда какъ другіе горюютъ и въ лучшемъ быту.

Самъ рокъ удивленъ былъ великимъ терпѣньемъ
моимъ
Затѣмъ, что я крѣпче ударовъ, обрушенныхъ имъ!

Какъ грустно живется теперь межъ людей! Я-бъ
желалъ,
Чтобъ жилъ я давно ужь, а нынѣ въ могилѣ-бъ
лежалъ

Намъ время — отецъ; когда мо̀лодо было оно —
Тогда отъ него наши предки родились давно;

А нынѣ отецъ нашъ, на старости хилой своей
Намъ жизнь даровавъ, произвелъ ужь негодныхъ дѣтей.

ОТДѢЛЪ IV.

Зима въ городѣ.

Прошла весна, за ней и лѣто удалилось,
Прошла осенняя дождливая пора;
Подъ снѣжной пеленой ужь мостовая скрылась,
И грохотъ не стоитъ надъ городомъ съ утра.

На чистомъ воздухѣ, такъ долго по неволѣ
Скрываясь отъ дождей осеннихъ въ заперти,
Шумъ городской теперь не оглушитъ насъ болѣ
И не раздавятъ насъ колеса на пути.

О, чудная пора, привѣтъ тебѣ—здорово!...
Толпы людей себя надеждою бодрятъ,
Что возвратятся къ нимъ веселые дни снова,
Бѣжавшіе давно отъ Фавновъ и Дріадъ.

Все радуетъ, живитъ, — домашній кровъ бросая,
Вдыхаю-ли въ себя я воздухъ иногда,
Закинувъ голову смотрю-ль на небеса я,
Иль пристально слѣжу, какъ мчится тучъ гряда.

Одна изъ нихъ въ выси куда-то уплываетъ,
Другая надъ землей повисла и стоитъ,
Та снѣгомъ падая, равнины покрываетъ,
Иль зеркало рѣки Виліи серебритъ.

Но тотъ, кто въ эти дни въ деревнѣ видитъ нивы
Подъ саваномъ снѣговъ и сумракомъ небесъ
И обнаженныхъ горъ песчаные обрывы,
И голый, ледяной корой покрытый, лѣсъ,

Тотъ отъ картинъ такихъ соскучится не въ мѣру
И броситъ сельскій міръ для городскихъ забавъ,
Для Плутоса забывъ красавицу Цереру
И золота съ собой запасъ хорошій взявъ.

А въ городѣ за то онъ можетъ жить безпечно
Среди палатъ, гдѣ все глазъ только веселитъ,
И земледѣльца трудъ забудетъ онъ, конечно,
Въ чарующемъ кругу плѣнительныхъ харитъ.

Въ деревнѣ еще свѣтъ не золотилъ востока,
Церера будитъ насъ и поздравляетъ съ днемъ, —
А здѣсь хоть солнышко давно взошло высоко,
Въ тѣни алькова я еще сплю сладкимъ сномъ.

Накинувъ на себя халатъ, встаю съ постели
Съ визитомъ молодежь является ко мнѣ,
И начиная день безъ дѣла и безъ цѣли
Проводимъ утро мы въ веселой болтовнѣ.

Тотъ передъ зеркаломъ на кудри золотыя,
Умащивая ихъ, бальзамъ восточный льетъ;
Тотъ куритъ и надъ нимъ, какъ облака густыя,
Дымъ носится; а тотъ чай ароматный пьетъ.

Когда-жъ настанетъ часъ полудня, беззаботно
Въ блестящій экипажъ я съ кѣмъ-нибудь сажусь;

Въ бобры иль соболя себя закутавъ плотно,
Зимы холодной я и вѣтра не боюсь.

Съ блестящимъ обществомъ встрѣчаюсь въ залѣ; вскорѣ
За трапезу насъ всѣхъ сажаютъ, намъ несутъ
Не мало всякихъ яствъ на дорогомъ фарфорѣ
И каждый пресыщенъ избыткомъ вкусныхъ блюдъ.

Мы пьемъ столѣтнее венгерское; въ стаканѣ
Играетъ крѣпкій пуншъ, коньякъ и старый медъ,
А дамы пьютъ мускатъ, который, не туманя
Головокъ слабыхъ ихъ, имъ бодрости придаетъ.

При помощи вина бесѣда оживится.
Посыплется остротъ неистощимый рядъ,
И не одно лицо отъ страсти разгорится,
И помутится умъ, поймавши нѣжный взглядъ.

Но солнце ужь зашло. Густѣютъ тѣни дружно,
Подъ сумракомъ зимы погасъ послѣдній свѣтъ.
Даютъ богини знакъ, что разъѣзжаться нужно
Шумъ, говоръ — и гостей веселыхъ уже нѣтъ.

Лишь тѣ, кто съ счастіемъ слѣпымъ за панибрата,
Играютъ въ фараонъ, волнуясь отъ игры,
Иль длинный кій схвативъ (оружье безъ булата)
Катаютъ по сукну точеные шары.

Когда-жъ ночь темная сойдетъ на городъ сонный,
И въ окнахъ кое-гдѣ огонь еще блеститъ,
Кончаетъ молодежь день шумно проведенный,
И множество саней по улицамъ скользитъ.

Хоръ охотниковъ.

На музыку изъ оперы Вебера «Фрейшицъ.»

Черезъ нивы, черезъ горы
И овраги, и болота,
Посреди собачьей своры
И подъ звукъ роговъ охоты,
На конѣ, что птицей мчится,
Весь — огонь и удальство,
И съ ружьемъ — лишь громъ сравнится
Съ каждымъ выстрѣломъ его —
По слѣдамъ горячимъ звѣря
И въ свою удачу вѣря:
Гопъ, гопъ, гопъ! впередъ, впередъ!

Какъ разбойникъ безпощадный,
Какъ дитя веселый смѣло,
Принялся охотникъ жадный
За излюбленное дѣло.
Чаще выстрѣлъ раздается
Только слышно: пуфъ, пифъ, пафъ!
Кровь вездѣ ручьями льется
Птицы падаютъ стремглавъ...
По слѣдамъ горячимъ звѣря

И въ свою удачу вѣря:
Гопъ, гопъ, гопъ! впередъ, впередъ!

Кто кабану или туру
Пулю въ лобъ направить можетъ?
Кто сдеретъ съ медвѣдя шкуру
И къ ногамъ своимъ положитъ?
Спятъ лѣса и горы, что-ли?
Пусть откликнется ихъ хоръ.
Затрубилъ охотникъ въ полѣ,
Какъ король лѣсовъ и горъ...
По слѣдамъ горячимъ звѣря
И въ свою удачу вѣря:
Гопъ, гопъ, гопъ! впередъ, впередъ!

Кто, давая промахъ рѣдко
Лишь завидя жертвъ крылатыхъ,
На лету сражалъ ихъ мѣтко?
Пусть-же, вѣтры, отзовется
На вопросъ вашъ буйный хоръ!
Громко выстрѣлъ раздается
Короля вѣтровъ и горъ...
По слѣдамъ горячимъ звѣря
И въ свою удачу вѣря
Гопъ, гопъ, гопъ! впередъ, впередъ!

Пловецъ.

О бездна чудесъ! На разсвѣтѣ свой челнъ
Я въ море пустилъ: улыбалась погода;
Въ тиши не смущало ничто его хода;—
И вотъ — ужь во мглѣ, средь бушующихъ волнъ
Ни взадъ, ни впередъ не могу его двинуть...
Уже-ль и челнъ жизни мнѣ тутъ опрокинуть?

Блаженъ, чью ладью неземная чета
Ведетъ по волнамъ посреди бушеванья:
То сестры родныя; ихъ въ мірѣ названья —
Одной — добродѣтель, другой — красота.
Та нектара чашей пловца успокоитъ,
А эта утѣшитъ, чуть ликъ свой откроетъ.

Хоть счастливъ и тотъ, чьей душой принята
Одна добродѣтель, за тѣмъ, что предъ храмомъ
Величья и почестей римскимъ бальзамомъ
Крѣпитъ его духъ,—но когда красота
Его ужь не тѣшитъ и глазъ поворотомъ —
Въ храмъ входитъ облитый онъ кровью и потомъ.

Вполнѣ-ль красота вся открылась кому
И вдругъ улетѣла потомъ съ полъ-дороги,
Оставивъ его безъ надежды, въ тревогѣ —

Ахъ, послѣ свѣтъ цѣлый противенъ ему;
Ему все равно ужь — во мракѣ онъ, въ свѣтѣ-ль;
Его не скрѣпитъ и сама добродѣтель.

Въ замѣнъ красоты созерцанья тогда
Онъ долженъ лишь съ бурями биться, усталый,
Не ручки сжимать, но — хвататься за скалы;
Встрѣчаться не съ сердцемъ, но —съ глыбами льда,
И долго, во тьмѣ утопая, томиться,
Не въ силахъ и отдыха смерти добиться.

Боренье такъ тяжко!... И разомъ-бы я
Могъ кончить! .. Потомъ ужь и спи подъ волною.
Но все-ль тутъ погибнетъ, исчезнетъ со мною?
Быть можетъ, кто разъ въ океанъ бытія
Ужъ кинутъ, тотъ въ немъ заключенъ непреложно:
Ни вылетѣть вонъ, ни пропасть невозможно.

«Живущее все умираетъ» — кричатъ.
Что-жь крикъ этотъ вѣры моей не остудитъ,
Что духа свѣтило горѣть также будетъ,
Что вѣчныя силы свѣтило то мчатъ
Въ пространствахъ эѳирныхъ, гдѣ все безконечно,
И гдѣ то свѣтило вращается вѣчно?

Кто съ берега крикнулъ?—Друзья мои! Васъ
Узналъ я; то — вы! О, собратья! До нынѣ
Стоите прибрежныхъ вы скалъ на твердынѣ
И смотрите вы съ напряженіемъ глазъ
Съ волнами мое замѣчая боренье...
И глазъ вашъ... друзья, не страшитъ утомленье.

На гибель отчаянно кинься вдругъ я —
«Вотъ», скажутъ, «безумецъ!» и «вотъ—благодарность!»
Вамъ тучи, что кроютъ мнѣ всю лучезарность
Небесную, менѣе страшны, друзья; —
Вамъ вихри чуть слышны, что рвутъ мнѣ канаты;
Громъ бьетъ здѣсь, а къ вамъ лишь доходятъ раскаты.

И вмѣстѣ со мною вы будьте въ огнѣ
Всѣхъ молній: прочувствованъ иначе будетъ
Огонь этотъ вами. Пусть Богъ меня судитъ!
Судья долженъ быть не со мной, но во мнѣ.
Пути наши розны: пойдете вы къ дому,
Я-жъ дальше — на встрѣчу и вѣтру, и грому.

The meeting of the waters.

Едва ли есть мѣста прекраснѣе долины,
Гдѣ воды чистыя сливаются.. О, ты,
Долина чудная! Мнѣ будутъ до кончины,
Вѣкъ памятны твои душистые цвѣты.

Я о тебѣ храню въ душѣ воспоминанье,
Не потому что такъ пестры твои луга,
Что рощи я люблю, ключей твоихъ журчанье, —
Есть нѣчто болѣе, чѣмъ мнѣ ты дорога.

Любимые друзья мои тамъ прежде жили,
И памятью о нихъ долина вся полна:
Природа намъ милѣй въ своей могучей силѣ
Когда она въ глазахъ друзей отражена.

Дай Богъ вернуться мнѣ къ тебѣ въ иные годы
И встрѣтить вновь друзей, когда житейской тьмы
Минуютъ наконецъ волненья и невзгоды
И, какъ ручьи твои, соединимся мы.

«Когда бъ я лентой сталъ» и т. д.

Когда-бъ я лентой сталъ, что золотомъ играетъ
На дѣвственномъ челѣ твоемъ,—
Когда-бъ одеждой сталъ, что перси облекаетъ
Твои воздушнымъ полотномъ:

Я-бъ сердца твоего біеньямъ внять старался,
Отвѣта нѣтъ ли моему?
Съ твоей-бы грудью я и падалъ, и вздымался,
Дыханью вѣрный твоему.

Когдабъ я въ вѣтерокъ крылатый превратился,
Что дышетъ, ясный день любя,
Отъ лучшихъ бы цвѣтовъ въ пути я сторонился,
Ласкалъ бы розу и тебя.

Быть можетъ Богъ тогда въ судѣ своемъ правдивомъ
Мое-бы рвенье оцѣнилъ,
Быть можетъ сдѣлалъ-бы меня тогда счастливымъ:
Въ твое бы сердце превратилъ.

Къ М....

Прочь съ глазъ моихъ!... И я готовъ исполнить
это...
«Долой изъ сердца!..» Прочь завѣтныя мечты!
«Долой изъ памяти!»—Нѣтъ! Этого завѣта
Не властны выполнить ни я, ни даже ты.

Чѣмъ далѣе предметъ поставленъ колоссальный,
Тѣмъ шире за собой отбрасываетъ тѣнь;
Чѣмъ дальше буду я, тѣмъ образъ мой печальный
Скорѣе омрачитъ тоской твой ясный день.

То здѣсь, то тамъ обманутый судьбою,
Дѣлилъ я смѣхъ и плачъ съ одной тобой въ тиши
И вѣрь: всегда, вездѣ я буду предъ тобою,
На всемъ ты встрѣтишь слѣдъ больной моей души
Задумавшись въ своемъ уютномъ кабинетѣ
И къ арфѣ подойдя, займешься ли игрой —
Ты скажешь: «въ этотъ часъ при этомъ полу-
свѣтѣ
Онъ такъ любилъ мечтать подъ пѣснь мою, порой.»
И если, въ шахматы играя, при началѣ
Увидишь, что игра проиграна твоя,
Ты вспомнишь про себя: — «вотъ такъ ряды стояли,
Когда въ послѣдній разъ съ нимъ здѣсь играла я.»

Забывъ ли прошлое, въ разгарѣ шумномъ бала,
И мыслью уносясь далеко въ міръ иной,
Увидишь стулъ пустой въ углу большаго зала,
Ты скажешь про себя: «тамъ онъ сидѣлъ со мной.»

Въ романѣ ли прочтешь, какъ гибнутъ вереницы,
Давно лелѣемыхъ надеждъ въ единый часъ,
Въ волненіи, закрывъ досадныя страницы,
Ты скажешь про себя: «такъ было и у насъ.»

И если авторъ твой по долгомъ испытаньи,
Уже не разлучилъ двухъ любящихъ сердецъ,
Свѣчу задувши вдругъ, ты скажешь безъ сознанья:
«Зачѣмъ же нашъ романъ имѣлъ иной конецъ?»

И въ ночь, какъ молнія все заревомъ одѣнетъ,
На грушѣ высохшей зашелестятъ листы,
И филинъ вдругъ крыломъ окно твое задѣнетъ:
«О, то душа его!» въ испугѣ скажешь ты.

И всюду, гдѣ порой, обманутый судьбою,
Дѣлилъ я смѣхъ и плачъ съ одной тобой въ тиши,
Повѣрь, всегда, вездѣ я буду предъ тобою;
На всемъ ты встрѣтишь слѣдъ больной моей души.

V.

На новый (1827) годъ.

Промчался старый годъ, и новый наступаетъ...
Изъ пепла фениксъ вновь возникъ на Божій свѣтъ,
И снова міръ его съ надеждами встрѣчаетъ...
Чего же отъ него желаешь ты, поэтъ?

Веселыхъ ли минутъ?... Небесныя зарницы!
Я помню — съ вами ночь свѣтлѣла словно день;
Я думалъ, что ужь міръ воскресъ—а на зѣницы
Мрачнѣе прежняго ложилась снова тѣнь.

Любви-ль? О! знаю я весь юный бредъ желанья,
Высокій платонизмъ и райскія мечты.
И кто жь не испыталъ отраднаго страданья,
И кто жь не падалъ внизъ съ небесной высоты!

И я страдалъ, мечталъ, парилъ... Цвѣтокъ прекрасный
Ужь былъ передо мной... сорвать его хочу...
Проснулся: сонъ исчезъ: нѣтъ розы... все напрасно!
Одни шипы въ груди... Любви я не ищу.

Не дружбы-ль?... Кто жь изъ насъ не чтилъ ея святыни:

Изъ всѣхъ земныхъ богинь прекрасныхъ юныхъ
лѣтъ
Она всегда была прекраснѣйшей богиней,
Являлась прежде всѣхъ, за всѣми шла во слѣдъ.

Друзья! какъ будто мы единою семьею
Въ волшебномъ деревѣ Армиды всѣ живемъ, -
Одна душа живитъ все дерево собою,
Хоть каждый листъ дрожитъ отдѣльнымъ бытіемъ.

Но вотъ запрыгалъ градъ по листьямъ или тучей
Рой насѣкомыхъ въ садъ примчится въ тишинѣ,
Какъ вѣтка каждая дрожитъ отъ боли жгучей,
Сочувственной!... Нѣтъ, нѣтъ, не нужно дружбы
мнѣ...

Чего жь бы пожелать мнѣ въ этомъ новомъ годѣ?..
Уединенія... дубовую кровать...
Лишь тамъ—слезамъ друзей, ликующей природѣ
;И хохоту враговъ меня не взволновать!

Тамъ только до конца, и по кончинѣ свѣта
Хотѣлось бы сквозь сонъ, который будетъ тихъ,
Мечтать, какъ промечталъ промчавшіяся лѣта,
Любить людей и свѣтъ... вдали, вдали отъ нихъ...

VI.

Морякъ.

Вдругъ покидая своихъ земляковъ,
Какъ ты спѣшишь оттолкнуться,
Бѣдный морякъ, отъ родныхъ береговъ,
Съ тѣмъ, чтобъ ужь ввѣкъ не вернуться!

Подняль при этомъ ты очи свои;
Радость лицо освѣтила;
Рѣдкая гостья—улыбка—твои
Снова уста посѣтила.

Медлятъ другіе, сбираясь въ отъѣздъ;—
Глядь! на ладьѣ ужь ты зыбкой.
Можно ль отъ счастья, отъ милыхъ намъ мѣстъ
Рваться—еще и съ улыбкой?»—

Видѣлъ я, знаю,—отвѣтилъ морякъ,—
Что въ этомъ краѣ творится;
Видѣлъ... а что? Ни единый землякъ
Тѣмъ-бы не могъ усладиться.

Видѣлъ я доблесть мужскую—въ тискахъ.
Тьму—въ головахъ у народа,

Въ умникахъ — алчность, а въ женскихъ сердцахъ —
Мелочи разнаго рода.

Счастье?... Увы!—Волнъ съ приливовъ морскихъ
Ввѣрилась часть остальная
Мыслей и чувствъ и желаній моихъ
Лодкѣ родимаго края.

Счастливъ я могъ ли же быть, напередъ
Чуя, что бурей сосѣдней
Парусъ послѣдней ладьи изорветъ—
Лоскутъ надежды послѣдней?

VII.

Дѣвушка на перепутьи.

Дѣвушка.

Двѣ дороги предо мною, но куда идти — не знаю.
Кинувъ отчій домъ, путь новый для себя я избираю
И ищу цвѣтовъ, чтобъ нѣжнымъ ароматомъ ихъ упиться
И, родителей утѣшивъ, снова въ домъ свой возвратиться.
Гдѣ ростутъ цвѣты такіе,— я не вѣдаю ей-богу,
Потому-то, добрый странникъ, укажи ты мнѣ дорогу.

Пилигримъ.

Тотъ невиненъ, кто довѣрчивъ и дороги вѣрной ищетъ,
Но бѣда тому, кто въ мірѣ, въ немъ путей не зная, рыщетъ.
Я состарился въ услугахъ всѣмъ прохожимъ, беззаботно
Мнѣ внимавшимъ, и тебѣ я услужить готовъ охотно.

Въ жизни нашей есть два сада, и идутъ къ нимъ двѣ дороги:
Первый путь съ востока вьется, и на немъ шиповникъ ноги
Колетъ, вкругъ тѣснятся скалы съ ихъ суровой наготою
Какъ въ саду, въ который можешь ты придти дорогой тою.
Тверды почва и плоды въ немъ, и суровы всѣ растенья:
Лѣсъ дубовый да утесы—вотъ его всѣ украшенья.
Тамъ плоды ростутъ не скоро и не скоро созрѣваютъ,
Каждый плодъ виситъ высоко, и съ трудомъ его срываютъ.
Нѣтъ часовъ тамъ и мгновеній—только долгіе есть годы;
Ни зимы нѣтъ, нѣтъ и лѣта въ вѣчномъ царствѣ непогоды;
Красокъ нѣтъ, и все покрыто одноцвѣтной пеленою;
Жизнь вся скована повсюду неподвижностью одною.
Межъ людей разнообразья тамъ нѣтъ вовсе никакого;
Тамъ одинъ во всемъ походитъ непремѣнно на другаго,
И однѣ и тѣ же мысли, безъ сомнѣній, ихъ гнетущихъ,
Неизмѣнныя, какъ вѣчность, занимаютъ всѣхъ живущихъ.
Тамъ на терніяхъ и скалахъ мирно смертный отдыхаетъ

И упорный трудъ блаженствомъ самымъ высшимъ
называетъ.
Тамъ эмблема жизни мирной—гладьрѣки подъ солн-
цемъ мая;
Выраженье душъ прекрасныхъ — океана тишь
нѣмая;
Этотъ садъ, гдѣ обитаетъ Добродѣтель и гдѣ стражи
Очень грозны, съ виду мраченъ, и для многихъ стра-
шенъ даже.
Но въ комъ нравственная сила помогаетъ теплой
вѣрѣ,
Для того всегда открыты въ этотъ садъ суровый
двери.

Посмотри теперь на право — тамъ идетъ еще
дорóга,
Очень гладкая, прямая, гдѣ цвѣтовъ повсюду много,
Какъ и въ томъ саду, въ который этотъ путь людей
приводитъ;
Тамъ волшебница другая—Роскошь гордо очень
бродитъ.
Ты конечно замѣчала предъ закатомъ солнца, лѣ-
томъ,
Какъ толкутся надъ землею мошки въ воздухѣ
нагрѣтомъ?
Это — образъ всѣхъ живущихъ въ томъ саду и от-
раженье
Всѣхъ ихъ помысловъ, желаній и душевнаго стрем-
ленья.
Мурава тамъ служитъ ложемъ, но людей не освѣ-
жаетъ.

Сонъ на той постели мягкой ихъ и силъ не укрѣпляетъ;
Тамъ цвѣты, разнообразьемъ чудныхъ красокъ привлекая,
Днемъ цвѣтутъ и умираютъ, къ ночи разомъ увядая.
Люди тамъ различны также, какъ букашки, какъ растенья;
Какъ цвѣты между собою не похожи ихъ сужденья.
Садомъ пользуясь, однако, недовольны люди садомъ,
Скоро все надоѣдаетъ ихъ пресытившимся взглядамъ.
О прошедшемъ, о грядущемъ помышлять они не любятъ
И, живя лишь настоящимъ, праздной жизнью сердце губятъ.
Нектаръ пьютъ, чтобъ послѣ горечь пить житейской грустной прозы,
И летаютъ, чтобы падать, и смѣются, чтобъ лить слезы;
Все ихъ поприще земное:—наслажденья и забавы;
На себѣ зефиры носятъ легкій тронъ ихъ краткой славы,
Вся ихъ жизнь — сонъ мимолетный, солнца лучъ среди ненастья,
Ослѣпитъ вдругъ и исчезнетъ—словно молнія ихъ счастье...
Кто какъ вѣтеръ между небомъ и землей привыкъ носиться,
Чтобъ обманчивымъ минутнымъ счастьемъ въ мірѣ насладиться,

Тотъ пусть съ вѣрой и надеждой Евы въ этотъ садъ
стучится.
Мотылекъ откроетъ двери передъ нимъ и съ нимъ
умчится.

Такъ два сада, двѣ дороги предъ тобой въ открытомъ полѣ,
Но сама ты сдѣлай выборъ, о своей заботясь долѣ;
Богъ на то тебѣ далъ волю: у тебя на то есть разумъ,
И любой изъ тѣхъ путей двухъ выбирай, дѣвица,
разомъ.

VIII.

Сватовство.

Пока о красотѣ я дочкѣ напѣвалъ,
Мамаша слушала, сидѣлъ за книгой дядя;
Когда жь на сватанье намекъ я дѣлать сталъ,
Заговорили всѣ, въ глаза мнѣ прямо глядя.

—«А сколько душъ у васъ?» разспрашивала мать,
Справлялся дядюшка о чинѣ, о доходѣ;
Мои любовныя интрижки всѣ узнать
Служанка отъ слуги спѣшила на свободѣ.

Мамаша, дядюшка!... Единственной душой
Своей владѣю я; Парнассъ – мое имѣнье.
Перомъ своимъ доходъ я наживу большой,
А слава мнѣ чины замѣнитъ, безъ сомнѣнья.

Любилъ-ли я? Вопросъ подобный глупъ вполнѣ.
Могу-ли я любить? То докажу на дѣлѣ:
Ты, киска, брось слугу и вечеромъ ко мнѣ
Въ гостиницу тайкомъ зайди-ка на недѣлѣ.

IX.

Два слова.

Случается-ль порою мнѣ
Съ тобою быть наединѣ —
Я все въ глаза тебѣ гляжу,
Движенье устъ твоихъ слѣжу;
Хотѣлъ-бы мысль твою вполнѣ
Прочесть я прежде, чѣмъ въ огнѣ
Она очей твоихъ блеснетъ;
Схватить желалъ-бы напередъ
Я рѣчь твою, пока она
Еще мнѣ въ звукахъ не дана.

И вѣрно всякъ уразумѣлъ,
Что̀ видѣть, слышать я-бъ хотѣлъ:
Давно извѣстныя слова̀!
И ихъ немного: только два.
Скажи мнѣ, милая моя:
«Люблю тебя, люблю тебя».

Когда съ тобою въ небесахъ
Я буду—пусть въ твоихъ глазахъ
Блестятъ два слова эти мнѣ,
По всей той горней сторонѣ

От̆ъ этихъ милыхъ, свѣтлыхъ глазъ
Тысячекратно отразясь!

И въ той мнѣ сферѣ неземной
Не надо музыки иной.
Пускай одно лишь слышу я:
«Люблю тебя,—люблю тебя.»
И мнѣ довольно! Мнѣ нужна
Лишь эта пѣсенка одна.

X.

Моя баловница.

Когда въ часъ веселый откроешь ты губки
И мнѣ ты воркуешь нѣжнѣе голубки,
Я съ трепетомъ внемлю, я весь внѣ себя,
Боюсь проронить хоть единое слово,
Молчу, не желаю блаженства иного —
Все слушалъ бы, слушалъ, все слушалъ тебя.

Но глазки сверкнули живѣе кристалловъ,
Жемчужные зубки блестятъ средь коралловъ,
Румянецъ въ ланитахъ ужь началъ играть,
Теперь я смѣлѣе смотрю тебѣ въ очи,
Уста приближаю и слушать нѣтъ мочи:
Хочу цѣловать, цѣловать, цѣловать!

XI.

О, милая, моя, къ чему намъ говорить
Къ чему, съ тобой любовь и чувство раздѣляя,
Души моей въ тебя нельзя мнѣ перелить,
На мертвыя слова ее не раздробляя!
Какая-жь польза намъ въ безжизненныхъ словахъ,
Что стынутъ въ воздухѣ и вянутъ на устахъ?

Люблю тебя, люблю! готовъ твердить всегда я.
Къ чему жь краснѣешь ты, взоръ обратя ко мнѣ?
Увы, я не могу, любовію пылая,
Ее ни выразить, ни высказать вполнѣ,
И, какъ въ летаргіи, я не имѣю силы
Хоть признакъ жизни дать, чтобъ избѣжать могилы.

Я утомилъ уста лобзаніемъ напраснымъ,
Желая сплавить ихъ съ твоими навсегда,
И говорить хочу біеньемъ сердца страстнымъ
И вздохами—и ты поймешь меня тогда;
И вѣкъ такъ говорить, пока жизнь длится эта —
До самаго конца и по кончинѣ свѣта.

XII.

Сонъ.

Хотя бы ты меня невольно покидала,
Но если будешь все попрежнему любить,
Я не хочу, чтобъ ты разлуку отравляла
И стала бы объ ней, прощаясь, говорить.

Предъ днемъ разлуки той, вечернею порою,
Послѣдніе часы пусть въ ласкахъ протекутъ;
Когда жь настанетъ мигъ разстаться мнѣ съ тобою,
Пусть руки милыя мнѣ яду подадутъ.

Къ устамъ твоимъ прильнувъ, сомкну невольно вѣки,
Когда лишь только смерть закроетъ ихъ рукой;
Пускай роскошно я засну тогда на вѣки,
Смотря въ твои глаза, цѣлуя образъ твой.

А послѣ многихъ дней, когда промчатся лѣта
И мнѣ придется вновь, изъ гроба вставъ, ожить,
Ты вспомни своего уснувшаго поэта
И низойди съ небесъ, чтобъ друга пробудить.

И снова положи меня на грудь ласкай,
И снова мнѣ свои объятія открой,
Чтобъ думалъ я, возставъ, что только мигъ дремалъ я,
Смотря въ твои глаза, цѣлуя образъ твой.

XIII.

Къ Д. Д.

О, еслибъ ты лишь день въ душѣ моей была!
Зачѣмъ же день? Тебѣ я не желаю зла;
Нѣтъ, только часъ одинъ, счастливое созданье, —
И тутъ впервые ты узнала бы страданье.
Всѣ чувства, какъ въ огнѣ; всѣ мысли, какъ во мглѣ:
То гнѣвъ проводитъ вдругъ мнѣ складки на челѣ,
То тихая печаль задумчивость приманитъ,
То сожалѣніе слезою взоръ туманитъ—
И ты бѣжишь меня, чужда моей борьбѣ,
Или скучать со мной не хочется тебѣ...
Не знаешь ты меня: такъ страсть меня измяла.
Нѣтъ, въ глубь души моей ты загляни сначала;
На днѣ ея найдешь не мало перловъ ты:
Тамъ есть чувствительность, тамъ много доброты
И той фантазіи, съ которой передъ нами
Тернистый путь покрытъ роскошными цвѣтами.
Ты не замѣтила?.. Но вспомни, и на днѣ
Морскомъ, въ ужасный штормъ, при молнійномъ огнѣ,
Не видно въ глубинахъ невѣдомыхъ, завѣтныхъ,
Красивыхъ раковинъ, кораллловъ самоцвѣтныхъ.
Такъ прежде, нежели осудишь ты меня,

Дождися свѣтлаго и радостнаго дня... .
Когда, увѣренный въ твоей любви, пріязни,
Я не таилъ въ душѣ мучительной боязни,
Что будетъ и въ тебѣ довольно перемѣнъ,—
(Не разъ ужь мнѣ страдать случалось отъ измѣнъ!)
Какъ духъ, по манію властительной десницы,
Желалъ бы выполнить всѣ думы чаровницы,
Но что же если бы твой подданный вдругъ сталъ
Властителемъ твоимъ? Чего бы пожелалъ,
Что повелѣлъ бы онъ?... Ты вправѣ разсмѣяться...
Хоть гордость не велитъ, но надобно сознаться:
Онъ пожелалъ бы быть всегда твоимъ слугой —
И не было, и нѣтъ въ немъ прихоти другой.
Да и чего, скажи, еще желать мнѣ больше?
Чтобъ пробыла со мной одной минутой дольше?
Чтобъ искренній совѣтъ порою приняла,
Оправить волосы иль платье—и была
Со мною, позабывъ весь кругъ заботъ домашнихъ
Для пѣсенъ новенькихъ и клятвъ моихъ всегдашнихъ...
Все это выполнить большаго нѣтъ труда,
Лишь стоитъ захотѣть: пожертвуй иногда
Терпѣнья часомъ мнѣ и получасомъ скуки,
Одной минутою загадочной науки
Притворства женскаго; я вѣрю такъ легко:
Дремли, умчись мечтой крылатой далеко—
Не стану объяснять задумчиваго взгляда:
Лишь благо въ немъ читать—одна моя отрада!
Всю будущность мою отдавъ тебѣ во власть,
Сложилъ бы я на грудь твою мой разумъ, страсть...
И сердце бѣдное, забывъ о всемъ, что было,
Съ тобой и для тебя лишь билось бы и жило;

И дикій мой порывъ, что мной повелѣвалъ,
Исчезъ бы вдругъ, какъ соръ изъ лодки, если валъ,
И внизъ, и вверхъ ее бросаетъ надъ пучиной...
И тихо бы неслись мы голубой равниной.
Пускай бы грозный валъ порой на ней кипѣлъ —
Сиреною надъ нимъ всплывалъ-бы я, и пѣлъ...

XIV.

Часъ.

(Элегія).

Бывало, какъ настать былъ долженъ этотъ часъ,
Отъ циферблата ты не отводила глазъ,
И мнилось, стрѣлку тутъ, что шла съ обычной лѣнью,
Ты взоромъ нудила къ быстрѣйшему движенью;
Твой напряженный слухъ сквозь общій шумъ готовъ
Былъ уловить вдали мой шорохъ, звукъ шаговъ;
День состоялъ тогда изъ одного лишь часу:
Я въ память врылъ его глубоко—для запасу,
И помню: билась грудь въ теченіе его
Сильнѣй—не у меня лишь только одного!
Вкругъ часа этого, стремясь къ нему сердечно,
Какъ Иксіонъ, вращалъ свою я душу вѣчно:
Пока онъ не пришелъ—весь день его я ждалъ;
Прошелъ онъ—цѣлый день о немъ я размышлялъ,
Припоминая все, и что, и какъ тутъ было;
Всѣмъ, каждой мелочью тутъ сердце дорожило;
Каковъ пріемъ былъ твой? какъ начатъ разговоръ?
Какъ горькое словцо ввернулось: вышелъ споръ—

Размолвка—и потомъ—блаженство примиренья!
Причина моего порою огорченья
Была въ глазахъ моихъ мгновенно прочтена;
Коль просьбы я имѣлъ—одна упреждена,
Другая съ языка слетѣть не успѣвала:
Я только начиналъ—ты кончить не давала...
«Ну—завтра» думаю, а завтра тоже вновь.
Подчасъ я, раздраженъ, сердито морщилъ бровь
И вмигъ улыбкой былъ твоей обезоруженъ;—
Порой, когда тебѣ былъ гнѣвъ мой обнаруженъ,
Ты вспыхивала тожь—и я у милыхъ ногъ
Просилъ прощенія. Я въ памяти сберегъ
Твой каждый бѣглый взглядъ и словъ твоихъ всѣ звуки,
Всѣ наши общія и радости и муки,—
И жадно зрѣніемъ душевнымъ углубясь
Въ картину прошлаго, дрожу я, какъ подчасъ
Дрожитъ надъ грудами своихъ сокровищъ милыхъ
Скупецъ, что видомъ ихъ насытиться не въ силахъ.
Тотъ часъ... имъ прошлое отъ будущаго я
Отрѣзалъ;—началъ имъ я въ сферѣ бытія
Дни лучшіе свои, да имъ и кончилъ тоже
Тѣ дни, что были мнѣ всѣхъ прочихъ дней дороже.
Мнѣ въ ткани жизненной, подъ грязной суетой,
Тотъ часъ единою былъ нитью золотой,
Къ которой червякомъ прильнувъ, я обмотался
Самъ ею весь кругомъ—и такъ навѣкъ остался.
Теперь... свѣтило дня на томъ же мѣстѣ вновь;—
Бьетъ тотъ-же самый часъ... Но гдѣ-жь твой взоръ, любовь
И мысль твоя? Теперь—рука твоя готова
Жать руку—не мою; теперь къ челу другаго

Ты прикасаешься устами; грудь твоя,
Грудь, гдѣ отвѣтному внималъ біенью я,
Біеніемъ своимъ отвѣтствуетъ другому. —
И если-бъ довелось удару громовому
Меня передъ твоимъ порогомъ поразить —
Быть можетъ, съ нимъ тебя ему-бъ не раздѣлить!

Уединеніе! Тебя презрѣвъ, покинулъ
Я въ этотъ самый часъ. Срокъ заблужденья минулъ—
И возвращаюсь вновь къ твоей святынѣ я:
Такъ отвлекается приманками дитя
На мигъ одинъ— къ чужимъ, но вскорѣ средь рыданій
Вновь тянется къ своей кормилицѣ иль нянѣ.
Я каюсь. Счастія приманка такъ сильна!
Хоть знаешь напередъ, какъ любитъ лгать она,
А увлекаешься. Быть можетъ, и заглохнетъ
Негодный пламень тотъ! Тѣхъ слезъ и слѣдъ осохнетъ!
Надѣюсь — время мнѣ поможетъ: въ день-изъ-дня
Скрѣплюсь я, гордое молчаніе храня...

Надежды дальнія!... Хочу искать забвенья
Я въ полѣ, въ воздухѣ, средь воднаго движенья,—
Погода такъ ясна!... Зачѣмъ же я нейду?
Дверь скрипнула: отъ ней посланника я жду,
И, мнится, ужь глаза склонилъ я надъ строкою,
Начертанной слегка измѣнницы рукою. —
Не знаю самъ—зачѣмъ?—часы свои я взялъ,
Взглянулъ,—рванулся вдругъ— и у порога сталъ:
Ахъ! То завѣтный часъ! Привычка!

Такъ, кто гробу
Былъ долженъ уступить любимую особу,
Сквозь горесть тяжкую и вѣчный трауръ свой
Вдругъ увлекается обманчивой мечтой
И, позабывъ на мигъ о бѣдственной потерѣ,
Въ привычный часъ спѣшитъ къ ея жилищу, къ двери,
Бѣжитъ.... вотъ добѣжалъ... ступилъ черезъ порогъ
И вдругъ очнулся... Ахъ! — и хлынулъ слезъ потокъ.

XV.

Въ день отъѣзда.

Ну что-жь, что ѣду я? Во мнѣ вѣдь мало нужды
Живущимъ здѣсь: они душой своей мнѣ чужды.
Мой выѣздъ никому не въ трауръ. Ни одной
Слезы и не хочу я вызывать собой.

Зачѣмъ-же грустно мнѣ?... Къ отъѣзду все готово.
Но, выбравшись совсѣмъ, зачѣмъ вхожу я снова
Въ пустыя комнаты, какъ будто нѣчто тамъ
Забылъ я, — и мой взоръ блуждаетъ по стѣнамъ
Пріятельскимъ, и къ нимъ, въ коснѣніи печальномъ
Вновь обращается съ привѣтствіемъ прощальнымъ?
Ахъ! Сколько разъ онѣ съ терпѣніемъ нѣмымъ
Внимали, по утрамъ и по ночамъ, моимъ
Вздыханіямъ, когда невольно мнѣ вздыхалось!
У этого окна какъ часто мнѣ случалось
Сидѣть по вечерамъ и грустно изъ него
Выглядывать, искать.... Богъ вѣдаетъ — чего?

Однообразные все виды и явленья
Надоѣдали мнѣ, и, скукою томимъ,
Порой пускался я ходить до утомленья

И эхо пробуждать хожденіемъ своимъ,
Ото дверей къ дверямъ движенье совершая
И въ тактъ подъ маятникъ висѣвшихъ тутъ часовъ
Созвучно подводя и строго соглашая
Съ его качаніемъ размѣръ моихъ шаговъ
Иль, выполняя вновь ту-жь самую продѣлку.
Случалось иногда прислушиваться мнѣ
Къ стѣнному червячку, забившемуся въ щелку,
Что, мнилось, тукъ-тукъ-тукъ, стучится въ дверь ко мнѣ.

Возница ждать усталъ. Ужь близокъ часъ разсвѣта.
Поѣдемъ! — Какъ вступилъ сюда я безъ привѣта,
Такъ мнѣ и выѣзжать приходится: къ пути
Никто не скажетъ мнѣ сердечнаго «прости!»

Я помню: смолоду — откуда ни случалось
Мнѣ выѣзжать—«прощай!»—повсюду раздавалось;
Друзья, пріятели и милая моя
Меня напутствуютъ, бывало; долго я
Ихъ слышалъ голоса, бывало, изъ-за лѣсу,
Тогда какъ даль свою простерла ужь завѣсу,
Ихъ скрывшую отъ глазъ, — и плакалъ я тогда,
Но — сладко плачется въ тѣ юные года —
Не то, что въ старости! старикъ.... охъ!... тяжко плачетъ;
Да ежели судьба и умереть назначитъ
Иному въ юности — онъ гаснетъ въ цвѣтѣ лѣтъ
Съ отрадою въ душѣ: имъ не извѣданъ свѣтъ;
Онъ мыслитъ вѣчно жить въ душахъ роднаго круга,

Въ груди своей жены и въ вѣрномъ сердцѣ друга, —
А разувѣренный во всемъ уже старикъ
Питаться лестными надеждами отвыкъ
И мѣста не даетъ много-сулящей вѣрѣ
Въ чудесное: его ни въ сверхжитейской сферѣ,
Ни въ человѣчествѣ — не допускаетъ онъ:
Онъ знаетъ, что умретъ — и будетъ заключёнъ
Въ могилѣ цѣликомъ. — Какъ по цвѣтному лугу
Носимый вѣтромъ пухъ увядшаго цвѣтка,
Который наконецъ попалъ подъ злую вьюгу
И съ вѣтки высохшей снесенъ издалека, —
Хоть и встрѣчается съ благоуханной розой,
Гдѣ радъ-бы отдохнуть—все жмется, подъ угрозой
Дыханья бурнаго, готоваго сорвать
Его съ цвѣтка любви и далѣе угнать, —
Носился такъ и я, безвѣстный, чуже-лицый,
Чуже-именный, здѣсь по шумнымъ площадямъ
И улицамъ.... Моимъ встрѣчались тутъ глазамъ
Порой прекрасныя и дамы и дѣвицы, —
Хотѣли знать, кто я.... зачѣмъ? Чтобъ наконецъ
Сказать, что я — чужой, невѣдомый пришлецъ!...
За мотылькомъ бѣжитъ и гонится ребёнокъ,
Пока онъ издали глазамъ его блеститъ,
Но — онъ его поймалъ, и пальцы злыхъ рученокъ
Сжалъ — и пустилъ потомъ: пусть далѣе летитъ!
Лети! Остатокъ крылъ спасенъ для поворота.
Лети!... Но съ этихъ поръ не повышай полета!

XVI.

Греческая комната

(въ домѣ княгини Зинаиды Волконской, въ Москвѣ).

Въ потемкахъ попиралъ стопою я несмѣлой
Гебэновый паркетъ. *Она,* въ одеждѣ бѣлой,
Передо мной идетъ; и я за ней слѣжу:
Какъ звѣздочка она ведетъ меня.... Вхожу....
Гдѣ я? Иль переплылъ я черезъ воды Леты?
Иль Геркулана здѣсь передо мной скелеты?
Гигантской муміи я вижу-ль здѣсь черты?
Нѣтъ! Весь тутъ древній міръ, велѣнью красоты
Покорный, на ея властительное слово,
Изъ праха поднялся, хоть и не ожилъ снова.
Волшебный этотъ міръ — изъ мозаики весь.
Искусства образецъ — обломокъ каждый здѣсь,
Величья памятникъ.

Нога моя боится
На камни наступать: мнѣ въ нихъ святыня зрится.
Вотъ — дивный барельефъ! и у моихъ здѣсь ногъ
Изъ камня этого выглядываетъ богъ!
Въ несвойственной ему теперь являясь сферѣ,
Онъ гнѣвенъ на людей, въ обиду древней вѣрѣ

Здѣсь попирающихъ ногами ликъ его,
И, чувствуя весь гнетъ позора своего,
Онъ ненавидитъ ихъ, оковъ своихъ стыдится
И, кажется, готовъ отъ взоровъ затаиться
Въ той глыбѣ мрамора, откуда въ міръ людской
Былъ вызванъ нѣкогда ваятеля рукой.

Здѣсь кистью и рѣзцомъ украшенный на диво
Я вижу саркофагъ; — онъ царскій прахъ ревниво
Былъ долженъ укрывать, чтобъ доступа глазамъ
Тутъ дерзкимъ не было, — и саркофагъ тотъ самъ
Теперь едва-ль не прахъ: ему нужна гробница. —
Что это?.. Голова колонны! Отвалиться
Ей было суждено отъ тѣла своего
И, въ искаженіи, лежать здѣсь безъ него
Разбитой чашею, у ногъ, подъ слоемъ пыли,
Подобно черепу, что тлѣетъ на могилѣ.

А тутъ — отъ старости ужь еле на ногахъ —
Какой-то обелискъ, возникшій въ тѣхъ мѣстахъ,
Что были нѣкогда отчизной Мисраима,
И надпись чудная на этомъ камнѣ зрима:
Утраченный языкъ! Рѣчь сфинксовъ! Вотъ она!
Въ іероглифы здѣсь, быть можетъ, введена
И мысль глубокая; но мысль подъ ихъ покровомъ
Спитъ летаргически, не выражаясь словомъ—
Тысячелѣтья спитъ, какъ мумія, она,
Что въ бальзамичный гробъ навѣкъ заключена —
Безъ поврежденія лежитъ въ своей могилѣ —
Цѣлехонька, — но встать, воскреснуть ужь не въ силѣ.
Не только что твои творенья, человѣкъ,

Грызетъ шагающій во слѣдъ за вѣкомъ вѣкъ,
Но даже міръ стихій злымъ зубомъ постепенно
Сѣдое время ѣстъ. — Вотъ — камень драгоцѣнной!
И блескомъ взоры онъ, и цвѣтомъ поражалъ
Въ теченіе вѣковъ, — но блескъ свой отлежалъ
Въ могильномъ онъ пескѣ — и что-же? Обезсилѣлъ!
Свѣтъ, заключавшійся въ его составѣ, вылилъ
Онъ безъ остатка весь; настала череда —
И этотъ камень — вотъ — померкшая звѣзда!
Среди обломковъ цѣлъ остался ликъ Сатурна,
И близъ него цѣла коринѳской бронзы урна:
Изъ нѣдръ ея мнѣ лучъ блеснулъ какой-то.... Вотъ!
Смотрю: не геній-ли Эллады востаетъ
Изъ мертвыхъ?... Это — *онъ!* *) Онъ чуждъ еще безсилья;
Глаза его горятъ, и радужныя крылья
Приподымаются, и всѣхъ онъ тутъ кругомъ —
И дремлющихъ боговъ, и нимфъ, объятыхъ сномъ —
Роскошно освѣтилъ, и Нимфы путеводной
Облилъ сіяньемъ ликъ, надъ всѣми превосходный.

О, пусть всѣ божества во прахѣ вѣковомъ
Спятъ вѣчно бронзовымъ и мраморнымъ ихъ сномъ.
Проснись лишь только ты, богъ маленькій, крылатый!
Проснись! Взгляни, какъ милъ мой женственный вожатый!
Шалунъ! Отъ персей ты Венеры ускользнулъ,
Да въ гроздья алыя впился и тамъ уснулъ

*) Поэтъ разумѣетъ Амура или Эрота.

Великій грѣхъ — тебя безъ жертвоприношенья
Оставивъ, миновать.... О Нимфа, подъ вожденье
Меня пріявшая! Будь набожна, какъ я!
Помолимся!.... И вотъ — одна рука моя
Простерлась въ этотъ мигъ къ Эроту, а другая....
Увы! Суровый взоръ мнѣ Нимфа путевая
Вдругъ бросила — и я, съ поникнувшимъ челомъ,
Былъ словно пораженъ Меркурія жезломъ,
И ужь взлетѣвъ душой въ чертоги упоенья,
Былъ изгнанъ за порогъ надеждъ безъ сожалѣнья.
Что-жь я скажу потомъ, вернувшись въ дальній край?
Увы!.... Скажу, что былъ на пол-дорогѣ въ рай
Я съ полу-сумрачной душою, полу-ясной, —
Что райскій разговоръ ужь слышалъ полу-гласный,
Въ свѣтъ съ тѣнью пополамъ внеслась душа моя·
Испытывалъ — увы! — лишь полъ-блаженства я...

XVII.

Морлахъ въ Венеціи *).

Когда я истратилъ послѣдній цехинъ
И былъ я обманутъ красоткою горской,
«Димитрій!»— сказалъ мнѣ изъ Влаховъ одинъ,—
«Что грустенъ? Пойдемъ-ка мы въ городъ примор-
ской!
Красавицъ увидимъ въ его мы стѣнахъ,
А денегъ тамъ больше, чѣмъ камней въ горахъ.

Въ шелку тамъ да въ золотѣ каждый солдатъ;
Пьютъ воины славно, живутъ молодцами,—
Накормятъ тебя, напоятъ, наградятъ
И пустятъ домой—не съ пустыми руками;
Кинжалъ золотымъ ты прицѣпишь снуркомъ,
И курткой блеснешь съ золотымъ галуномъ.

Въ село-ли ты выйдешь? Замѣтятъ дружкà
Красотки—и къ окнамъ прихлынутъ толпами;
Ты пѣсенку только затянешь слегка—
Тѣ всю тебѣ шапку засыплютъ цвѣтами.
Димитрій! Пойдемъ на суда! Поплывемъ!
Да тамъ поселимся—и какъ заживемъ!»

---

*) См. примѣчаніе—въ концѣ этого тома.

Глупецъ! Я повѣрилъ; родимый пріютъ
Оставилъ, и — горецъ — я втянутъ былъ адомъ
Въ корабль бѣлокаменный тотъ, что зовутъ
Венеціей: хлѣбъ отозвался мнѣ ядомъ;
Мнѣ душно; тамъ — дома — покинута мной
Свобода; здѣсь мучусь, какъ песь я цѣпной.
Я—къ дѣвушкамъ краснымъ, а тѣ на-смѣшки
Мой выговоръ тутъ поднимаютъ суровый.
Здѣсь даже и горцы—мои земляки—
Языкъ и обычай усвоили новый.
Я — кустъ, пересаженный лѣтней порой:
Измялъ меня вихрь,—изсушилъ меня зной.
Знакомцевъ встрѣчаешь, бывало, въ горахъ, —
Пріятелей видишь: душѣ веселѣе!
Привѣтное слово у встрѣчныхъ въ устахъ:
А! здравствуй! Здоровъ-ли ты, сынъ Алексѣя?»
А здѣсь я — какъ мошка, что вѣтеръ схватилъ
Въ лѣсу, въ прудъ забросилъ, и плавать пустилъ!

Къ . . . . .

Альпы. Сплюгенъ.

Нѣтъ! Вѣрно суждено всегда намъ быть вдво-
емъ!
Я моремъ-ли плыву, иду-ль сухимъ путемъ —
Ты тутъ-же.—Здѣсь, гдѣ льдовъ воздвигнута гро-
мада,
На нихъ блестящій слѣдъ твой вижу я:—порой
Обворожительный, небесный голосъ твой
Я въ шумѣ слышу здѣсь Альпійскаго каскада;
Власы подъемлются, когда я оглянусь...
И чаю образъ твой увидѣть — и боюсь...

Неблагодарная! Когда я здѣсь - въ горахъ,
Взлетѣвшихъ къ небесамъ—подъ самый куполъ
звѣздный,
Или, всходя, тону въ туманныхъ облакахъ,—
Когда съ трудомъ держусь на льду при скользкомъ
шагѣ,
И, снявъ рукой съ рѣсницъ пушинку мерзлой
влаги,
Ищу межъ тучами звѣзды полярной я,
Литвы, и твоего жилища,— и тебя,—

Неблагодарная,—быть можетъ, въ это время—
Царица праздника—ты въ танцахъ передъ всѣми
Блистаешь первою,—иль новую любовь
Въ утѣху взявъ себѣ и забавляясь вновь,
Съ улыбкой о любви разсказываешь нашей...
Скажи, счастливѣе-ль ты стала оттого,
Что подчиненные, предъ Милостію Вашей
Склоняя головы, ждутъ взора твоего?
Ты ближе-ль оттого теперь къ границѣ счастья,
Что засыпаешь ты подъ шопотъ сладострастья
И просыпаешься, когда твой долгій сонъ
Веселымъ кликомъ вновь и шумомъ прекращенъ?
Уже-ли ни одно тебя воспоминанье
Не потревожило? Уже-ли бъ не была
Ты счастлива, когда-бъ удѣлъ мой приняла
На долю и себѣ—любовь въ глуши, въ изгнаньѣ?..

Тебя-бъ я за руку по этимъ велъ скаламъ,
Твой слухъ-бы услаждалъ въ дорогѣ нѣгой пѣнья;
Гдѣ встрѣтился потокъ—я кинулся-бъ къ водамъ
И положилъ тебѣ на переходъ каменья,
Что-бъ переправилась ты, не смочивши ногъ;
Я ручки-бы твои отъ холода сберегъ
Подъ поцѣлуями;—нашлась-бы намъ и хатка,
Куда-бы мы вошли и отдохнули сладко
У горца добраго; могли-бъ и сѣсть, и лечь;
Я свой дорожный плащъ сейчасъ-бы сбросилъ съ плечъ
И обвернулъ тебя, а ты-бъ ко мнѣ склонилась
Передъ пастушескимъ, домашнимъ огонькомъ
И, утомленная, уснула-бъ крѣпкимъ сномъ
И на моемъ плечѣ поутру-бъ пробудилась!

Къ моему чичероне въ Римѣ.

(Генріэттѣ А.)

Мой чичероне! Здѣсь вижу я странника имя
Чуждое мнѣ, некрасивое: онъ здѣсь его
Въ знакъ начерталъ, что присутствовалъ нѣкогда
въ Римѣ.
Знать-бы я крайне желалъ что-нибудь про него.

Можетъ быть—вскорѣ волна его бурная смоетъ
Съ поприща жизни,—иль прахъ въ темномъ лонѣ
Жизнь, и дѣла его всѣ, и заслуги сокроетъ,
И никогда ничего не узнаешь о немъ.

Я угадать-бы хотѣлъ, что онъ чувствовалъ, мыс-
лилъ,
Имя на память свое въ твою книжку внося
Въ свѣтлой Италіи... Можетъ быть, странникъ
разчислилъ.
Что обозначится этимъ и жизнь его вся?
Съ дрожью-ль въ рукѣ онъ, сперва все обдумавъ
прилежно,

Имя то тихо чертилъ, какъ надгробье въ скалѣ?
Или-жь, какъ слезку прощанія, бросилъ небрежно

Надпись онъ эту, къ иной отъѣзжая землѣ?
Мой чичероне! Дитя ты—чертами своими,

Разумъ-же старца чело твое кажетъ вполнѣ;
Между гробницъ ты и храмовъ и древностей въ Римѣ
Ангеломъ былъ путеводнымъ—хранителемъ мнѣ.
Ты проникаешь въ сердца неземнымъ своимъ глазомъ:

Взглянешь—и прошлое все прочтено тобой разомъ.
Ахъ! Ужь и будущность всю пилигрима равно,
Можетъ быть, знать тебѣ также дано!

XX.

Дерева благоухаютъ.

Дерева благоухаютъ;
Воды блещутъ яснымъ лономъ;
Птички сладко распѣваютъ;
Стрекоза жужжитъ съ призвономъ.

Что-же, съ думою своею,
Я грущу, весны не чуя?
Ахъ! Я сердцемъ сиротѣю:
Съ кѣмъ пиръ вешній раздѣлю я?

Передъ домомъ, въ сумракъ тонкой —
Чу!—напѣвъ... и кто-то брякнулъ
По струнамъ гитары звонкой:
Я открылъ окно — и всплакнулъ.

То съ любовью менестрели
Пѣснь любви поютъ, ликуя:
Пѣснь ихъ сладостна, — но — мнѣ-ли?
Съ кѣмъ напѣвъ ихъ раздѣлю я?

Горе я успѣлъ извѣдать;
Но — скиталецъ — тяжкой были

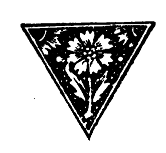
Никому не могъ повѣдать,
И замкну ее въ могилѣ.

Предъ свѣчой, какъ день затмится,
Сложа руки, возсѣдаю...
Часомъ въ мысляхъ пѣснь творится,
Часомъ я перо хватаю.

Мысль—что красная дѣвица!
Пѣснь — что сладость поцѣлуя!
Но душа моя— вдовица:
Съ кѣмъ ту пѣсню раздѣлю я?

Мысль родится, звукъ родится,
Но — душа полна слезами;
Грустно ей; она — вдовица —
Видитъ дѣтокъ сиротами.

При погодѣ самой ясной
Давитъ странника кручина —
Отъ того, что онъ, несчастный,
И вдовецъ, и сиротина.

XXI.

Къ уединенію.

Уединеніе! Къ тебѣ стремлюсь я жадно.
Средь жизненныхъ жаровъ мнѣ душно; я усталъ.
Ты—словно въ зной вода: чтобъ стало мнѣ прохладно —
Кидаюсь я въ глубокій твой кристаллъ.

Ныряя въ мысляхъ, я надъ мыслями всплываю,
Играю мыслями, и ихъ, какъ волны, бью, —
И, снова утомленъ, на краткій сонъ слагаю
Я персть остывшую мою.

Не ты-ль—стихія мнѣ? Вдали отъ сферы жгучей
Ты сердце мнѣ свѣжишь, мрача разсудокъ мой.
Зачѣмъ-же долженъ вновь я рыбою летучей
Скакать на воздухъ—вверхъ, гдѣ солнышко и зной?

Внизу мнѣ холодно, а сверху — жаръ, истома!
Стихіи—двѣ; но въ нихъ—обѣихъ—я не дома.

„Когда лишь призракъ мой“ и т. д.

Когда лишь призракъ мой тутъ среди васъ сидитъ,
Глядитъ вамъ всѣмъ въ глаза и громко говоритъ,
Душа моя тогда далёко, ахъ. далёко,
Скитается, полна упрека, ахъ, упрека!

Есть край родной, гдѣ мысль познала божество,
Гдѣ сердца моего безчисленно родство:
Мой край чудеснѣе, чѣмъ тотъ, что предъ очами,
Родня милѣй всѣхъ тѣхъ, кто породнился съ нами...

Туда я отъ трудовъ, заботы и забавъ
Бѣгу, подъ елями высокими скрываюсь,
Лежу тамъ въ густотѣ благоуханныхъ травъ,
За насѣкомыми и птичками гоняюсь;

Любуюсь, какъ съ крыльца красавица идетъ,
Къ намъ въ лѣсъ: по зелени луговъ она порхаетъ,
Купается въ волнахъ хлѣбовъ, какъ въ лонѣ водъ,
И утренней зарей съ высотъ для насъ сіяетъ.

*
* *

Ахъ, льются такъ слезы нѣмыя, святыя,
Къ тебѣ, мой вѣкъ дѣтскій, вѣкъ майскій, вѣкъ
райскій,
Къ тебѣ, мой вѣкъ юный неволи, недоли,
Къ тебѣ, мой вѣкъ зрѣлый, гдѣ горе, какъ море.
Ахъ льются тѣ слезы нѣмыя, святыя...

XXIII.

Любимецъ ангеловъ.

Любимецъ ангеловъ —я много ихъ встрѣчалъ;
Ихъ глазокъ много мнѣ, какъ звѣздочекъ, мель-
кало, —
И, утопающій, бывало,
Я много ручекъ ихъ прелестныхъ пожималъ,
Но сердце сердца не встрѣчало.
Въ тѣ годы, не щадя для милыхъ ничего,
Рукою щедрою немало
Я выдалъ сердца своего,
Какъ юный мотъ, въ теченьи часа
Готовый вынуть все изъ своего запаса,
И ничего потомъ онѣ —
Должницы милыя—не возвратили мнѣ.
Кто-жь обвинитъ меня, что испытавъ потерю,
Я скупъ и остороженъ сталъ?
Прощайте, ангелы! Теперь ужь я не ввѣрю
Вамъ свой послѣдній капиталъ.
Я, взявъ изъ кладовой всю долю остальную,
Все въ землю врыть готовъ. Прочь траты!
Старость чую
Не то—лишенному всего уже вполнѣ
Пришлось бы нищенствовать мнѣ.

Нашелъ я ангела, котораго упрёку
Я не подвергнулъ-бы.... Вмѣнивъ платежъ въ законъ,
Все выплатилъ-бы онъ, и съ лихвою, и къ сроку,
Нашелъ я: въ небѣ онъ.

XXIV.

Грозно склонясь.

Грозно склонясь надъ водами,
Скалы воздвиглись рядами:
Въ зеркалѣ влаги прозрачно́й
Очеркъ ихъ видится мрачный.

Смутно вдали надъ водами
Тучи несутся съ дождями:
Въ зеркалѣ влаги хрустальной
Виденъ ихъ образъ печальный.

Рѣзко надъ тѣми-жъ водами
Молніи вьются змѣями,
И, отражаясь въ знакомомъ
Зеркалѣ, падаютъ съ громомъ;
Воды, лишь блескъ ихъ отбили,
Стали вновь тѣ-же какъ были.

Жизнь моя — во́ды въ движеньи
Молніи въ ихъ отраженьи,
Скалы и тучи — все зримо;
Все отразится—и мимо!

Скалы... Данъ видъ имъ грозящій.
Тучи... Имъ — дождь всекропящій;
Молніямъ—съ громомъ паденья;
Мнѣ-же—теченье, теченье.

ОТДѢЛЪ V.

Іоахиму Лелевелю.

По поводу начатыхъ имъ въ Виленскомъ университетѣ 6-го января 1822 года чтеній курса всеобщей исторіи.

О Лелевель, тебя мы всѣ устали ждать
И съ радостью теперь привѣтствуемъ опять,
Когда явился ты къ своимъ единовѣрцамъ,
Чтобъ просвѣщать умы, мирить разсудокъ съ сердцемъ.
Ахъ, не того любить родимый край привыкъ,
Кто остроуміемъ извѣстности достигъ
И передъ кѣмъ въ дугу книгопродавецъ гнется;
Но тотъ дороже намъ, въ которомъ сердце бьется
Любовью къ родинѣ, кто заслужить вѣнокъ
Лавровый личными достоинствами могъ.
Таковъ ты, Лелевель, и—справедливъ я буду—
Друзей и истину находишь ты повсюду,
Ты юноша почти, но въ жизненной борьбѣ
Сѣдые старики завидуютъ тебѣ,
И имя славное твое извѣстно стало
Въ Германіи, подъ дальнимъ небомъ Галла,
А то, что ты въ Литвѣ очаровалъ умы,
Рукоплесканьями доказываемъ мы.

Въ аудиторіи, въ знакомой всѣмъ намъ залѣ,
Давно рѣчей твоихъ мы вѣщихъ не слыхали.

Вновь изуми теперь своихъ учениковъ,
Какъ прежде изумлялъ, когда изъ тьмы вѣковъ
Ты вызывать умѣлъ волшебнымъ даромъ слова
Героевъ Грецiи и Рима, вставшихъ снова
Изъ гроба. Мысль твоя ихъ воскрешать могла,
Плутона шлемъ спадалъ съ ихъ гордаго чела [1])
И панцыри съ груди, таившей въ дни былые
Желанья, помыслы ихъ добрые и злые.
Вотъ Персовъ грозный бичъ [2]), вотъ и Платонъ мудрецъ!
Открытъ намъ лабиринтъ ихъ думъ и ихъ сердецъ.
Здѣсь искра свѣта, тамъ могучей власти сѣмя:
Когда для нихъ вполнѣ благопрiятно время —
Отъ искры зарево расло, а изъ сѣмянъ
Рождался, цѣлый мiръ дивившiй, великанъ.
Такъ генiи царятъ по смерти надъ живыми
И все прошедшее блѣднѣетъ передъ ними
И даже въ будущемъ, грядущихъ дней народъ
Живетъ ихъ отблескомъ иль чувствуетъ ихъ гнетъ;
Но одинаково достойно — мiромъ править
И жизнь властителей въ живыхъ чертахъ представить.

Во прахъ стираются нерѣдко города
И истребляютъ ихъ огонь или вода;
Живыхъ свидѣтелей такихъ событiй много,
А кто ихъ разъяснитъ? Не всякiй, если строго

---

1) Шлемъ Плутона дѣлалъ невидимыми тѣхъ, которые его носили. *Примѣч. автора.*

2) Александръ Великiй. *Примѣч. автора*

Разсудимъ мы. Затѣмъ еще труднѣй найти
Людей, которые, сбирая по пути
Матеріалъ, нашли безъ уклоненій ложныхъ
Причину общую явленій всевозможныхъ,
Изъ нѣдръ земныхъ не разъ вздымавшихъ массу водъ
И дѣлавшихъ на всей землѣ переворотъ.
Стараясь развивать мысль нашу въ томъ-же родѣ,
Отъ мертвой перейдемъ теперь къ живой природѣ,
Гдѣ люди тотъ-же міръ, стихіи — ихъ душа.
Какъ тутъ явленій рядъ понять не погрѣша?
Разнообразье формъ и фактовъ насъ смущаетъ,
Свидѣтельство другихъ мысль только затемняетъ,
А Истина, скупясь на благотворный лучъ,
Не хочетъ выглянуть, какъ солнце изъ-за тучъ.
Мы сказки иногда не отличимъ отъ были,
Въ познаньи истины мы въ дѣтствѣ слѣпы были;
Когда старался глазъ мракъ общій превозмочь,
Тогда спѣшили намъ наставники помочь,
Въ свои очки глядѣть насъ часто заставляли,
Чтобъ глубже и яснѣй мы вещи понимали,
Но цвѣтъ очковъ давалъ и всѣмъ предметамъ цвѣтъ
И рѣдко истины мы познавали свѣтъ,
Стараясь разъяснить всѣ внѣшнія явленья
Ошибками другихъ и собственнаго зрѣнья.
Мы всѣ рабы съ пеленъ. У насъ нѣтъ чувствъ своихъ
И наши мнѣнія беремъ мы у другихъ.
Въ ребячествѣ отцу всѣ дѣти подражаютъ,
Въ дни юности на насъ обычаи вліяютъ,
И мысль, которая намъ кажется своей,
Всосали мы въ себя изъ груди матерей,

Иль отъ наставниковъ у насъ осталось съ дѣтства
Уроковъ прежнихъ ихъ духовное наслѣдство,
И слово, каждое движенье, каждый шагъ
Сейчасъ-же выдаютъ:—кто нѣмецъ, кто полякъ.
А солнце Истины для всѣхъ равно сіяетъ
И съ равной силою міръ цѣлый согрѣваетъ,
Распространяя свѣтъ спасительныхъ идей,
И ближними вездѣ считаетъ всѣхъ людей.
Вотъ почему, трудясь, чтобъ къ истинѣ стремиться,
Обязанъ человѣкъ свободно отрѣшиться
Отъ всякихъ мнѣній, имъ заимствованныхъ, думъ
Чужихъ, которымъ мы всѣ вѣримъ на-обумъ.

Историка зовутъ къ труду такому боги.
Но какъ легко ему свернуть съ прямой дороги,
И только тотъ, кто могъ соединить въ себѣ
И вдохновеніе, и мощный трудъ, въ борьбѣ
Мірскихъ страстей и зла лишь силы почерпая,
Корысти времени ни въ чемъ не уступая, —
Предвидитъ только тотъ грядущее земли,
Иль въ безднахъ прошлаго далекаго, въ пыли
И сумракѣ вѣковъ, презрѣвъ мечты пустыя,
Находитъ истины крупицы золотыя.
О, Лелевель, тобой по истинѣ должна,
Какъ украшеніемъ, гордиться вся страна!
Историкъ, блещешь ты какъ яркое свѣтило
И говоришь—что̀ есть, что̀ будетъ и что̀ было.

Общественная жизнь явилась съ давнихъ поръ:
Тамъ, гдѣ бѣжитъ Евфратъ и до Ливанскихъ горъ,
Среди равнинъ, еще не потерявъ свободы,
Сплотились первые извѣстные народы.

Но скоро ихъ смирилъ тирановъ страшный гнетъ.
И въ городскихъ стѣнахъ въ цѣпяхъ ходилъ народъ
И рабски несъ ярмо неволи въ дни невзгодъ.
Въ другомъ углу земли, стремясь идти впередъ,
Устраивался грекъ, во всѣхъ своихъ пріемахъ
На мирмидоновскихъ похожій насѣкомыхъ [1]),
Который, какъ они, чужіе города
Занявъ, однако ихъ обогащалъ всегда,
И словно муравей, живой, врагъ жизни праздной,
Чужимъ богамъ умѣлъ дать видъ своеобразный;
И, собственныхъ богинь создавши, эллинъ, ты
Воздвигъ Свободы храмъ и храмъ въ честь красоты,
И, ими вдохновясь, свой прославлялъ удѣлъ,
Сражался, разсуждалъ, любилъ, училъ и пѣлъ.
Но вотъ мидійскій мечъ сверкнулъ надъ нимъ. Глубоко
Смутился цѣлый міръ предъ идоломъ востока;
Подъ щелканье бичей карающихъ тогда
Нахлынула со всѣхъ сторонъ рабовъ орда;
Ксерксъ рушилъ города и шелъ впередъ деспотомъ,
Міръ наводнилъ толпой, моря обставилъ флотомъ....
Но вдругъ громъ эллинскій ударилъ, и въ разбродъ
Бѣжало воинство и потонулъ весь флотъ.
Грекъ побѣдилъ и, избѣжавъ погрома,
Сталъ азіятцевъ бить на родинѣ ихъ, дома;
Но, нѣгой заразясь, оружье побросалъ
И самъ, какъ азіятъ лѣнивый, задремалъ.

---

1) Мирмидоняне, потомки Мирмидона, сына Зевсова; по другому преданію, они произошли отъ муравьевъ. *Примѣч. автора.*

Потомки Ромула того какъ-будто ждали
И, слабымъ овладѣвъ, легко его сковали.
Жестокіе, среди своихъ домашнихъ ссоръ
Узнавъ всѣ хитрости, чтобъ поселить раздоръ
Между сосѣдями, поладивъ межъ собою,
Въ дни мира къ новому готовились разбою
И сообща потомъ спѣшили на грабежъ...
Но не всегда враговъ для грабежей найдешь,
И смѣлые борцы, забывъ свои набѣги,
Погрязли въ праздности и утопали въ нѣгѣ.
Предъ Римомъ міръ дрожалъ, а Римъ сковалъ тиранъ;
Римъ изнемогъ, сталъ слабъ, какъ дряхлый великанъ.

Кто-жь бренный, ветхій міръ возбудитъ къ жизни новой?
Ты, Скандинавіи герой и сынъ суровый.
Вотъ въ латахъ сюзеренъ—его ли не узнать?—
Съ копьемъ и четками, готовый пострадать
Во имя женщины, религіи и славы,
Зоветъ къ себѣ на пиръ вассаловъ; для забавы
У дамъ въ рукахъ вѣнки; взявъ лиру, бардъ поетъ,
Фехтуетъ молодежь и одобренья ждетъ.—
Живѣе, чѣмъ у насъ, въ ихъ жилахъ кровь струилась:
На ихъ призывъ съ небесъ сама Любовь спустилась,
Которой не цѣнилъ, не слушалъ какъ глухой,
Ни эллинъ чувственный и ни еврей сухой.
Когда порой законъ сомнѣньемъ колебали,
То словомъ рыцарскимъ они его скрѣпляли.
Спасая отъ обидъ честь милыхъ сердцу дамъ,

Они въ пустыни шли, на встрѣчу всѣмъ бѣдамъ;
Какъ побѣдители рубились паладины
Иль находили смерть подъ небомъ Палестины.
А въ замкахъ ихъ межъ тѣмъ царилъ монаховъ клиръ,
Священникъ въ келью шелъ, чтобъ позабыть весь міръ,
Отъ грома папскихъ буллъ короны упадали,
И римляне опять владычествовать стали,
Пока не поднялся военный грозный станъ,
Чтобъ положить предѣлъ насилію римлянъ.

Въ странахъ, гдѣ есть законъ и правилъ строгихъ сводъ,
Покорны хартіямъ и власти, и народъ;
У англичанъ давно такіе есть законы;
Такія-жь хартіи намъ дали Ягеллоны,
Но есть края, гдѣ все перемѣшалось вкругъ
И равенъ мужику бунтующій барчукъ.
Испанцы далѣе пошли: и край чудесный
Открыли, никому донынѣ неизвѣстный;
Искать сокровищъ тамъ свой посылали флотъ
И угрожали всей Европѣ каждый годъ.
Но планамъ ихъ она настойчиво мѣшала
И, дѣйствуя мечемъ, союзы заключала.
А дипломатія интригами жила
И, какъ полипъ морской, таинственно росла.
Кто дорожитъ собой и всѣмъ, что онъ имѣетъ,
Съ оружіемъ въ рукахъ тотъ задремать не смѣетъ, —
А потому никто другимъ не довѣрялъ,
Пріобрѣтеніемъ позоръ потерь смѣнялъ;
Считая націи своимъ наслѣдствомъ, стали
Ихъ короли дарить, иль просто продавали;

Защитникъ иногда былъ въ то же время врагъ
И произволъ одинъ царилъ, какъ ночью мракъ.

Такъ шли вездѣ дѣла, когда волканъ парижскій
Буря заклокоталъ. Гроза казалась близкой...
Эпоха смутная: тяжелый долгій гнетъ,
Борьба съ папистами, измученный народъ,
Горячность юности, заносчивость дворянства,
Неистовство рабовъ, прогрессъ и шарлатанство...
Какъ нѣкогда земля, зачавъ, произвела
Титановъ, такъ въ тѣ дни, какъ порожденье зла,
Когда Европа вся передъ грозой смутилась.
Ты, революція, какъ гидра появилась. —
Сломить ее тогда хотѣли, раздавить, —
Напрасно! — мстители рождались вновь, чтобъ мстить...
Волненіе росло. Поправъ обломки трона,
Одни въ мечтахъ рвались къ республикѣ Платона,
Другіе же несли богатства въ новый храмъ,
Чтобъ ими въ свой чередъ воспользоваться тамъ,
Когда жь подъ топоромъ враги ихъ умирали,
Они то лили кровь, то кровью истекали.
Вдругъ цезаря орелъ вспорхнулъ изъ ихъ гнѣзда,
И грозныхъ битвъ зажглась кровавая звѣзда,
И хоть лежатъ давно въ могилѣ великаны,
Боятся ихъ тѣней донынѣ всѣ тираны.

О, Лелевель, гдѣ я? Могу-ли воспѣвать
Моря, когда весломъ не въ силахъ управлять?
Ничтожный червь, съ орломъ я думалъ поравняться,
Въ полетѣ мысленномъ съ тобой хотѣлъ тягаться:

Такъ выручи меня, историкъ славный нашъ!
Ты никогда еще, какъ знанья вѣрный стражъ,
Своимъ собратьямъ лгать не позволялъ печатно
И истина всегда была тебѣ понятна;
Своей задачи ты всѣ трудности постигъ
И сладость отъ плодовъ труда вкушать привыкъ.
Скажи же намъ—тебѣ вся зала рукоплещетъ—
Какъ воспарилъ ты въ міръ, гдѣ вѣчно солнце блещетъ?
По вдохновенію, поднявшись на Парнасъ,
Намъ открывай глаза, все видя лучше насъ;
Среди другихъ вѣнковъ цѣнить умѣй ты тоже
Вѣнокъ, предложенный тебѣ отъ молодежи,
И наше хвастовство прости о томъ, что ты
Намъ изъ того вѣнка самъ раздавалъ цвѣты.

Шашки.

(Францу Малевскому.)

Юридическія книжки, Францъ, оставь ты, ради Бога,
Пусть онѣ подъ слоемъ пыли отдохнутъ хотя немного;
Не разсматривай картину человѣческихъ страданій,
Заблужденій и пороковъ и безумныхъ злодѣяній,—
Это зрѣлище печально: сердцемъ вынесемъ немного
Изъ него мы, хоть разсудкомъ будемъ взвѣшивать все строго.
Осуждать легко, хоть каждый не избѣгнетъ укоризны;
Часто самъ законодатель оскорблялъ законъ отчизны.
Локридянинъ, нарушая всѣ свои постановленья,
За вину дѣтей отцовъ ихъ ослѣплялъ безъ сожалѣнья:
Даже тотъ, кто далъ законы, всѣмъ извѣстные на свѣтѣ
На двѣнадцати каменьяхъ,—нарушалъ законы эти.

Но зачѣмъ искать примѣровъ въ прошломъ каждаго народа?

Правду словъ моихъ, конечно, подтвердитъ сама природа.
Въ городахъ законы пишутъ, а въ деревнѣ чище нравы
И законности охотнѣй соблюдаются уставы,
Такъ не лучше-ли въ деревню намъ скорѣе удалиться?
Тотъ далекъ отъ преступленья, кто умѣетъ веселиться.

Если-жь вешнее ненастье удовольствіе отравитъ,
Если-жь сырость или холодъ дома насъ сидѣть заставитъ,
Что̀ мѣшаетъ намъ развлечься мирно дома той порою
И заняться на досугѣ занимательной игрою?
Не такой игрой, конечно, за которой мы скучаемъ,
И, не давъ разсудку пищи, только тѣло утомляемъ
Лишь одни пустые люди съ нескрываемымъ азартомъ
За столомъ играютъ въ кости или страсть имѣютъ къ картамъ;
Цѣль игры подобной—деньги, жажда выигрыша;—смѣло
Игроки къ добычѣ рвутся и судьба рѣшаетъ дѣло.

Для людей серьезныхъ, умныхъ, для людей съ соображеньемъ,
Только шашки служатъ нынче благодарнымъ развлеченьемъ.
Та игра—игра востока; полюбивъ ее, садился
И военному искусству молодой султанъ учился,

Костяныя шашки, словно войско, битвой упражняя,
То ихъ двигая въ атаку, то лукаво отступая,
И испытывая силы непріятельскаго стана,
И наукой — жить на свѣтѣ—были шашки для султана...

Не султаны, не герои,—ужь пора теперь другая:—
Люди кроткіе играютъ нынче въ шашки, избѣгая
Всякихъ шумныхъ развлеченій, игръ, которыхъ имъ не нужно,
И не вѣдая корысти, день кончаютъ мирно, дружно.
Въ ту игру непосвященный—прочь! Онъ долженъ удалиться.
Для такого ратоборства первый встрѣчный не годится.
Чтобъ играть въ игру такую, нужно близко знать другъ-друга,
Совершенно быть подъ пару, какъ любовникъ и подруга.

Францъ! Съ душею очень нѣжной, хоть сухимъ всегда казался,
Ты надъ шашками смѣешься и ни разу не влюблялся,
Такъ позволь-же познакомить мнѣ тебя съ игрою этой,
А влюбиться ты успѣешь, взглядомъ пламеннымъ согрѣтый

Въ платье польское такъ ловко переряженный, о Видо,

Для чего сь твоею кистью я не справлюсь? Вотъ обида!
Сдѣлай такъ, чтобъ я, твой блѣдный копiистъ по подражанью,
Красоту и блескъ придать могъ своему живописанью.
Пусть такъ шашки воспою я и талантливо прославлю,
Что ихъ чтить на бѣломъ свѣтѣ повсемѣстно я заставлю,
А меня пусть тотъ читаетъ терпѣливо и безъ скуки,
Для кого рѣшился храбро я теперь перо взять въ руки.

Знай-же, Францъ, игра такая цѣлый бой изображаетъ,
А для битвы нужно мѣсто, что конечно каждый знаетъ;
Почему для боя площадь отведемъ, на ней устроивъ
Семь дорогъ пересѣченныхъ, какъ арену для героевъ,
Раздѣливши на квадраты двухъ цвѣтовъ всю площадь, чтобы
Войско заняло ту площадь и вступить въ борьбу могло бы.
А когда все поле битвы мы очертимъ безупречно,
Намъ о рыцаряхъ придется позаботиться конечно;
По двѣнадцати на каждой сторонѣ, они дерутся.
Такъ какъ рыцари всѣ пѣши, то пусть *пѣшками* зовутся,
И чтобъ намъ не ошибаться при движеньи ихъ проворномъ,

У однихъ мундиры бѣлы, а другіе въ платьѣ черномъ.
Но хотя они враждуютъ и на нихъ различно платье,
Но стоятъ на черномъ фонѣ тѣ и эти, безъ изъятья.
Хочетъ полкъ съ полкомъ сразиться, храбрость, силу обнаружить,
Рвется взять побольше плѣнныхъ иль враговъ обезоружить,
Шагъ за шагомъ подвигаясь, каждый зорко наблюдаетъ
За противникомъ, движенья всѣ его соображаетъ
И едва замѣтитъ только, что шагнулъ неосторожно
Изъ шеренги рыцарь смѣлый, словно коршунъ, если можно
И порожнее есть мѣсто, онъ шагаетъ дерзновенно
И противника - безумца поразить спѣшитъ мгновенно. —
Ждетъ погромъ или побѣда — невозможно отступленье,
Отступать на полѣ битвы—нѣтъ ужаснѣй преступленья!
Каждый долженъ безпощадно биться такъ или иначе
И въ чужой ворваться лагерь: вотъ игры такой задача. —
Кто въ сраженьи отличился и позицію взялъ силой,
На того вѣнокъ лавровый возлагаютъ руки милой.
И какъ странствующій рыцарь, приготавливаясь къ бою,
На коня сѣвъ, даже даму можетъ онъ везти съ собою;
И пѣшкомъ ходивши прежде, онъ теперь имѣетъ право
Гарцовать верхомъ повсюду и налѣво, и направо.

Если-жь всаднику дорогой попадется врагъ, — понятно
Онъ, убивъ его, ускачетъ на конѣ своемъ обратно;
Такъ трусливый Карлъ поспѣшно удиралъ, поднявшись съ трона
Предъ нашествіемъ возставшихъ и предъ войскомъ Альбіона;
Но когда узналъ, что Жанна д'Аркъ его охраной стала,
То разбилъ онъ и Британцевъ, и бунтующаго Галла.

Защищайся, ставь преграды, въ битвѣ стойкій и упрямый,
Чтобъ противникъ не былъ въ силахъ овладѣть твоею дамой.
Если самъ не пожелаешь дамы брать въ враждебномъ станѣ
И враговъ своихъ осилишь, то скажу тебѣ заранѣ,
Что противниковъ разбитыхъ срамъ великій ожидаетъ,
И по правиламъ игры той, *пасть кота* имъ угрожаетъ.
На свои надѣясь силы, часто вождь въ пылу сраженья
Не заботится о дамѣ и не чуетъ пораженья;
Между тѣмъ его противникъ при пособьи дамы часто
Съ нимъ справляется, наноситъ роковой ударъ —и баста!
Врагъ шатается, роняетъ мечъ изъ рукъ и только стонетъ,
И о немъ его подруга ни слезинки не уронитъ,

Такъ, мечтая о побѣдѣ, умираетъ онъ, плохую
Выбравъ долю, потому что погибаетъ *на-сухую.*
Потому, ты добивайся дамы хитростью иль силой:
Веселѣй вдвоемъ побѣда, да и смерть пріятнѣй съ милой;
Даже въ битвѣ пораженье такъ тебя не озадачитъ,
Если милая подруга горько смерть твою оплачетъ.

Таковы войны законы, здѣсь изложенные кратко.
У народовъ разныхъ, впрочемъ, свой законъ, своя повадка.
Такъ сарматъ неустрашимый, въ храбрость собственную вѣря:
«Разобью, но не измѣной!» говоритъ «не лицемѣря»
Потому грудь-съ-грудью бьется, но не бьетъ бѣгущихъ въ спину,
Хоть-бы врагъ былъ подъ рукою, пораженный въ половину.—
Дама тоже, какъ и рыцарь, безъ скачковъ, но шагъ за шагомъ
Подвигается, сражаясь, но, какъ бы особымъ благомъ
Женскимъ, пользуется правомъ съ поля битвы удалиться
Безъ стыда — такого шага дамѣ нечего стыдиться. —
На мечи и *пушки* смѣло всѣ испанцы налетаютъ,
Атакуютъ прямо съ фронта и вкругъ зорко наблюдаютъ,
Иногда они подкрасться любятъ, спрятавшись въ засадѣ,
И измѣннически могутъ поразить нежданно сзади.

Въ этихъ случаяхъ единымъ взмахомъ остраго булата
Пятерыхъ враговъ лишаютъ разомъ жизни — и тогда-то,
У противниковъ убитыхъ отобравши ихъ доспѣхи,
Отправляются въ свой лагерь безъ боязни и помѣхи.—
Для кастильскихъ *дамъ* законовъ нѣтъ особыхъ и обычно
Дозволяется въ часъ битвы всѣмъ имъ дѣйствовать различно.
Тѣ, которыя добычи всюду ищутъ и къ ней рвутся,
Иногда, чтобъ грабить мертвыхъ, возлѣ труповъ остаются;
Но когда онѣ такъ грабятъ, въ мародерствѣ этомъ ловки,
Пѣшка выскочитъ и разомъ срѣжетъ голову воровкѣ.
Если-жъ *дамы* мертвыхъ бросивъ, удаляются отъ строя
Непріятелей, ловушку для довѣрчивыхъ устроя,
То сражаясь въ одиночку, мертвецами устилаютъ
Роковой свой путь и въ битвѣ просто удержу не знаютъ.
Галлъ, сражаясь очень храбро, подвигается какъ лава,
Бьетъ и спереди, и сзади, бьетъ налѣво и направо,
Пѣшкамъ, дамамъ никакого не даетъ почти значенья;
Но его любая пуля достигаетъ назначенья,
Даже и при разстояньи для другихъ стрѣлковъ далекомъ,

И врывается онъ въ лагерь непріятельскій наскокомъ.

Вотъ всѣ игры, — можешь войско выбирать себѣ любое,
Если твой партнеръ согласенъ на извѣстный выборъ боя.
Польскій бой обыкновенно по душѣ солиднымъ людямъ;
По игрѣ объ ихъ искусствѣ и терпѣніи мы судимъ.
При концѣ игры выходятъ дамки въ поле скопомъ цѣлымъ,
И преслѣдованіе дамокъ признаютъ не легкимъ дѣломъ.
Потому игра испанцевъ игрокамъ нетерпѣливымъ
Больше нравится: окончить можно партію всю живо.
Кто къ увертливости склоненъ — держитъ ушки на макушкѣ,
Тотъ партнеру подставляетъ остроумныя ловушки.
Галлъ игру кончаетъ скоро, далеко при томъ шагаетъ
И игрокъ горячій способъ этотъ всѣмъ предпочитаетъ.

Ты знакомъ теперь съ ходами шашекъ, милый Францъ, но дѣло
Тутъ не въ войскѣ только: нужно—имъ командовать умѣло.
Развѣ гетманомъ зовется тотъ, кто колетъ лишь да рубитъ?

Нѣтъ, умѣй построить войско, иль оно тебя погубитъ,
Ознакомься съ полемъ битвы, — выборъ мѣста очень важенъ, —
И мои совѣты помня, будь — гдѣ ловокъ, гдѣ отваженъ.

Замѣчай: въ углу направо у тебя двойная клѣтка.
Это — *мельница*: спасенье можешь въ ней найти не рѣдко
Въ ней вполнѣ ты безопасенъ; несмотря на нападенья,
Перебьешь враговъ ты много, даже сдѣлавъ отступленье.
Въ польской партіи, владѣя этой мельницей, въ засадѣ
Вмѣстѣ съ дамками спокойно защищайся при осадѣ;
Если-жъ въ полѣ есть *испанка*, — ставши въ мельницу поспѣшно
Ты сражаться съ этой дамкой можешь смѣло и успѣшно.
Слѣвá тоже есть двойная клѣтка, — *бочкою* зовется;
Этой *бочки* бойся: — плохо отъ нея тебѣ придется,
Если тамъ засѣла дамка, наблюдая за тобою,
Ты тогда не жди пощады, и не рвись напрасно къ бою.
Съ двухъ позицій этихъ, сзади или спереди лежащихъ,
Можно бить враговъ, по крайней мѣрѣ, близко къ нимъ стоящихъ.
Такъ какъ съ ними пограничны *уголки*, то постоянно
Начинается въ нихъ битва, разгораясь неустанно.

Тутъ игрокъ безсильный, или осторожный виденъ
сразу,
И тутъ есть о чемъ подумать храбрецу или пролазу.
Потому позицій этихъ ты держись для обороны.
Какъ предписываютъ строго игрокамъ игры законы.
Въ середину поля лѣзетъ лишь плохой игрокъ: онъ можетъ
Побѣдить, но еще чаще въ битвѣ голову положитъ.
Если-жъ врагъ неосторожный зазѣвается, то вѣрно
Пѣшекъ многихъ онъ лишается и ему придется скверно,
А когда онъ укрѣпится въ *уголкахъ* — пиши пропало,
И оставшись на срединѣ жди погрома и скандала.

Но о правилахъ подробно для чего распространяться?
Не они ведутъ къ побѣдѣ, а вожди. Сбираясь драться,
Лишь они даютъ характеръ всей игрѣ и безъ умѣнья
Та игра не представляетъ никакого развлеченья.
Тотъ игрокъ насъ не заманитъ, не собьетъ съ пути-дороги
Что плетется еле-еле, словно Фабій въ длинной тогѣ.
Онъ боится дать сраженье и назадъ не отступаетъ,
Отдавая приказанья ихъ тотчасъ же отмѣняетъ,
Шагъ впередъ рѣшится сдѣлать и опять шагнетъ обратно,

Что-то все соображаетъ, что-то шепчетъ все невнятно
И, въ концѣ концовъ, разбитый, рать свою всю уничтожа,
Самъ скучаетъ, на партнера нагоняя скуку тоже;
Какъ дитя смѣшонъ не меньше тотъ, кто безъ соображенья,
Безъ оглядки, и безъ цѣли лѣзетъ въ самый жаръ сраженья;
Бьютъ его при нападеньи, бьютъ когда онъ удираетъ
И, противника не тѣша, наконецъ онъ погибаетъ.—
Нѣтъ, игрокъ тотъ настоящій — и, повѣрь мнѣ, это вѣрно
У кого, съ расудкомъ вмѣстѣ, въ дѣлѣ храбрость равномѣрна.
Кто, привычный къ ратоборству, въ бой вступаетъ безъ смущенья
Кто, обдумавъ шагъ, приводитъ планъ свой быстро въ исполненье.
Игроки такія гдѣ же? Но я слышу голосъ словно:
(Мнѣ друзья мои повѣрятъ, — говорю не голословно)
Если дружескимъ совѣтамъ Францъ послѣдуетъ, то будетъ
Игрокомъ такимъ навѣрно, и страсть къ шашкамъ не осудитъ.

Отчего-жъ не приглашаю я его къ столу? скорѣе
И нагляднѣй пріучилъ-бы Франца милаго къ игрѣ я.
Оказать ему такую невеликую услугу
Можетъ каждый, почему-же услужить нельзя мнѣ другу?

Для меня когда-то шашки были лучшимъ развле-
ченьемъ,

Почему-жь въ нихъ не играю ныньче съ прежнимъ
наслажденьемъ?
Ты, которой не извѣстно, что въ душѣ моей
творится,
Ты, чье имя я не въ силахъ прошептать, чтобъ
не смутиться,
Съ той поры какъ миръ душевный проигралъ тебѣ
я въ шашки,
Охладѣлъ я къ нимъ. Играя, не дала ты мнѣ по-
блажки,
И никто тому, конечно, при игрѣ не удивлялся:
Ты за шашками слѣдила, я-жъ тобою любовался.
Отъ лица мнѣ дорогаго отвести не могъ я взора,
Словно чуя, что я долженъ буду съ нимъ проститься
скоро,
Раздражаемый наплывомъ разныхъ чувствъ, въ
молчаньи строгомъ
И съ пылавшими глазами, говорящими о многомъ.
Но своей безумной страсти, при страданіи глубокомъ,
Затаивши вздохъ, не выдалъ я ни словомъ, ни
намекомъ:
Знатный родъ твой сталъ межь мною и тобой, и,
полный муки
Безнадежно могъ я только изнывать, ломая руки.
Покоряюсь волѣ рока, вслухъ не жалуюсь напрасно.
Но забыть — людская память не покорна, само-
властна —
Я забыть не въ состояньи той игры, когда въ
ловушку

Ты моихъ поймала пѣшекъ, поваливъ ихъ другъ на дружку.
Съ этихъ поръ стоятъ всѣ шашки на моемъ столѣ безъ дѣла;
Ихъ рука моя коснуться только разъ одинъ посмѣла,
Только разъ одинъ нарушилъ долгій трауръ, но такого
Преступленія отнынѣ не рѣшусь я сдѣлать снова,
Потому что предо мною ты явилась, какъ видѣнье,
И до шашекъ не касаться отдала мнѣ повелѣнье.

Я не знаю, Францъ, на сколько ты мнѣ вѣрить пожелаешь,
Божество ли это было или чувствъ обманъ, — какъ знаешь
Такъ и думай, я пускаться въ разъясненія не буду,
Но то чудное видѣнье никогда не позабуду.
Помнишь, какъ страдалъ я сильно въ мукахъ страсти безнадежной
И, лишенный утѣшенья дружбы искренней и нѣжной,
Въ-заперти, въ пустынной кельѣ проводилъ и дни, и ночи;
И безъ сна, вплоть до денницы, у меня горѣли очи.
Разъ, когда ночная лампа, чуть мерцая гаснуть стала,
Вдругъ разсѣялась тьма ночи и ея какъ не бывало!
Я глазамъ своимъ не вѣрилъ, голова моя кружилась
И чудесное видѣнье предо мной тогда явилось:
То была *она*, съ большими, неподвижными очами,
Кудри падали на плечи серебристыми лучами
Платьемъ облако служило ей, когда она слетѣла
И букетомъ розъ румяныхъ на ея груди алѣло,

Какъ теперь тебя я вижу, такъ ее я видѣлъ ясно.
И она была, какъ прежде, несравненна и прекрасна!
Только вкругъ чела имѣла еще большее сіянье
И божественнѣе было это чудное созданье.
А потомъ тотъ призракъ милый тихо къ столику спустился.
Мы смотрѣли другъ на друга; я—весь въ зрѣнье обратился.
Утра ранняго блѣднѣе близь меня она стояла,
Лишь одна доска для шашекъ насъ въ то время раздѣляла.
Съ этихъ поръ довольно часто это милое видѣнье
Я встрѣчаю, какъ отраду моего уединенья,
Призракъ къ шашкамъ подлетаетъ, ихъ какъ-будто охраняя,
Но не хочетъ, чтобъ игралъ я, ихъ порядокъ измѣняя.
Понялъ я ея желанье: шашки я не безпокою,
И считаю святотатствомъ тронуть ихъ моей рукою.
Потому-то охладѣлъ я къ той игрѣ. Ее полюбишь
Ты, быть можетъ, Францъ, коль строго исполнять совѣтъ мой будешь:
Побѣждая ближнихъ, лавровъ тріумфальныхъ добивайся,
Только жительницы неба побѣдить ты не старайся.
Тотъ, кто Пиѳіи, припомни, нанести ударъ рѣшится,
Какъ Ѳиванецъ, среди войска права дѣйствовать лишится.
Такъ и я умѣлъ утѣшить друга грустнаго когда-то,
А теперь надоѣдаю всѣмъ... Нѣтъ прошлому возврата.

Доктору С.....

Предпринимающему путешествіе въ Азію съ научною цѣлью.

Жрецъ Эскулапа! Ты, заброшенный въ пустынѣ
Межъ дикарей свой культъ распространяя нынѣ,
Чужому племени здоровье въ даръ несешь,
А по тебѣ въ Литвѣ скучаетъ молодежь.
Но самъ ты скуки чуждъ; куда-бъ ни шла дорога:
Въ водѣ, на сушѣ ты найдешь знакомыхъ много.
Взглянувъ на птицъ всѣхъ климатовъ и странъ
Ты знаешь, какъ король, пернатыхъ всѣхъ гражданъ,
Умѣешь узнавать птицъ мѣстныхъ отъ залетныхъ
И дологъ или нѣтъ вѣкъ пташекъ беззаботныхъ.

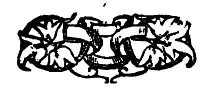
Морская глубина, ужасная на видъ,
Страсть къ наблюденіямъ въ тебѣ не заглушитъ.
Въ глубь моря ты сойдешь, гдѣ подъ водой укрыты
Цвѣтутъ растенія изъ сада Амфитриты,
Какъ грезы нѣжныя, и ихъ измѣнчивъ цвѣтъ
Какъ радуга небесъ... Чего тамъ только нѣтъ!
Сіяютъ звѣзды тамъ и свѣтъ отъ нихъ струится;
Тамъ Аристотеля фонарь на днѣ таится,
И рѣжетъ океанъ ладья весломъ живымъ,
И рыба-мечъ страшитъ оружіемъ своимъ
Китовъ...

Завидный путь! Но часто пилигримма
Ждетъ смерть и стережетъ его неутомимо.—
Изъ водной глубины однако перейдемъ
На землю, гдѣ чудесъ не менѣе найдемъ.
Передъ тобой, лишь сдѣлай мановенье —
И астраханскіе пески въ одно мгновенье
Раскроются; гора разступится для насъ
И мы увидимъ, какъ родится въ ней алмазъ.—
Дороже всѣхъ богатствъ открытія науки,
Хоть меньше блеску въ нихъ. Мы, взявши посохъ въ руки,
Съ вершины горъ сойдемъ въ земную глубь, гдѣ скрытъ
Кладъ подъ замкомъ цвѣтныхъ гранитныхъ плитъ...
Когда въ земномъ раю при видѣ чудной дѣвы
Адамъ, вздохнувъ, упалъ къ ногамъ прекрасной Евы,
Тотъ вздохъ любви земля, подслушавъ, сберегла
И въ драгоцѣнныя каменья облекла.
На древнемъ языкѣ еврейскомъ надпись есть
Объ этомъ на скалѣ; чтобы ее прочесть
У Гумбольдта возьми ты ключь отъ алфавита
И разъясни намъ то, что въ нѣдрахъ міра скрыто.
Пусть не страшитъ тебя трудъ этотъ. Онъ таковъ:
Ты по пластамъ земли провѣришь счетъ вѣковъ,
А тамъ гдѣ встѣтится насчетъ годовъ сомнѣнье
Узнай отъ мамонта загадки разрѣшенье.
Когда разбудишь ты его и встанетъ онъ,
Съ себя стряхнувъ столѣтій многихъ сонъ,
Тогда раскывши пасть, Боянусу [1]) стараясь

1) Боянусъ — знаменитый профессоръ анатоміи Виленскаго университета, въ двадцатыхъ годахъ.

Полезнымъ быть, тебѣ раскажетъ не скрываясь,
Какъ жилъ, гдѣ умеръ онъ, и новый тотъ разсказъ
Навѣрно изумитъ какъ сонъ волшебный насъ.
Прощай! Иди искать отъ прошлаго наслѣдства

И матери-землѣ ея напомни дѣтство.
А я, поэтъ, инымъ желаніемъ горю:
О будущемъ одномъ я съ небомъ говорю,
Хочу прочесть у звѣздъ очами астролога
Когда земныхъ всѣхъ бѣдъ окончится тревога,
Чтобъ освѣжить себя на новые труды.
Въ токайское теперь прибавимъ мы воды
И будетъ королемъ межъ нами тотъ по праву,
Кто первый свой бокалъ осушитъ по уставу.
Тогда мы всѣхъ враговъ науки и ума
Сочтемъ погибшими — ихъ да поглотитъ тьма! —
И отнесемся всѣ къ разлукѣ намъ грозящей,
Какъ къ древней старинѣ. Лови мигъ настоящій!...

Александру Ходзькѣ.

(Импровизація).

Чѣмъ, Александръ, тебѣ я заплачу?
За риѳмы я почтить тебя хочу.
Въ скитальчествѣ я вѣщій духъ теряю...
Какимъ цвѣткомъ тебя я увѣнчаю?

Какъ соколъ, ты увидѣлъ въ небесахъ
Полетъ орла, поднявшись безъ усилья;
Тѣнь одинокую бросаютъ крылья,
Но тысячи есть звѣздъ въ его очахъ.

Изъ устъ твоихъ раскаты слышны грома,
И быстроты глазъ много пріобрѣлъ;
Постигъ ты мощь орлинаго подъема,
И самъ тебѣ завидуетъ орелъ.

Ужь съ лебедемъ [1]) орелъ соединяетъ
Свой звонкій крикъ въ послѣдній, можетъ, разъ;
Его сонмъ братскій окружаетъ,
Но близится ему грозящій часъ...

---

1) Поэтъ Нѣмцевичъ.

Прочь жалость, прочь вы, съ женскими сердцами!
Въ превратности печально я пою;
Вы повѣсть всѣ послушайте мою:
События ужь выростутъ и сами.

Условились разъ птицы межъ собой
Всѣхъ испытать въ воздушномъ перегонѣ,
Чтобы узнать, которая судьбой
Назначена возсѣсть на птичьемъ тронѣ.

Орелъ взвился; другаго нѣтъ крыла,
Чтобы могло, какъ парусъ, съ нимъ равняться;
Кто на вѣтрахъ опередитъ орла?
Кого орелъ найдетъ, чтобъ состязаться?

Колибри былъ желаньемъ распаленъ
Побѣдой царскій тронъ себѣ воздвигнуть,
И подъ крыло орла забрался онъ:
Зналъ, что орла въ полетѣ не достигнуть.

Орелъ взвился,—но такъ измученъ былъ,
Что внизъ упалъ, и до смерти разбился.
Колибри же, что подъ крыломъ укрылся,
Оттуда въ высь лазури воспарилъ.

Орелъ падетъ, ты будешь возноситься;
Умретъ Адамъ, жизнь сохранитъ тебя;
На тронъ его тебѣ тогда садиться,
Его лучемъ ты озаришь себя.

Его постигъ ты, и его прославишь,
Свѣтъ огласишь ты пѣніемъ своимъ;

И о душѣ его ты въ міръ заявишь,
И выронишь слезинку ты надъ нимъ.

Такъ уронить жемчужину слезинки
Тебѣ надъ нимъ досталося, мой братъ!
И пѣть еще, творя ему поминки,
Святую пѣснь судьбы тебѣ велятъ!

Маріи П.. [1])

ПОДНОСЯ ЕЙ ВТОРУЮ КНИЖКУ СТИХОТВОРЕНІЙ [2]).

Сестра Марія! насъ не кровь соединяетъ,
Но сердцемъ и умомъ сроднились мы давно,
Когда твоей судьбы мнѣ прихоть возбраняетъ
Названья милыя, священныя равно:
Взгляни ты иначе на годы безъ возврата,
И память милаго изъ рукъ прими ты брата...

1) Съ рукописи.

2) Вѣроятно относится къ Маріи Путкаммеръ, рожденной Верещакѣ, еще до ея замужества вдохновлявшей поэта въ столькихъ его произведеніяхъ. *Примѣч. Переводчика.*

Въ альбомъ С. Б.

Дни благодатные прошли,
Когда поля пестрѣли чудно,
Когда цвѣты вездѣ росли...
Теперь цвѣтокъ найти мнѣ трудно.
Ненастье, бури и тоска. .
На нивѣ, гдѣ завыла вьюга,
Не вижу я нигдѣ листа,
Чтобы сорвать его для друга.
Все что нашелъ — дарю. Такой
Листокъ недолженъ затеряться:
Онъ поданъ дружеской рукой,
Онъ даръ послѣдній,—можетъ статься.

Въ альбомъ Луизы Мацкевичъ [1])

Невѣдомъ, незнакомъ я на твоемъ пути,
И намъ уже велитъ судьба разъединиться!
Чтобъ познакомиться съ тобою и проститься,
Два слова шлю: «Привѣтъ!» и «Навсегда прости!»

Такъ запоздалый гость альпійскаго ущелья
Поетъ, чтобы тоскѣ пути придать веселья.
Кому когда-то пѣлъ, ужь я утратилъ всѣхъ,
Лишь милой друга пѣть осталась мнѣ утѣха;
Но въ край ея пока примчитъ ту пѣсню эхо,
Быть можетъ, путника засыплетъ вѣчный снѣгъ...

---

[1]) Написано по просьбѣ ея жениха І. Ц. 24 Октября 1824 года въ день выѣзда поэта изъ Литвы.

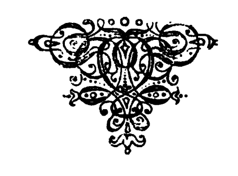
Въ альбомъ Г. Головинской.

Скитальцамъ на пути недолгихъ нашихъ дней
Жизнь — узкая тропа между двумя морями:
За нами—мгла, туманъ грядущаго предъ нами.
Одни прямѣй идутъ, и отдохнуть скорѣй;
Другихъ влекутъ съ пути приманки обольщенья
Къ роскошнымъ прелестямъ и славы высотамъ.
Счастливы, если, сонъ ловя воображенья,
Найдемъ въ концѣ пути священной дружбы храмъ.

Въ альбомъ *.

Блаженъ, кто въ памяти души твоей потонетъ
Какъ жемчугъ иль кораллъ, который навсегда
На лонѣ дѣвственномъ такъ бережно хоронитъ
Въ лазури волнъ своихъ балтійская вода.
Но я, какъ камешекъ, который несравнится
Сіяньемъ съ жемчугомъ, съ коралломъ красотой,
Хотѣлъ бы поиграть, хоть мигъ одинъ, съ волной,
А тамъ ужъ и въ песокъ забвенья погрузиться...

Въ альбомъ ***.

Когда замѣтишь ты съ тоской
Челнокъ въ пучинахъ грозныхъ моря,
Пусть не тревожатъ твой покой
Пловца отчаянье и горе
Въ тотъ часъ, когда могучій валъ
Отъ корабля его умчалъ.

Когда въ волнахъ всѣхъ гибель ждетъ,
Къ чему рыдать ему, бояться.
Не лучше ли смотрѣть впередъ,
Опасностямъ сопротивляться,
Чѣмъ, къ берегу приставъ, считать
Свои потери и вздыхать.

Въ альбомъ ***.

Оба смотрѣли мы въ стороны разныя,
Въ разныхъ мірахъ жили оба; намъ видѣлись
Разные сны, иногда неотвязные...
Милая, какъ же съ тобою мы сблизились?

Мы, словно звѣзды по виду различныя,
Въ разныя стороны плыть обреченныя,
Въ мірѣ носились, свершая обычное
Шествіе; пристани мирной лишенные,

Вѣчныхъ изгнанниковъ ждетъ лишь гоненіе.
Къ худу-ль, къ добру-ль,—все зависитъ отъ случая,
Сблизитъ насъ вновь ко всему отвращеніе,
Свяжетъ насъ дружески ненависть жгучая.

Въ альбомъ Ржевуской.

Два разныхъ жребія намъ вынуты судьбою:
Какъ въ морѣ двѣ ладьи, мы встрѣтились съ тобою.
Твоя, блестя кормой, подъ всѣми парусами
Увѣренно плыветъ, гонимая волнами;
Моя жь — избитая, по волѣ злыхъ вѣтровъ,
Безъ веселъ и руля, кружитъ среди валовъ,
И я — когда судьба пророчитъ ей невзгоду
И червь ей точитъ грудь — компасъ кидаю въ воду.
Разстаться мы должны! Увидимся-ль опять?
Искать не станешь ты, я не могу искать!

Въ альбомъ А. С.

Говорятъ отъ русскихъ женщинъ у тебя подарковъ много
И что ты безъ сувенировъ не оставилъ ихъ порога.
Отъ вражды и дружбы тоже попадетъ для назиданья
Въ твой сундукъ сентиментальный три-четыре пожеланья.
Въ южный край иль въ край холодный можешь ѣхать ты свободно,
Всѣ пути тебѣ открыты — поѣзжай куда угодно.
На одномъ концѣ компаса твоего пускай желанье
Пріютится, на другомъ же — мрачный трауръ и страданье.

Въ альбомъ Маріи Шимановской.

На югѣ ты блестишь тепло и животворно,
Какъ солнце южное, и вѣчно предъ тобой
Избранники толпы вѣнчанной головой,
Какъ Парсы древніе, склоняются покорно.

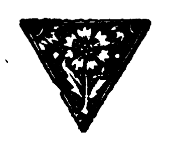
Вдругъ неожиданно стучится у дверей
Далекій, чуждый гость и слышенъ голосъ новый,
Средь южныхъ голосовъ и рѣзкій, и суровый,
Какъ смѣлый селянинъ въ бесѣдѣ у царей.

Царица! не кичись, не бойся этой встрѣчи,
Прислушайся: твой гость свободный и живой;
Веселый этотъ звукъ—знакомый старый твой,
Сердечный звукъ твоей родимой рѣчи.

Въ альбомъ Целины Шимановской.

Наборъ во всемъ разгарѣ. Сбѣгается пѣхота,
Уланамъ и гусарамъ нахлынувшимъ нѣтъ счета.
Они сошлись по зову въ красивомъ безпорядкѣ,
Чтобы въ альбомѣ этомъ разбить свои палатки.
Пусть будетъ то, что̀ будетъ! Сѣдой герой, я стану
Въ ихъ строй, примкнувъ охотно къ военному ихъ стану,
Товарищамъ повѣдавъ, что я такимъ манеромъ
На правомъ флангѣ войска былъ первымъ гренадеромъ.

Францу Гржималу.

Ни съ чѣмъ мой памятникъ по блеску не сравнится,
Костюшки славу онъ въ вѣкахъ переживетъ,
Разрушить Виртембергъ его не умудрится
И пушками его Австріецъ не снесетъ.
Извѣстенъ я теперь отъ Припети до Ковно
И до Панарскихъ горъ — пѣвецъ полей родныхъ —
И въ Минскѣ молодежь не можетъ хладнокровно
Читать моихъ стиховъ и списываетъ ихъ.
Ко мнѣ благоволятъ всѣ дочки эконома,
Да и помѣщикъ самъ подчасъ благоволитъ,
И не боясь угрозъ таможни и погрома,
Мои творенія въ Литву провозитъ жидъ.

ОБЪЯСНЕНІЯ КЪ СТИХОТВОРЕНІЯМЪ ВОСТОЧНЫМЪ.

Къ стр. 218 1) *Фарисъ*—значитъ Арабскій наѣздникъ, рыцарь. *Кассида*—пѣснь или стихотвореніе, родъ поэмы; въ кассидахъ обыкновенно прославлялись подвиги героевъ Востока.—*Таджъ-уль-фехнъ*—имя, подъ которымъ прославился на Востокѣ графъ Венцеславъ Ржевускій—ренегатъ, достигшій званія Эмира.

Къ стр. 227 2) *Антаръ*—имя одного изъ знаменитѣйшихъ фарисовъ Арабскихъ до Магомета. Онъ былъ поэтъ и воинъ изъ племени *Аздъ*. Будучи оскорбленъ нѣкоторыми наѣздниками изъ племени *Силаманъ*, онъ рѣшился отмстить и поклялся умертвить лично сто фарисовъ изъ этого племени. Онъ уложилъ ихъ уже девяносто девять, какъ попался въ руки противниковъ: отрубленная голова его подверглась ихъ поруганіямъ, но при этомъ, когда одинъ изъ враговъ толкнулъ голову Антара ногою, то зашибъ себѣ ногу черепомъ такъ сильно, что поплатился жизнію и дополнилъ единицею число жертвъ Антарова мщенія.

Къ стр. 227 3) .... «На ноги ставьте верблюдовъ!» и проч. Верблюды, подгибая подъ себя ноги, ложатся и въ такомъ положеніи ихъ вьючатъ; а потомъ, когда караванъ долженъ тронуться съ мѣста, человѣкъ, сѣвъ на животное, тянетъ къ верху поводья и поднимаетъ его: *ставитъ на ноги*.

Къ стр. 229 4) Черныя брови—необходимое условіе красоты у Арабовъ. Щеголи у нихъ занимались тщательною отдѣлкою бровей своихъ, употребляя для подкрашиванія ихъ порошокъ, называемый—*коль*.

Къ стр. 230; 5) У древнихъ Арабовъ, до Магомета, хранились во храмѣ ихъ, въ Меккѣ, *священныя стрѣлы*. Пукъ этихъ стрѣлъ, въ рукѣ жреца, приводился въ движеніе такъ, что стрѣлы перемѣщались между собою, тасовались,—и звуки, издаваемые при соудареніи ихъ, были толкуемы авгурами, чародѣями или гадателями къ предъузнанію будущаго.

Къ стр. 230; 6) Когда фарисъ погибаетъ въ битвѣ, то жены и дочери убитаго, всходя на холмъ, оплакиваютъ его, протяжно воя, пока за убитаго не отомститъ кто-либо изъ соплеменныхъ фарисовъ.

Къ стр. 231; 7) Цистерны или водохранилища устроиваются въ разныхъ безводныхъ мѣстахъ Аравіи для скопленія въ нихъ дождевой воды къ утоленію жажды путниковъ. Фарисы должны знать мѣста, гдѣ находятся такія водохранилища.

Къ стр. 231; 8) Казуары—родъ страусовъ. Они летаютъ большими стаями, производя сильный шумъ своимъ полетомъ.

Къ стр. 232; 9) Поэтъ взялъ это выраженіе отъ обычая Арабовъ *метать жребій*, опредѣляющій, кому какая часть должна достаться отъ убитаго верблюда, когда это животное убиваютъ для употребленія въ пищу.

Къ стр. 236; 10) *Альмотенабби*—славный наѣздникъ, воинъ и поэтъ арабскій. Будучи изгнанъ изъ своего отечества, онъ отправился въ Египетъ къ другу своему—султану Абу-Шоджа-Фатику, котораго однако уже не нашелъ въ живыхъ, и тогда, оставивъ Египетъ, онъ сложилъ дорогою переведенную здѣсь кассиду.

ОБЪЯСНЕНІЯ КЪ СОНЕТАМЪ.

1) Изъ 24-хъ сонетовъ этого отдѣла, помѣщенныхъ въ полномъ собраніи сочиненій А. Мицкевича, здѣсь переведены 22, собственно ему принадлежащіе: два-же непереведенные взяты имъ изъ Петрарки.

2) Поэтъ *Алкей* — родился въ Митиленахъ около 604-го года до Р. Х.

3) «Историческія пѣсни» Урсина Нѣмцевича написаны особеннымъ ладомъ, изобрѣтеніе котораго принадлежитъ автору этихъ пѣсенъ.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ РАЗНЫМЪ СТИХОТВОРЕНІЯМЪ.

Стихотворенія этого отдѣла: «The meeting of the waters», «Сватовство»; «Два слова въ день отъѣзда»—взяты изъ альбома П. Мошинскаго; при чемъ нѣкоторыя піэсы внесены авторомъ въ альбомъ съ разными варіантами. Стихотворенія: «Къ моему чичероне въ Римѣ»—и за нимъ слѣдующія взяты изъ рукописей Въ этомъ отдѣлѣ заключается между прочимъ стихотвореніе. «Мордахъ въ Венеціи», взятое съ сербскаго, какъ показано у Мицкевича. Піэса эта у Пушкина въ «Пѣсняхъ западныхъ славянъ» носить заглавіе: «Влахъ въ Венеціи» и имѣетъ явное превосходство передъ польскимъ переводомъ по своей суровой простотѣ и сжатости. Пушкинъ въ примѣчаніи своемъ сказалъ, что Мицкевичъ *украсилъ* эту піэсу. Для сличенія здѣсь помѣщенъ точный переводъ съ польскаго.

ОГЛАВЛЕНIЕ I ТОМА.

Баллады и Романсы.

Сонеты.

Повѣсти и сказки.

Отдѣлъ I.

Отдѣлъ II.

Отдѣлъ III.

Отдѣлъ IV.

Отдѣлъ V.